

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н.Н.
МИЛКУХО-МАКЛАЯ

РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФ

Этнографический альманах

Антропология

Культурология

Социология

Вып. 7

Главные редакторы:

Симченко Ю.Б.

Тишков В.А.

Редакторская группа:

Ерунов И.А., Крюкова С.С., Носова Г.А., Павлова Н.В.

Москва 1993 г.

© Центр прикладной этнографии
Института этнологии и антропологии РАН, 1993

*Неутомимому исследователю шаманизма
Михаэлю Харнеру*

Юрий Симченко

ОБЫЧНАЯ ШАМАНСКАЯ ЖИЗНЬ

Этнографические очерки

Содержание

Ревитализация традиционных верований народов северной Азии	4
Шаманский народ – мухоморы	20
Обычная шаманская жизнь	34
Вальгиргин, попугай Робингроз и другие действующие лица.	48
О собаках, китах и духах	76
Корень жизни	91
Свадьба по-бурятски	104
Видящие во сне	118
Кая	122
Сяйбамеку	129
Мамонтовый бубен	137
Альмости	147
Компьютер для шамана	167

Ревитализация традиционных верований народов Северной Азии

В последние десятилетия у народов Крайнего Севера СССР, Центральной и Южной Сибири проявляется общая тенденция повышения национального самосознания. Как следствие этого процесса, существенные сдвиги обнаруживаются и в сфере духовной культуры, в частности, в области традиционных культов.

В целом эти процессы можно считать ревитализацией исконных религиозных установлений и форм религиозного поведения. Однако у разных народов в различных регионах явления ревитализации различных форм традиционной идеологии происходит по-разному: различен масштаб происходящих изменений, отличные черты имеют сами тенденции, различаются и области проявления идеологических установок. Вариабельность эволюционных течений в идеологии народов Северной Евразии в настоящее время в значительной степени обусловлена особенностями исторического процесса, условиями развития национальной культуры, характером влияний мировых религий, государственной политикой в этой области до и после установления советской власти.

Традиционная позиция царской администрации, в русле которой осуществлялись все мероприятия православной церкви, заключалась в ненасильственном распространении христианства и в полной веротерпимости по отношению к «инородцам» - т.е. к коренным жителям Северной Азии. Особенно эта тенденция выявляется на примере деятельности Российского Библейского общества, рассматривавшегося официальными властями в качестве некоего центра по распространению христианства православного толка. Это общество было основано в 1812 г. Его возглавлял обер-прокурор Святейшего Синода, а опекал – царь¹. Это общество, кроме центрального столичного, имело отделения в большинстве губернских городов России. Возглавляли отделения представители и духовных, и гражданских властей. В Сибири, применительно к нуждам коренных жителей, отделения Библейского общества были созданы в Тобольске и в Иркутске. Эти отделения занимались в основном переложением Нового Завета на языки коренных народов. Кроме работы, проводившейся в отделениях Библейского общества, переводами Священного писания были заняты и отдельные миссионеры, изучавшие языки своей паствы. Главным доводом о необходимости подобной работы служило убеждение, что Христово учение должно восприниматься через родной язык. Самый широкий размах упомянутые работы приобрели в первой четверти прошлого века. Тогда некоторые части Нового Завета – главным образом, Евангелие от Матфея, а также молитвы, символ веры и заповеди, были переведены на хантыйский и мансийский языки, диалект

сибирских татар, диалект тазовских селькупов, европейских ненцев, подкаменнотунгусских эвенков, бурят, чуванцев и чукчей². Однако все попытки распространить канонические тексты, даже изложенные на родных языках новообращаемых, не имели ни малейшего успеха. Общее мнение миссионеров сводилось к тому, что распространение православия возможно лишь при коренном изменении образа жизни аборигенов Сибири и приближении их жизненного уклада к русскому, точнее – к христианскому. В некоторых миссиях христианско-просветительская работа стала принимать именно такие черты. Это и послужило причиной закрытия Библейского общества в 1826 году и даже уничтожения его трудов. Деятельность его стала выглядеть особенно неприемлемо после выхода в 1822 году «Устава об инородцах», где со всей определённой была провозглашён принцип религиозной терпимости. Весьма примечательно, что наиболее дальновидные церковные деятели приняли весьма активное участие как в выработке самого устава, так и в закрытии Библейского общества. Труды миссионеров, занимавшихся переводческой деятельностью, всё же не пропали даром – многие из них перенесли усилия на создание местных словарей, грамматик, создание простейшей письменности и т.п. языковедческие труды.

Таким образом, христианизация в Северной Азии не имела характера государственной политики.

Этим, отчасти, объясняются и более чем скромные успехи православной миссионерской деятельности за прошлое столетие. По степени влияния христианства на Европейском Севере и в Сибири можно выделить несколько провинций³. По убывающим характеристикам их можно распределить следующим образом: североевропейская (территория расселения саамов, европейских ненцев и северных групп коми), обско-иртышская (территория расселения южных групп обских угров и селькупов, а также тобольских татар), даурская или забайкальская (территория расселения забайкальских тунгусов и бурят), южносибирская (Алтай, Тува и Хакассия), северосамодийская (территория расселения азиатских ненцев, северных селькупов, энцев, нганасан), североякутская (территория расселения юкагиров, северных якутов, эвенов, северных групп эвенков), чукотско-корякская (Чукотка и Камчатка, кроме её центральной части), нижнеамурская (территория расселения нанайцев, ульчей, орочей, ороков, удэгейцев, нивхов). Эти подразделения, разумеется, до крайности условны и предлагаются только лишь для удобства рассмотрения региональных и этнических различий и идеологических процессов.

Кроме христианства, на традиционные культы народов Южной Сибири оказал ощутимое влияние ламаизм, проводниками которого были буряты и тувинцы различных групп.

Мусульманство, распространившееся у значительной части татарских групп в Сибири, ощутимого влияния на общую картину традиционных верований не оказало.

Зоной наиболее протяжённого контакта языческого и христианского населения был Европейский Север, населённый саамами и ненцами. Большинство саамов, как и другие финно-язычные немногочисленные народы этой зоны. Было крещено ещё во времена образования Новгородских пятин и сохраняло при этом весь комплекс традиционных религиозных представлений, включающих общий культ сил природы, территориальные и промысловые культы, шаманизм⁴. Однако эти традиционные черты уже к началу нынешнего столетия у саамов приобрели характер пережитков на общем христианско-православном фоне. Такое положение возникло не столько за счёт усилий официальной церкви, сколько за счёт постоянного наращивания присутствия христиан среди коренных саамов. Значительное количество смешанных браков – образование разнонациональных семей, куда входили христиане, привели к скорейшему распространению христианских основ и их доминированию в кругу верований. С другой стороны, и пришлое население приняло от саамов целый ряд установлений сакрального характера, вошедших в качестве составной части местных верований и оказавших самое непосредственное влияние на все формы религиозного поведения. Так, пришлое население. В большей части переняло саамские установления – почитание сейдов – священных мест и подавляющее большинство обрядов, связанных с охотничьим культом.

Советское время было отмечено преследованиями любых форм сакрального поведения. Гонениям подверглись в равной степени как христианство, так и шаманизм. Христианская церковь подверглась большому разгрому вследствие большей организованности и упорядоченности религиозно-культурной системы. Были закрыты церкви, упразднены церковные штаты и прекращены какие-либо службы. Традиционные религиозные установления оказались менее уязвимы, хотя постоянно подвергались критике со стороны всего советского и идеологического аппарата. Перманентное давление, несмотря на смену поколений, не привело к полному исчезновению в идеологии как дохристианских, так и христианских форм. Сейчас трудно говорить о восстановлении во всём объёме прежней идеологической системы, но можно отметить, что тенденция к ревитализации её основ постоянно проявляется в форме жанров самодеятельности, связанных с прежними культурами, в литературе, поэзии и пр.

Похожая, хотя и несколько отличная, картина духовного возрождения наблюдается и у европейских ненцев.

Как известно, европейские ненцы были первыми из самодоязычных народов, с которыми русское население вступило в контакт. Христианизация их шла совершенно другим, нежели у саамов, путём. Практически церковь не занималась обращением ненцев в христианскую веру в массовом порядке, вплоть до начала XIX века. Несмотря на давнее и тесное взаимодействие с русским поморским населением, ненцы не образовывали в значительных количествах смешанных с русскими семей и не перенимали основ оседлой

жизни, идеологическим элементом которого было православие. На Канинском полуострове, в самоедских тундрах Европейского Севера ненецкие общности и русские поселения образовывали достаточно интегрированные коллективы, которые можно объединить в некий хозяйственно-культурный тип. Между поморами и ненцами протяжённое время существовал чётко регламентированный обмен, обеспечивавший более или менее комфортный симбиоз представителей разных народов. Так, ненцы снабжали русское население продуктами оленеводства. Следует иметь в виду, что именно в Заполярье и Приполярье оленьё меховое сырьё играет важнейшую роль, являясь почти единственным источником материалов для одежды. И поныне, в высоких широтах Русского Севера одежда из оленьих шкур является наиболее предпочтительной. Без оленьей меховой одежды был бы немислим любой зимний промысел как на Канине, так и в Тиманской, Малоземельской и Большеземельской тундрах. В одежде из оленьего меха поморы уходили на морской промысел, охотились на льдах и ловили из-под льда рыбу. В свою очередь, ненцы получали от русских инструменты из металлов, хлеб, рыбу и различные бытовые изделия. Автору данной работы доводилось в деталях зафиксировать весь цикл симбиотической хозяйственной деятельности канинских ненцев Несской группы и нескольких коренных поморских семей посёлка Несь, которая была строго согласована по времени, ассортименту и количеству обменных продуктов, а также распорядку основных христианских праздников и различных религиозных отправлений. Эти сведения можно считать достаточно корректными, т.к. они касаются сравнительно недавнего времени, подвергшимися в народной памяти незначительному искажению.

Первые европейские ненцы были окрещены лишь в 1822 году⁵. Незначительное количество крещёных ненцев послужили побудительной причиной для создания целого проекта внедрения христианства на Севере Европейской России. В 1824 г. Сифский митрополит Вениамин получил специальные полномочия и наставления в миссионерской деятельности. Одним из обязательных моментов действий двух специальных священников в Канинской, Тиманской, Большеземельской и Малоземельской тундрах было: «... войти в общение с самоедами и кротостью, благоприветливостью и другими пасторскими добродетелями снискать их доверенность, вникнуть в образ жизни, мыслей и наклонностей к обращению самоедов, раскрывая им ложность и тщету их веры, открывать им свет Евангелия и крестить по добровольном наставлении в вере...»⁶.

Миссия архимандрита Вениамина шесть лет путешествовала по ненецким тундрам и окрестила к этому времени 3303 человека, т.е. подавляющее большинство кочевого населения, построив три великолепных деревянных церкви, одна из которых в посёлке Несь дожила до нашего времени. Сведения, сообщаемые как самим Вениамином, так и подчинёнными ему священниками, полны свидетельств о том, что крещение носило чисто формальный характер. Никакого глубокого проникновения в

христианские глубины философии ненцы не обнаруживали. Напротив, многие факты о приобщении их к православию носили несколько комический оттенок – большая охота звонить в колокола, например и многое другое. Следует отметить, что архимандрит Вениамин и его духовное воинство строго придерживалось той программы, которая была им предписана Синодом. Они никогда не принуждали ненцев креститься без выражения ими собственного желания, хотя причины такового зачастую и были легковесны. Особенно в этой связи весьма примечательно, что русское православное духовенство не оказывало никакого давления на ненецких шаманов и не препятствовало всем традиционным культовым отправлениям людей⁷. Вместе с тем, представители церкви вели себя непоследовательно, сталкиваясь с объектами языческого культа. Так, миссия Вениамина уничтожила жертвенные места на Кийской вершине Канинского полуострова, священном урочище, носившем русское название «Козьмин перелесок», святилище на острове Вайгач и т.п. В то же самое время русское население этих мест проявляло совершенное уважение к местным ненецким святыням, подключаясь к сакральным актам, связанным с промысловыми культурами. Русские промышленные люди вели себя по отношению к ненецким священным местам совершенно также, как и ненцы. Они во многих случаях обращались за помощью и покровительством к шаманам, почитая их за равноправных с христианскими священниками духовнослужителей. Консistorские материалы по Архангельску полны сообщениями о всевозможных ересьях и вольнодумствах русских, бросавшихся в глаза всем приезжим чиновникам из духовенства.

Советский период на Русском Севере с самого начала был отмечен принципиальной борьбой со всеми проявлениями веры. Были разорены все церкви, как это уже говорилось, кроме Несьской. Замечательная церковь в селе Пеша была разрушена, а Колвинская церковь превращена в клуб. Шаманы, открыто действовавшие и во времена самой интенсивной миссионерской деятельности, рассматривались в качестве специфических эксплуататоров, паразитирующих на невежественном народе. Именно шаманы подверглись жесточайшим репрессиям, что привело, в конечном итоге, к делегализации традиционных культов, замыканию ненецких общин и сокрытию национальной религиозной жизни от официальных властей. Все эти явления были характерны до недавнего времени. Последнее десятилетие, отмеченное отсутствием репрессий по отношению к религии, отмечается некоторым оживлением в области традиционных верований ненцев. Наиболее примечательным является тот факт, что по принципу наиболее сильного противодействия восстанавливаются именно христианские элементы синкретической духовной культуры. В настоящее время в ненецких чумах в оленеводческих бригадах можно увидеть христианские иконы и прочие атрибуты православия – лампы, северные кресты «со святыми на полях», бронзовые складни и т.п., хранившиеся до настоящего времени потаённо. Интересно и то, что старшее поколение, возившее этот

сакральный инвентарь в специальных хранилищах, где возились и идолы, продолжает относиться к ним, как к фетишам, в то время как молодёжь, более осведомлённая в христианских принципах, ведёт себя по отношению к ним, как неверующий в православии, т.е. не богохульствуя, но и не проявляя духовного рвения. Среди молодёжи большим вниманием пользуются традиционные установления, касающиеся местных культов и шаманизма. Так, культурная жизнь Ненецкого автономного округа, отмечена борьбой за сохранение в качестве заповедных всех священных мест территории. Многие элементы шаманских действий восстановлены в ненецкой самодеятельности – народном искусстве. Полевые материалы автора свидетельствуют о том, что уважительное отношение к местным святыням и шаманистическим установлениям проявляют и северные группы коми, выпасающие олени стада на территории европейских ненцев.

Обско-иртышская провинция, населённая различными группами хантов, манси, южных селькупов и тобольских татар, подверглась миссионерскому воздействию гораздо ранее европейско-ненецкой. Усиленная работа христианских церковников практически началась ещё в XVIII веке, затронув обширные земли по всему течению Иртыша и среднему течению Оби⁸. Особый толчок эта деятельность получила с появлением в Тобольске большой группы ссыльных, прибывших туда по Указу царя Петра I из пленных шведов и их союзников. Наиболее известными из них в наши дни являются швед Табберт, оставивший замечательное описание народов Сибири своего времени (Страленберг) и зять Мазепы, выпускник Киево-Могилянской Академии Григорий Новицкий, составивший выдающееся этнографическое сочинение «Краткое сказание о народе остяцком».

После победы Петра Первого под Полтавой значительно оживилась жизнь в Тобольске. В это время начинают строиться здания, подчёркивающие значение Тобольска в качестве Сибирской столицы (Рентерея и пр.), увеличивается количество деятельных людей города, оживляется миссионерская и прочая деятельность. Однако с самого начала церковные власти взяли направление на подавление местных культов и местных верований. В короткий срок уничтожаются древние святилища (Белогорье и др.), почитаемые фетиши свергаются и духовные пастыри начинают борьбу с самим институтом шаманизма. Все эти резкие и необдуманные меры сразу же встретили отпор со стороны коренного населения региона. Известны случаи вооружённого сопротивления Христианскому воинству, в котором последние терпели поражение. Вместе с тем, устанавливается традиция отдаления, сокрытия духовной жизни обских угров и южных самоедов от официальных властей. Постепенно формируется положение, которое можно охарактеризовать, как взаимную изоляцию. Церковные власти формально занимались миссионерской работой при неприятии и непротивлении коренных жителей. Эта ситуация практически сохранялась до установления советской власти на Тобольском севере. Первые годы установления советской власти в данном регионе

ознаменовались подавлением различного рода выступлений коренного населения, в которых зачастую лидировали шаманы – охранители интересов своих кровнородственных групп. Поэтому главные репрессии были обрушены именно на адептов традиционных культов, которых в принципе рассматривали в качестве классовых врагов, противников социалистического строя. Тем не менее, истребление шаманов не имело абсолютного успеха.

Первые советские просветители, приезжавшие в этот регион ещё в двадцатых годах, отмечали удивительную сохранность традиционных культов. Вытеснение исконной идеологии в послереволюционный период здесь шло по всем направлениям официальной системы. Традиционные верования порицались в местной печати и на радио, большую лепту в этот вопрос внесла школа. Однако и обские угры, и южные самоеды и притобольские тюрки не утратили основ традиционной веры. Всё это время у отдельных групп коренного населения оставались люди, обладающие шаманским даром, передавались основные принципы сакрального поведения по отношению к священным местам и другим культовым объектам, сохранялись знания о традиционных праздниках. В настоящее время отмечается ряд существенных утрат в духовной культуре Иртышско-среднеобской провинции. Однако в качестве примера стойкости народных сакральных установлений можно привести бытование медвежьего праздника у хантов и манси, знания шаманской атрибутики и действий, а также полное сохранение промысловых обрядов. К этому следует прибавить, что в последнее десятилетие у обских угров, селькупов и тобольских татар постоянно нарастает интерес к своей традиционной культуре. Особенно это ярко проявляется в репертуаре самодеятельных ансамблей, где доминируют фольклорные номера, в литературе, которая всё более и более приближается по сюжетике и форме к народным жанрам, а также в сакральном повседневном поведении – восстановлении почитания священных деревьев, камней и прочего, в бережном отношении к священным местам и твёрдой позиции молодежи по вопросу восстановления родного языка и культуры.

Забайкальскую или Даурскую провинцию по степени христианизации весьма условно можно поставить на третье место после вышеупомянутых. Бурятское и местное тунгусское население провинции, бывшие шаманистами, испытали влияние двух мировых религий – христианства и в большей степени ламаизма¹⁰. Попытки христианизации бурят делались ещё в XVIII веке, когда в 1681 году была основана Даурская миссия. Менее чем через половину столетия была создана Иркутская епархия, которая и явилась организатором миссионерской христианской деятельности в Добайкалье и Забайкалье. Успехи христианизации в данном регионе за половину столетия выразились в нескольких десятках крещёных бурят и тунгусов, которые в основном жили при Даурской миссии или же при хозяйствах православных церковных чинов. Почти двадцать лет – в 1819-1840 гг. – христианство у бурят пытались распространять и английские миссионеры, которые, снискав

общее расположение коренных жителей Селенгинского и Хоринского ведомств, всё же не смогли достичь сколько-нибудь ощутимых успехов.

Миссионерская работа православных деятелей усиливается в 30-40 годах прошлого столетия¹¹. Церковь применяет новый приём, привлекая родовую верхушку к распространению православия, наделяя её при крещении рядом привилегий и получая от официальных властей поощрения за распространение главной религии империи. Иркутская и Забайкальская миссии действовали через четыре десятка «станов», состоящих из церкви и церковного причта. Деятельность этих станов привела к тому, что к концу прошлого – началу нынешнего века имелось 85 тысяч крещёных бурят Идинского, Аларского, Тункинского и Кударинского ведомств. Следует иметь в виду, что крещение бурят имело совершенно формальный характер и что новокрещённые люди считали всю православную церковную атрибутику простыми бурханами русских богов, к которым они относились с уважением, как ко всем богам вообще. Буряты никогда не теряли одного из главных культов – почитания *эжинов* – священных мест. Даже когда на этих местах поселились русские, они продолжали производить обрядовые действия, имевшие целью почитание традиционных святилищ.

Буряты, оставаясь шаманистами, восприняли некоторые внешние формы христианства. Так, сохраняя сакральное отношение к культовой системе *тайлаганов* – обрядовых празднеств, буряты стали приурочивать их к христианским датам – к Петрову дню, в июне, к Ильину – в июле и к Покрову – в осенний период. В эти и другие праздники буряты ходили в русские церкви и ставили свечи «русскому бурхану», производя при этом традиционные шаманистические действия. Эти календарные *тайлаганы* были связаны и с тем значением, которое всё более и более приобретало земледелие, заимствованное от русского населения. В бурятском пантеоне появился образ Николая-чудотворца, покровителя земледелия. При этом верующими было высечено изображение Св.Николая в Тунке, где христианский святой имел типично монголоидный облик и пользовался почитанием в качестве традиционного бурятского бога¹². Христианские установления проникли в некоторые бурятские погребальные и прочие обряды. Однако христианство в Забайкалье и Прибайкалье имело мощного соперника в лице ламаизма. Буддизм, как и христианство, начинает проникать в бурятскую среду ещё в XVII в. Буддизм в форме тибетского ламаизма был зафиксирован у бурят ещё в 1689 г., когда из Монголии с ними пришли ламаисты с двумя *ширетуями*.

В начале XVIII в. из Монголии прибыли сюда 150 лам, которые были расписаны по различным бурятским родам. В последней четверти XVIII в. на территории бурят имелось уже 10 больших и 6 малых кумирен с 617 ламами, а в первой четверти девятнадцатого века число дацанов увеличилось до 18, а число лам – до 2600. В последующие годы число дацанов и лам удвоилось. До установления советской власти у бурят было уже 36 дацанов и 16 тыс. лам. Как и христианство, ламаизм не мог глубоко проникнуть во все сферы

духовной и общественной жизни бурят. Особенностью бурятского ламаизма было то, что он включил в себя многие шаманистические культы, «обратив» в свою веру главных персонажей шаманского пантеона и включив в сакральные действия многие шаманистические установления.

Этот гибкий подход обеспечил бурятскому буддизму значительный успех. Он, конечно, не вытеснил шаманизм с его основных позиций, но он стал неотъемлемой частью той синкретической системы, которая сейчас представляет религиозную идеологию большинства бурят. Так, ламы включили в свою сферу культ родовых *обо* – святилищ в честь духов мест, а шаманские *эжины* получили ламаистские имена, стали особенно почитаться также видные божества шаманистов, как хан Шаграй и т.д. таким образом, к нашему времени у бурят в целом составилась довольно пёстрая картина традиционных верований. Для Эхирит-Булагатских, Баяндаевских, Ольхонских и Качугских бурят, до которых мало доходили христианские и ламаистские веяния, основу верований продолжали оставаться шаманистические установления. Этноконфессиональное положение бурят нижнеудинских, аларских, балаганских и боханских отличается значительное проникновение христианских элементов на общем шаманистическом фоне. И, наконец, у бурят Забайкалья проявляются центральноазиатские и индо-тибетские идеологические влияния. В этой ситуации и проявляются общие тенденции оживления различных религиозных форм людьми различных поколений.

Известный исследователь бурятского шаманизма Т.Г. Михайлов отмечает, что наиболее социально действенная часть бурятского населения с возрастом, уйдя от официальной общественной жизни, начинает играть роль восстановителей традиционных форм религиозного поведения, традиционных культов и обрядов¹³. Они становятся организаторами культово-обрядовой стороны различных *тайлаганов* – празднеств и обычных действий, связанных с посещением примечательных мест. Обнаруживается совершенно определённый интерес со стороны молодёжи к подобным действиям, в настоящее время являющимися вехами годового производственного цикла. Ревитализируется обрядовая сторона и многих гражданских актов – свадеб, рождений, смертей и прочих событий. Большим вниманием стали пользоваться и священные места, почитание которых также приобретает для местного населения обязательный характер.

Аналогичные процессы наблюдаются и в условно выделяемой южносибирской провинции, охватывающей территории Алтая, Хакасии и Тувы. Как в Забайкалье и Предбайкалье, у тюркоязычных народов Южной Сибири и тувинцев получил распространение ламаизм. Ламаистские религиозные центры в Туве возникли ещё в конце XVIII в.¹⁴ В начале XX в. в Туве числилось около 22 ламаистских центра и приблизительно четыре тысячи лам. Как и у бурят, у тувинцев в то же время сохранялся институт шаманов и целый ряд дошаманистических культов, обряды которых (напр., оваа дагыр и др.) могли осуществляться и без участия религиозных

функционеров¹⁵. В последние годы в Туве общенародный характер приобрели выступления в защиту священных мест (горы Хайракан и пр.), исторических памятников, имеющих сакральный характер. В значительной степени оживилась деятельность шаманистов.

Весьма похожие процессы происходят и в хакасском обществе, хотя иновлияния в традиционной духовной культуре у хакасов глубже, чем у тувинцев и алтайцев. Хакасы были, по большей части, принудительно крещены ещё в начале XVIII в. С расселением значительных по численности групп русского населения на территории Минусинской котловины возникает разветвлённая церковная сеть, осуществившая поголовное крещение хакасов уже к концу XIX – началу XX вв¹⁶. Исключение составляли шаманы, которые считали, что христианство и шаманизм являются антагонистами. В начале нынешнего века оказались крещёными и шаманы. Религиозный синкретизм утвердился окончательно. Народные верования рассматривали христианских священников и шаманов в качестве посредников между мирами христианских божеств и традиционных персонажей тюркского пантеона. В обычной жизни шаман подлежал власти христианской стороны, а когда снимал с себя крест – миру традиционных божеств. Считалось, что если православный священник снимает крест, то и он станет доступен действиям языческих духов.

В последние годы среди хакасской молодёжи усилился интерес как к христианским, так и древнетюркским идеологическим установлениям.

Следующей по степени трансформации под влиянием инородных воздействий идёт северосамодийская провинция, куда относятся аборигены Таймыра, Гыдана и Ямала – разные группы азиатских ненцев, северные селькупы, энцы, нганасаны и кеты среднего Енисея.

Относительно перечисленных народов можно вполне обоснованно утверждать, что их религиозная система не была затронута в основе инновациями типа христианства. Христианизация Туруханского севера мыслилась адептами церкви в качестве последовательного распространения идей через систему церковных учреждений. Попытки христианизации аборигенов Таймыра предпринимались ещё в XVIII в., когда были построены первые церкви в селе Дудинском и в зимовье Хатангском. Тогда же сформировались их причты – примерно, в последней трети века. Эти церкви изначально преследовали цель духовного обслуживания христианского населения, возникшего на линии Дудинка на Енисее – устье Хатанги¹⁷. Имеются данные о том, что Хатангский Введенский приход существовал ранее 1707 г., который является самой ранней датой его упоминания. Это положение было обусловлено событиями конца XVII в. на Севере, когда была упразднена знаменитая Мангазея русский форпост на реке Таз. Как можно судить по архивным данным, большинство русского населения Мангазеи перешло на соседний Таймырский полуостров, где и возникла осязаемая прослойка новопоселенцев – христиан. Можно предполагать, что именно они перенесли в устье Хатанги и церковное строение вместе с

духовно-служителями, что и послужило дальнейшей базой для создания церковной сети на полуострове.

Эти церкви, равно как и миссионерская деятельность, оказали ничтожное влияние на духовную жизнь коренного населения. Вокруг русских промышленников, расселившихся по «дороге» от Дудинки до Хатанги, оседали другие пришельцы (соседи самоедоязычных автохтонов Таймыра: якуты и эвенки). Противопоставление этих людей коренным жителям привело к постепенному перемешиванию этих трёх этнических компонентов, в результате чего уже к середине XIX в. здесь возникло поселение, называвшее себя по имени эвенкийского рода – Долганы (кроме этого, из эвенков на Таймыре жили представители родов Донгот и Эдян), говорившее на диалекте якутского языка и исповедовавшее синкретичную веру, состоявшую частью из христианских установлений, а частью – из представлений языческих культов якутов, эвенков и соседей – нганасан¹⁸. Если и можно говорить о каком-то достаточно эффективном взаимовлиянии в области мировоззрения, то, пожалуй, традиционные языческие установления здесь сыграли большую роль, нежели христианское вероучение со всем его церковным аппаратом.

Долганское и русское старожильское население, быстро растворившееся в долганском, несмотря на принятие внешней христианской атрибутики, исповедовали в полном объёме те верования, которые были у коренного населения ко времени появления новых людей. Из числа и русских старожилов, и долган формируется институт шаманов. Эти шаманы восприняли весь комплекс шаманский действий, привнеся свои элементы, укладывающиеся в рамки общих принципов. Наконец, в той же полной степени исповедовались и все местные культы промыслового, анимистического характера, повсеместное распространение имел фетишизм. Здесь весьма наглядно сказался довольно распространённый эффект приоритета автохтонных культов. В Северной Сибири особенно ярко проявляется этот эффект при частых и постоянных передвижениях людей¹⁹.

При формировании новопришлого населения на какой-то территории, занимаемой прежде другим народом, или же при дисперсном расселении иммигрантов не происходило замены одних культовых установлений другими. Прежде всего пришлое население воспринимало круг верований, связанных с почитанием разных мест данной территории. Практически все собственные установления в этой области верований пришлое население переносило на новые условия. Как правило, иммигранты принимали и автохтонные формы сакрального поведения, по большей части совпадавшие с аборигенными. Через сравнительно непродолжительное время на определённой территории, занятой пришлыми людьми или же населением, перемешавшемся вследствие прихода новых групп, образовывалась система сакральных установлений, основу которой составляли автохтонные элементы и в значительно меньшей степени – новые, пришлые.

Для Таймыра проводником христианских идей оказалась не столько официальная церковь, сколько вновь сформированный долганский народ, основу верований которых всё же составляли языческие культы. Через долган, точнее – через долганских и старожильческих шаманов в нганасанско-энецкий шаманизм проник культ православного святого Николая Мирликийского. Как известно, культ Святого Николы в православной церкви имеет некий «народный» оттенок. Традиция считает его покровителем всех тружеников и в особенности путешествующих по суше и воде. На Русском Севере Святой Николай почитался превыше прочих святых и даже главных персон христианского пантеона, т.к. считался способным принимать конкретные решения без согласования с Богом Отцом. Народное поверье гласило, что ему «вперёд божья милость дарована» и поэтому от него и можно ждать быстрой помощи, в которой так нуждаются постоянно и мореходы, и промышленники, и путешествующие по таким землям, как Арктика. Никола Мирликийский стал вполне «штатным» духом-покровителем таймырских шаманов. Он получил нганасанское имя «Микулуска (в долганском произношении) – баса-динта», т.е. Николай – Железный Лук и постоянно призывался во время шаманских камланий. Несмотря на постоянные попытки официальной церкви распространить христианское вероучение, воздействие этих людей, пожалуй, и ограничивались этим единственным фактом²¹. Автору данной работы известны случаи, когда нганасаны выходили к миссионерам креститься каждый раз, когда те посещали тундры, называясь новыми именами и получая каждый раз подарки, положенные при крещении.

Гонения традиционных верований начались с установлением советской власти на Таймыре и Туруханском Севере вообще. Различного рода просветители занимались уничтожением долганских, нганасанских и энецких фетишей, отбирали идолы у тундрового населения и жестко преследовали местных шаманов. Шаманы старшего поколения, действовавшие в тридцатые годы, стали скрывать свою деятельность. Шаманы более поздней формации – Дюмнюме Костеркин, его брат Тубяку – сыновья известного в прошлом шамана Люходэ, не избежали тюрьмы, и преследования вплоть до начала шестидесятых годов. Именно с этого времени на Таймыре власти практически прекратили давление на адептов традиционных культов. Собственно говоря, исполнение традиционных установлений, как и шаманские акты, никогда укладу жизни и верованиям предков не прекращались в тундре. Положение попросту легализовалось и сразу же получило отзыв у молодого поколения. Так. Многие долганские молодые люди стали открыто проявлять интерес не только к языческим элементам веры, но и к христианству. Это связано, в первую очередь, с тем, что легализовалось хранение и почитание христианских культовых аксессуаров – икон на дереве и бронзовых крестов, евангелий, различных самоделок, принадлежавших ещё русским землепроходцам по самым приблизительным датировкам.

Шаманские акты стали неперенным атрибутом главных мероприятий в художественной самодеятельности. Нганасанские шаманы выезжали даже в Москву для участия в разного рода фестивалях, где они устраивали самые настоящие камлания²². Действия же шаманов в тундре и в посёлках обрели роль неперенных периодических действий. Известно, что шаманской деятельностью начали заниматься несколько молодых людей, сделав для этого бубны и все необходимые атрибуты. Повсеместное распространение у молодёжи, особенно занятой в промысловых отраслях хозяйства, получили традиционные фетиши.

Приблизительно ту же степень христианизации, что и коренное население Таймыра, обнаруживают и аборигены Ямала и близлежащих территорий – азиатские ненцы, северные селькупы и др. Нижнеобские ненцы в своё время проявляли меньше терпимости по отношению к христианизации, нежели их восточные воинственные соседи – энцы и нганасаны. В самом начале XVIII в. азиатские ненцы даже совершали воинственные набеги на крещёных хантов (поход под предводительством Нарта и Притича в Ляпинскую волость и др.). мероприятия миссии Вениамина на Европейском Севере вызвали лишь обособление ненцев за Уралом и их постоянное противодействие Обдорской православной миссии. Начиная с 1841 г., церковные власти стараются набирать в училища ненецких и хантских детей. Однако и это не возымело ожидавшегося эффекта – взрослые ученики духовных школ, как правило, возвращались к традиционному укладу жизни и верованиям предков. Практически азиатские ненцы вплоть до нашего времени сохраняли весь комплекс традиционных верований северных самодийцев – оленеводов. Сейчас, как и повсеместно на Севере, национальное общественное движение направлено на сохранение прежних культовых мест и легализацию национальных культовых систем.

Североякутская провинция, включающая условно разные по происхождению народы Севера Восточной Сибири – юкагиров, северных якутов, эвенов, северные группы эвенков и русских старожилов, - отличается более или менее одинаковым характером процессов ревитализации традиционных религиозных форм, несмотря на этническую неоднородность и явные отличия в области христианизации. Большинство якутов было крещено. Юкагиры также в основном крестились без какого-либо сопротивления под влиянием русского старожильческого населения, составившего значительные группы на Индигирке и в устье Колымы. Для русских групп было весьма характерно достаточно быстро ассимилироваться группами коренного населения. Так, слились с северными якутами некоторые небольшие русские общности на Вилюе и Лене, группы русских людей на Яне были поглощены эвенками. Русские в Походске, Русском Устье, Крестах Колымских и пр. поселениях на Севере Якутии сами ассимилировали часть коренного населения. Для них и был характерен крайний религиозный синкретизм, сочетавший в равной степени элементы христианства и шаманизма²³. Были известны случаи, когда православные

священники, проведя несколько лет в тундре в качестве миссионеров, слагали с себя сан и полностью натурализовались.

Восстановление прежней веры в последнее время здесь выражается в активизации деятельности последователей традиционных культов. Многие шаманы занимаются открытой практикой. В центральном медицинском учреждении г. Якутска создано специальное подразделение по изучению лечебных приёмов шаманов. Описание отправлений языческих культов постоянно фигурирует в произведениях современных национальных писателей. В этнографической научной литературе публикуются фольклорные материалы, отражающие традиционные верования, которые пользуются большой популярностью у самой широкой общественности. Процессы, происходящие на севере Якутии, отличаются как бы освобождением от христианских заимствований и самодеятельном процессе реконструкции традиционных установлений в идеологической сфере.

Чукотско-корякский ареал отличается прежде всего крайней самобытностью, полной независимостью от каких-либо влияний со стороны официальной церкви в дореволюционный период. Практически с христианскими церковными деятелями сталкивались лишь западные чукчи, жившие в контакте со смешанным населением низовьев Колымы. Из них отмечено лишь несколько человек, крестившихся в детстве и впоследствии вернувшихся к традиционному состоянию. Чукчи и коряки в целом и в советское время сохранили независимый комплекс сакральных воззрений и действий.

Интерес к исконным сакральным установлениям в наши дни проявляется во всех сферах деятельности как оленеводов, так и морских зверобоев. Автору данной работы приходилось наблюдать поведение людей различных возрастных групп в обыденной жизни и во время специальных обрядов, совершаемых в традиционно установленном порядке. Так, обычный забой оленей для повседневных нужд и сейчас обставлялся (в соответствии с верованиями оленеводов-чукчей и коряков) как сакральный акт: олень традиционно закалывался ножом или копьём в сердце, под тушу подстилались ветки полярной ивы, обладающие магическими качествами, оленя традиционно «поили», устраивался жертвенник из оленьих рогов и т.п. Полный круг действия при забое домашних оленей, описанный ещё в середине прошлого века, исполнялся людьми разного возраста. При общественных работах в стаде приносились в жертву собаки, перед работой в коррале по разбивке стада перед отёлом совершались трапезы – елась обрядовая пища (колбаса *rorat* и т.п.), осуществлялись моления, посвящённые общему благополучию стада и т.п. У морских зверобоев приходилось видеть круг обрядов, связанных с «расконсервацией» байдары, магические действия с головами добытых моржей и т.п. Наконец, в этой зоне восстановился традиционный цикл годовых праздников. В целом чукотско-корякский ареал по степени сохранности традиционной идеологии и

процессов её ревитализации стоит на одном из первых мест среди аборигенов Северной Азии.

Относительно единые черты носят явления конфессиональной ситуации в зоне, которую можно условно назвать нижнеамурской. К ней относится целый ряд тунгусоязычных народов (нанайцы, ульчи, удэхэ, ороки, орочи, негидальцы), а также нивхи низовьев Амура и Сахалина. Воздействие христианской церкви на коренное население Приморья началось ещё в XVII в., когда русские беглые крестьяне и другие переселенцы в Даурию приводили с собой священников, нередко силой. Так был приведён в Албазин основатель двух монастырей Гермоген²⁴. Впоследствии по Нерчинскому договору 1689 г. проникновение русских людей в Приамурье вообще было ограничено на длительное время. Царские же указы местной администрации строго запрещали оказывать на коренных жителей какое-либо давление, особенно во всех вопросах веры. В первой половине XIX в. в Приамурье и в Приморье появляются не только православные миссионеры, но и католические проповедники, пытавшиеся привлечь на свою сторону население столь богатого края. В 1856 г. по представлению знаменитого архиепископа Камчатского Вениаминова учреждается Амурская миссия, на которую и были возложены все заботы по христианизации аборигенов зоны. К началу семидесятых годов эта миссия имела уже четыре стана: Верхнеамурский, Среднеамурский, Нижнеамурский и Южноуссурийский. С наибольшей лёгкостью осуществлялось крещение нанайцев. Священники при этом отмечали, что христианские каноны Амурские автохтоны принимали как добавление к существующим традиционным культам, хотя крещены были к концу века более 80% нанайцев и значительное количество представителей других народов. При этом в полной мере сохранялись и шаманские установления, традиционные празднества и прочие отправления исконных культов. Более того, христианская символика – кресты, металлические иконки и пр. становятся непременными предметами шаманских действий.

Синкретизм народов Амура в отличие от синкретических черт верований других народов Сибири отличается и тем, что он включил многие элементы и буддизма, и фойзма, проникавшие в аборигенную среду от южных соседей.

В настоящее время амурские народы также переживают период известного возрождения интереса к традиционным формам религии, религиозного поведения, как важнейшим элементам национальной культуры вообще.

Примечания

1. «Православный благовестник», 1898, №2, Приложение, с. 17-18; И.С. Вдовин. Предисловие // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979. С. 4-8 (далее – ХИЛУКНС).

2. Пыпин А.И. Религиозное движение при Александре I. Пг., 1916. С. 51-62.
3. Термин был предложен Б.О. Долгих применительно к фольклору народов Сибири.
4. Правильнее считать все перечисленные детали мировоззрения единой системой, рассматривающей устройство мира и положение в нём субъекта в зависимости от его природных качеств; способности непосредственно общаться с представителями идеального мира (шаманы) и общающихся с этим миром по принципу односторонней связи у шаманов.
5. Хохмич Л.В. Влияние христианизации на религиозные представления и культы ненцев // ХИЛУКНС, с. 12-28.
6. Вениамин архимандрит. Самоеды мезенские // Вестник Российского Географического общества. 1855. Ч. 14. с. 112.
7. Максимов С.В. Годы на Севере. Часть третья. М., 1987. С. 61-63.
8. Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941; Из истории шаманства. Томск, 1976; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв., Томск, 1977; Гемуев И.И., Сагалаев А.М. Религия народов манси, Новосибирск, 1986; Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов // Из истории шаманства. Томск, 1976. С. 3-118; Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Сб. МАЭ. № 27. Л., 1971; Валеев Д.Т. О религиозных представлениях западносибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (ПИВВРПНСИС). Л., 1976. С. 320-331.
9. Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире // Сб. МАЭ. Т. XX. М.;Л. С. 54-74.
10. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм. Новосибирск, 1987.
11. Михайлов Т.М. Влияние шаманизма и христианства... // ХИЛУНС. С. 167.
12. Астырев И. На таёжных прогалинах. М., 1891, с. 236.
13. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм. С. 250.
14. Грачёва Г.Н. К вопросу о влиянии христианизации на религиозные представления нганасан // ХИЛУНС. С. 29-49.
15. Дьяконова В.П. Ламаизм и его влияние на мировоззрение и религиозные культы тувинцев // ХИЛУНС. С. 150-178.
16. Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. Л., 1960. С. 173-175.
17. Шибаева Ю.А. Влияние христианизации на религиозные верования хакасов // ХИЛУНС. С. 180-181.
18. Долгих Б.О. Происхождение долганов // Сибирский этнографический сборник V. М., 1963. С. 92-141.
19. Кулемзин В.И. Природа и человек в верованиях хантов. Томск, 1984. С. 82-103.
20. Фигуровский А. Туруханская миссия // Енисейские епархиальные ведомости (ЕЕО). 1903. № 23; Рычков К. Поездка в северо-восточные тундры Туруханского края из села Дудино. М., 1915; Макарий. Голос с северного полярного круга // Енисейский церковный вестник (ЕЦВ). 1907. № 48; Костров И.А. Очерки Туруханского края // Западносибирское отделение Российского Географического Общества. СПб, 1857. Кн. 4; Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб, 1865; ЕЕВ 1885, №№ 9, 10, 20; 1985 № 11; 1907, № 7 и др.
21. Симченко Ю.Б. Компьютер для шамана // Северные просторы. 1989. № 1. С. 19-22.
22. Биркенгоф А.Л. Потомки землепроходцев. М., 1972; Курилов С.И. Новые люди. М., 1975. С. 307; Попова У.Г. Пережитки шаманизма у эвенков // Проблемы истории общественного сознания у аборигенов Сибири. Л., 1981. С. 233-257; Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-ороченов. Новосибирск, 1984; Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984.
23. Вдовин И.С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // ПИЧВРПНСИС. С. 217-254.

24. Смоляк А.В. Представления нанайцев о мире // ПИЧВРПНСИС. С. 123-160; Сем Ю.А. Христианизация нанайцев, её методы и результаты // ХИЛУНС. С. 197; Таксами Ч.М. Представления о природе и человеке у нивхов // ПИЧВРПНСИС. С. 203-216.

ЕЕО – Енисейские епархиальные ведомости.

ЕЦВ – Енисейский церковный вестник,

ПИЧВРПНСИС – Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера.

ХИЛУКНС – Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979 .

Шаманский народ – мухоморы

О том, что мухоморы зовут к себе, я слышал давно. Примерно с начала шестидесятых годов – с того самого времени, как познакомился с чукчами. Однако на деле увидеть, что такое «зов мухомора», мне довелось позже – уже в семидесятых годах. Дело было летом, ближе к чукотской осени – примерно, к середине августа.

Мы шагали в посёлок вместе с потомственным оленеводом Ракаквыргыном. Ракаквыргын вырос в оленьем стаде. В оленьем стаде выросли его отец и дед. Наследственность у него была самая подходящая для тундры. Да и сам он потрудился, чтобы достичь известного пастушьего совершенства. А это совершенство, в первую очередь, - умение ходить по трудной местности.

Пастух ходит так, как будто у него нет ног. Будто он – дух бесплотный. Он никогда не смотрит на то место, куда ставит ногу. Нога сама видит, куда стать. Он все время смотрит вокруг и всё вокруг видит. Если глядеть со стороны, то чукчи-олeneводы задирают ноги высокомерно. Мне они напоминают чем-то журавлей. Те также отработали себе походку, чтобы небрежно гулять среди высоченных кочек.

Я как-то наблюдал, как состязались в беге чукотские пастухи в стаде, которые мы только что оставили. Ракаквыргын бежал вместе со стариками. И к моему изумлению, он прибежал последний. Не совсем последний, а в кучке спортсменов, которых трудно назвать даже ветеранами. По сравнению с теми ветеранами, которые у нас иногда выступают на стадионах, эти старики выглядели далёкими предками человечества. Из-за возраста, конечно. И вот в такой компании Ракаквыргын прибежал в арьергарде. И бежал он как-то чудно – коленки мелькали где-то возле ушей.

«Ракаквыргын» означает «отверстие квадратной формы». Ничего общего с квадратной дыркой Ракаквыргын в своей внешности не имел. Он, наоборот, был весь обтекаемый из-за литых мышц, которые облегли его фигуру. По чукотским канонам, он был длинноногим – значит, более бегун, чем тяжелоатлет.

Я ставил на Ракаквыргына четыре пачки папирос против костяного наконечника – «кункля» - для оленьей погонялки и проиграл.

- Ты что же так бежал? – спросил я Ракаквыргына после состязания.

- Так ведь старики бежали, - оправдывался он. – Если обогнал бы – обиделись, сказали бы, что только со стариками соревноваться и могу... Я нарочно так бежал, чтобы старики поняли как я умею бегать.

Не знаю, что поняли старики, но я усвоил, для чего так высоко поднимал ноги – практически отрабатывал «бег на месте». Ещё я понял, для чего он это делал – хотел, чтобы старики убедились, как он силен и деликатен и утвердили бы его помощником бригадира. Бригадир коравье даже в масштабах всего оленеводства страны был как бы маршалом. Его заместитель автоматически становился как бы генералом. Игра стоила свеч. Решение стариков было посильнее постановлений администрации. Как они решали – так и бывало.

Для меня идти рядом с Ракаквыргыном было серьёзным испытанием. Он вроде бы двигался неспешно, как-то небрежно. А я не успевал за ним. Кокарник в тундре был высоким. А мои ноги не задирались с такой же лёгкостью, как у Ракаквыргына. Деликатный человек скоро понял это и время от времени притормаживал.

Ходьба по тундре – занятие однообразное. Ракаквыргын отмахивал километр за километром, таща меня на воображаемом буксире. И никаких эмоций не проявлял. Вдруг он резко остановился и вытянул руку горизонтально – знак мне остановиться. Потом он развернулся по оси на пару румбов и пошёл вперёд, как песец к птичьему гнезду. Он крался. Вот тут-то он шагал совершенно беззвучно, стая ногу на всю ступню и слегка балансируя руками.

Я сперва так и подумал – увидел какую-то живность и хочет поймать... Чудно!

Ракаквыргын приблизился к невидимому мне месту и плавно сел. Он помахал мне кистью над головой: «Иди, дескать, сюда. Только без шума...»

Я пошёл, стараясь подражать ему. Однако под каждой моей ногой оглушительно хрустели ветки и шуршала земля. Мне казалось, что я спугну то, что настиг Ракаквыргын.

Он же сидел совершенно спокойно, не обращая внимания на меня, и что-то рассматривал на земле.

Я подошёл поближе, и он сделал мне знак: «Сядь!»

Я сел и стал глядеть на то место, куда смотрел мой спутник. Он глядел на весьма невзрачные грибы, веселенькой компанией выстроившиеся на ровненьком пяточке.

- Хвапак, - хрипло сказал Ракаквыргын и откашлялся.

«Хвапак» - это мухомор.

- Сам позвал, - повторил Ракаквыргын и голос его потеплел... - Етык, хвапак! – здорово, мухомор... Это ты меня позвал со своей роднёй!

- К самому старшему обращается, как в людской компании – дошло до меня.

- Я тебя с собой зову, - продолжал Ракаквыргын. – И, всю твою семью зову... один, два, три, четыре, пять, - считал он, водя пальцем от самого большого до самого маленького.

- Как раз на один приём, - вспомнил я чукотские рассказы о том, как надо принимать мухоморы.

Ракаквыргын тем временем отцепил от пояса костяной крючок для развязывания ременных и верёвочных узлов и изготовился копать.

Мухоморы здесь не редкость, хотя и не частый гриб. Попадаетея помаленьку. Есть довольно редкий «Словарь чукотских, корякских и эскимосских терминов и других слов, встречающихся в географических названиях СССР», изданный в Москве в 1971 г. для геодезистов. Так вот, там на слове *хапак*, то есть мухомор на корякском языке написано довольно много названий гор, рек и озёр Чукотки. Редактор словаря был камчатский коряк Инжиликэй. Он то и поставил слово «мухомор» в корякском произношении. Большинство чукчей говорят *хвапак*.

В том самом Анадырском районе, по земле которого мы шагали, есть и река *Вапьяввам*, горы Северные и Южные *Вапьянай*, озеро *Вапьягытгын*, в соседнем чукотском районе есть горная страна *Вапьянгагны* и куча озёр с названием *вапьягытгын*. Все эти названия можно перевести, как «мухоморные». Я в соседней Якутии знаю только одну речку «Мухоморную». Рядом с Чукоткой, но не близко.

Так, даром, все эти речки, горы и озёра не назовут. Других видов грибов здесь поболее мухомора, но они названия даже не имеют. Просто именуются «грибы». И нет на Чукотке и близлежащих территориях «Грибных» речек и озёр. Хотя грибы сами по себе явление для оленеводов весьма примечательное и важное в жизни.

Целый сезон в календаре оленевода так и называется «грибная пора». И эта грибная пора выделяется всеми оленными людьми тайги и тундры. Именно в грибную пору для кочевников наступает самое тяжкое время. И для ненцев, и для чукчей, и для тунгусов перевалить благополучно грибную пору – значит, остаться благополучным на целый год. В грибную пору олени, по словам оленеводов, «теряют ум». Они утрачивают самое главное – стадное чувство, на котором и основывается всё оленеводство. Стадный инстинкт держит животных большими сообществами и позволяет единицам – пастухам управлять стадом.

Вся охрана заключается в скупивании животных, в подгоне «отколов» - маленьких групп, которыми руководит центробежная сила. Олени не могут жить в отрыве от коллектива. Если отколовшуюся группу животных просто пугнуть, они присоединяются к главной массе сородичей. И убегают олени от людей массами. Бежит стадо. Это во время большей части года. Но только не в грибную пору.

По заверениям чукотский, да и не только чукотских, но и саамских, ненецких, энецких, селькупских, хантыйских, комяцких, мансийских, тунгусских, нганасанских, эвенкийских, эвенских, корякских и прочих оленных владельцев, олени от грибов дуреют. Они, как только нападают на грибы втыкаются мордами в землю и разбредаются в разные стороны не обращая внимания на сородичей. У них от грибов пропадает основной инстинкт – тяга к толпе. Этот инстинкт делает их не только рабами человека. Он спасает их в дикой природе. А здесь – он исчезает. Пастухи испытывают настоящее мучение. Они не могут сбить животных в массу. Они должны убегать вместе с очумелыми группами и потом, когда дурь сойдёт, снова сбивать их в стадо. Пастухи стараются прогнать оленей сквозь грибные места как можно скорее. А это – не так просто. Те, кто видел грибы в тундре, понимают эти трудности, эту трагедию. Грибы здесь местами стоят отдельными огромными плантациями. Страшная пора для оленных людей. К тому же замечено, что от грибов олень быстро жиреет, мгновенно нагуливается. С одной стороны, хочется получить побольше привеса, а с другой, - можно всего и лишиться. Разбежится стадо и тогда его будут пасти волки до поры до времени, пока всех не пустят на харчи.

Так что гриб – приметное явление в оленной жизни. А всё же! Почему же нет ни одного названия со словом «грибной» по всей Арктике? Только «мухоморный». Знать, мухомор сильнее. Мухомор – явление поважнее, хотя без мухомора можно всю жизнь прожить, а без оленей здесь не протянешь и недели.

- Для мухомора у чукчей и коряков закон один – говорил Ракаквыргын, аккуратно рыхля землю вокруг самого большого гриба... – Я когда с коряками на Северной Камчатке встречался, то они говорили также, что нельзя у гриба ни одного волосика попортить...

Ракаквыргын своим костяным крючком осторожно копал вокруг самого длинного корешка. Он отследил его до самого конца и принялся рыхлить землю возле следующего.

Мне его работа напомнила приёмы, которыми пользуется удэхэ – народ, живущий на далёкой Уссури, когда находит драгоценный корень жень-шень. Они также не могут копать металлическими предметами вокруг корня и также не могут оборвать хотя бы один волосок из корневой системы жень-шеня – «корня жизни». Я помню, как старик-удэхэ почти сутки обкапывал корень, пока тот не оказался повисшим на корневых волосках.

Ракаквыргын проделывал ту же операцию. Наплевав на время, на то, что мы не успевали в посёлок, в магазин, ради чего и предпринимался этот подход, Ракаквыргын неспешно и методично ковырялся с одним грибом. А их всего было пять...

- Эй, друг, – бормотал Ракаквыргын, обращаясь к мухомору, - ты меня, наверно, издавека звал... Я ещё далеко как-то чувствовал, что что-то будет... Это ты меня звал... Я чуть-было мимо не прошёл... Так бы и ушёл, если бы ты меня не позвал.

Гриб медленно высвобождался из любимой почвы. Через час-другой он уже лежал в сторонке, а Ракаквыргын принялся за его сородича.

- Нельзя землю отрясать, - пояснил мне Ракаквыргын, - тогда хвапак сердиться будет. Он тогда что-нибудь сделает, когда его съедят. Нужно, чтобы земля сама с корнями ссыпалась, когда в яранге хвапак сохнуть будет...

- А как их сушить надо?

- Их надо на полог положить сверху. Там они и сохнут...

Полог – это меховой куб, который устанавливают в яранге. В нём спят и греются. На «потолке» его обычно хранят ритуальную еду – колбаски *rorat* и всякую пищу для духов. Там *хвапаку* самое место.

- Давай чайку попьём, – предложил я, – отдохни немного.

- Нельзя, – возразил парень. – Если прервёшься, когда хвапак выкапываешь, он убежит... Тело, может быть, в руках и останется, а душа его убежит... А, может быть, и тело убежит. Так старики говорили.

Ракаквыргын выкопал все пять штук, сложил их рядком до утра. Правда, он окружил место, где лежали мухоморы, веточками ивы полярной.

Ива полярная играет важную роль в чукотском обиходе. Ивой обметают одежду людей, идущих с похорон, чтобы на них не приехали в жилище келе – вредные духи. Ивой обметают всех участников праздничных обрядов – всё от тех же зловредных келе. Ивой очищаются от всякой скверны. Ивой же отгоняют не только простых *келе*, но и болезни, которые также являются особо хищными и вредными духами.

Иву подкладывают под туши забитых оленей, чтобы в них не вселилось Зло. Зло – в человеческом понятии. Ива вообще играет роль священной силы, которая изгоняет всё худое.

Отваром из ивовой коры красят всю *ровдугу* – все вещи, сделанные из оленьей замши, а также все мездряные части шкур – внутреннюю сторону меховой одежды и покрышек яранг. Считалось, что ива или ольха вообще могут защитить от болезней.

В этом есть рациональное зерно. Ещё Гиппократ обнаружил, что отвар ивовой коры помогает при лихорадке. Ну а народ во всех концах света знал, что ивовая кора хороша как вяжущее средство. Ива употреблялась как глистогонное, жаропонижающее, потогонное, кровоостанавливающее, кровесвёртывающее, противовоспалительное, стерилизующее и успокаивающее.

Североамериканские индейцы лечились от головной боли, прикладывая жвачку из ивовой коры к голове. Врачи считают, что помощь, однако, оказывал салицил – вещество, которое при жевании поглощалось больным. На основе этого вещества был синтезирован аспирин – салициловая кислота. Лечебные свойства ивовой коры известны по всей северной Азии так же, как и её качества.

Совершенно естественно, что все эти свойства для чукчей были как бы реальной демонстрацией силы ивы против *келе* – источников болезней, недомоганий и всяческих несчастий.

Я до сих пор жалею, что не задал тогда Ракаквыргыну два вопроса: почему нормой приёма мухомора внутрь являются лишь пять экземпляров гриба, а также почему он окружил их на ночь ивовыми ветками: или чтобы *келк* отпугнуть, – не от поноса же, глистов и головной боли, - или же, чтобы хитрый дух-*хвапак* сам не удрал. Для чего же была сделана магическая загородка?

Один из чукотских стариков говорил мне позже, что пять штук грибов едят потому, что человек сотворён с пятью пальцами. Жидкое объяснение. Бывает, рождаются и шестипалые.

Только утром мы двинулись дальше.

Ракаквыргын торжественно нёс мухоморы, переложённые мягким мхом – сфагнумом в узелке из моей запасной майки. На окраине посёлка он спрятал узелок в кухлянку и больше никому его не демонстрировал. Утащил к себе.

Я так и не видел, как раскладывают хвапак для сушки до некоторого времени. Лет этак через десять я в одной яранге снова столкнулся с мухомором. Снимали полог, чтобы его выколотить, и сверху посыпались сушёные мухоморы. Много. Хозяева яранги держались к передовым людям, далёкие от предрассудков своих предшественников. Они как-то быстренько смели мухоморы с глаз людских, и я не стал заострять внимание присутствующих на злосчастных грибах. Но место хранилища славных *хвапак*ов – на крыше полога, где живут разные священные предметы, подтвердилось.

Так что же такое мухомор с точки зрения классического чукчи, голова которого не испорчена современным образованием?

Я задал этот вопрос прямо в лоб разным людям.

Ответы были такими:

Вантулян Иван Яковлевич, приблизительно, 65 лет.

- *Хвапак* – это такой народ.

- Они как келе – духи?

В.И.Я.: - Нет. Это – не как. Они другие. Они как люди.

- Какие же они люди? Тело совершенно другое. Где у них руки-ноги? Где у них глаза, рот, уши – всё, что есть на голове?

В.И.Я.: - Тело у них другое. Однако есть и руки, и ноги. Только их видишь, когда в тебя войдёт сам мухомор.

Чейвилькут Яков, 19 лет:

- *Хвапак* – это особый дух, который живёт в мухоморе. Когда гриб проглотить, то дух вселяется в человека.

Атана, дама, приблизительно 50 лет:

- *Хвапак* потому человек, что у него ум, как у человека. У собаки тоже ум есть. Однако собака своим умом с человеческим умом говорить не может. А *хвапак* своим умом сразу человеческий ум подчиняет.

Тынненеут, бабушка, далеко за 70 лет:

- *Хвапак* – это человек. Сначала и человек, и этот *хвапак* одинаковые были. Потом у человека такая жизнь стала, а *хвапак* грибом сделался...

Были и другие высказывания. Однако перечисленные люди были, можно сказать, друзьями мухомора. Они их ели постоянно. Все остальные были дилетантами. Весьма приблизительно общее во всех рассуждениях было то, что *хвапак* не является существом того же порядка, что злокозненные келе. Подобие человека и *хвапака* определяется общностью интеллекта, точнее – качеством разума того и другого. Если бы у мухомора был качественно другой разум, то он не смог бы так эффективно контактировать с человеком.

Но есть ещё одна фундаментальная вещь, которая роднит мухомор с человеком – наличие свободной воли, желания. Если человек захочет распорядиться собой, он сможет это сделать. Если человек захочет распорядиться другим, то он сможет это сделать либо с согласия этого другого, либо против его воли. Во втором случае объекту действия будет нанесён ущерб. Логика простейшая. Так вот, и человек, и *хвапак* мухомор обладают этим качеством в полной мере. Если человек имеет достаточно сильную волю, он может принудить мухомор выполнить его желание. Если же характер мухомора сильнее, то он сам будет вытворять с человеком, который вошёл с ним в духовный контакт всё, что хочет.

Человек автоматически попадает в зависимость от мухомора, когда берёт его с собой. Правда, человек, бывает, при этом старается всю инициативу свалить на мухомора. Вспомним-ка «отверстие квадратной формы» – славный оленевод Ракаквыргын убеждал мухомор, что именно он его позвал, что мухомор сам хотел отправиться с «Квадратной дырой» в моей запасной майке к людям. Приблизительно так ведут себя все сельские обольстители, когда наступает необходимость жениться. Они тоже говорят: «Она сама мне на шею бросилась...» Дело это известное.

А вот, что пишет о мухоморах великий знаток чукотской этнографии Владимир Германович Богораз, который взял себе псевдоним – чукотское слово *тан*. Его имя с этой приставкой, если его перевести с еврейского, а приставку – с чукотского, звучит самым фантастическим образом. «Богораз» является аббревиатурой «Бен га рабби Залман» – «Сын рабби Залмана», а слово *тан* или *танг* по-чукотски значит, главным образом, «враг», а ещё «иноплеменник» всё-таки с оттенком – «враг». Так что в полном варианте вошедшая в литературу фамилия Владимира Германовича переводится как «Сын рабби Залмана – враг чукчей».

Он пишет: «...Так, например, опьяняющие мухоморы представляют собой “особое племя”. Они очень сильны и когда растут, то прорывают своими крепкими головами корни деревьев и рассекают их надвое. Они прорастают сквозь камни и раздробляют их на мелкие куски. Мухоморы являются к пьяным людям в странной человекоподобной форме. Так, например, один мухомор явится в виде однорукого и одноногого человека, а другой – похожим на обрубок. Это не духи, а именно мухоморы, как таковые.

Число их, видимое человеком, соответствует тому, сколько он их съел. Если человек съел один мухомор, он увидит одного мухоморо-человека, если съел два-три, увидит соответствующее число. Мухоморы берут человека за руки и уводят его на тот свет, показывая ему всё, что там есть, проделывая с ним самые невероятные вещи. Пути мухоморов извилисты. Они посещают страну, где живут мёртвые. Этот момент иллюстрирован рисунком, сделанным одним чукчей...»

Однако понять рисунок без объяснений того самого чукчи невозможно. Получить комментарий в наши дни также трудновато, т.к. придётся идти в «страну, где живут мёртвые». Сходить туда без мухомора также невозможно. Круг замкнулся. Мы бессильны понять, что там нарисовано.

Итак, если ты сможешь, то упросишь мухомор сводить тебя в такое место, куда сам не попадёшь. По большей части, для чукчей это место – «Земля, где живут мёртвые люди».

Иван Яковлевич Вантулян рассказывал как-то:

Если ко мне во сне приходит мать, или отец, или мои дети, которые умерли, я к ним иду. Беру пять мухоморов и съедаю их. Потом ложусь спать. Тело-то моё на месте остаётся. Только душа уходит туда, куда мухоморы ведут... Мухоморы – они разные, как люди. Большие мухоморы бывают очень добрые. Если большой мухомор тебя во сне спрашивает: «Ну, куда пойдём? Куда тебя тащить?», то он тебя всегда послушает. Тогда ему говоришь: «Веди меня к моему отцу...» Он сам всё знает. Он знает, где твой отец, и прямо тащит тебя по дороге к мёртвым людям. Если дорога хорошая, то быстро притаскивает и подводит к тому месту, где отец находится.

- А как это место выглядит? – врезался я в рассказ.

- Точно не запомнил. Только там всё ледяное. Как будто большой ледяной хребет стоит у того места, где мёртвые живут. За него заходить нельзя – не войдёшь. Какие-то дырки в нём есть, однако, потому, что какие-то люди там видны. Я, однако, там отца отчётливо видеть не мог. Только голос его слышал, что он говорил.

- А что говорил-то?

- Говорил, что ему тут плохо. Что тут очень холодно и тяжело. Просил, чтобы я оленя в жертву принёс, чтобы олень к нему пошёл. Я тогда, когда в этот мир вернулся, к нашему шаману пошёл. Тогда ещё живой был старик, который мне родня был. Он сильно шаманил. Он безо всякого мухомора к верхним людям ходил и к тем, что мёртвые.

Я беру здесь тайм-аут, чтобы пообещать как-нибудь в другом месте рассказать о чукотской конструкции мира. Благосклонный читатель пусть на время поверит, что есть Верхний, Средний, т.е. наш и Нижний миры, которые чудесным образом соединены.

- Шаман тогда со мной в стадо пошёл, – продолжал Вантулян, – и сам помог оленя выбрать, которого надо было забить – отправить к моему отцу... Люди говорят, что весь лёд в той стране, где живут мёртвые люди, состоит из их слёз. Они там всё время плачут...

- Это от горя какого-то?

- Совсем нет... Просто у них закон такой. У них всё наоборот там. Сам знаешь, что если на этой земле сделано крепко – значит, на той земле будет слабо. Сам видел, что похоронную одежду шьют без узелков на нитке и крупными стежками – чтобы там крепко было. Если здесь часто смеются – это приятно, то там часто плачут – это им там удовольствие такое...

- А чего тогда отец на жизнь в той земле жаловался?

- Скучно на одном месте сидеть.

Второй тайм-аут. Это заявление в типично чукотском стиле.

Чукчи-старички часто без видимых причин начинают раздражаться, особенно это касается женщин. Сидит-сидит, потом вдруг закусит зубами ворот *керкера* и прорычит. Спрашиваешь: «Ты чего злишься?» Отвечает: «Сколько же можно на одном месте сидеть? Все кости болят на этом самом месте...»

В.И.Я.: – Я ещё ходил с мухомором туда, в Землю мёртвых, когда шамана не стало и надо было узнать, кто к нам скоро придёт...

Ну, это я видел сам. Именно в Ачайваяме, на Северной Камчатке я зашёл как-то под вечер в гости к Вантуляну. Старик был против обыкновения озабочен.

- Сейчас я с тобой сидеть не буду, - заявил он простосердечно, - я мухоморов съел. Надо к родне сходить, узнать, кто к нам скоро придёт. У сына жена совсем скоро рожать будет... Завтра приходи.

Назавтра я запасся гостинцем и нагрянул к Вантуляну. Старик был немного вяловат, но, в общем, в обычной форме.

- Голова маленько болит, - пожаловался он.

- Может быть от мухоморов?

- Да нет. От мухоморов ничего не бывает. Это только от водки бывает – голова болит. Похмеляться надо. От мухоморов похмеляться не надо.

- Может быть, маленько выпьем? – предложил я.

- Нет, – категорически отверг предложение старик. – Нельзя... Или мухомор, или водка. Если водки выпить, то мухомор может вернуться – и болезнь наслать...

- Ага! Стало быть, *хвапак* ревнив! – подумалось мне. – Конкуренентов не терпит!..

- Это совсем разные дела, – угадал мои мысли Вантулян. – Водка – это просто удовольствие такое, а мухомор – это особые люди, которые водки не терпят. Если ты «под мухомором» ещё, а к тебе пьяный или просто выпивший пришёл, то он совсем чёрным выглядит, как уголь. Он совсем на человека не бывает похож – выпивший. *Хвапак* водки не терпит.

- Как сходил? – спросил я Вантуляна как можно деликатнее.

- Хорошо сходил. Совсем хороший *хвапак* меня водил. Добрый. По дороге нисколько не устали. Быстро докатились до места. А там уже ждали. Говорят: «Мы давно знали, что придёшь узнавать, кто от нас ушёл и кто скоро на вашей земле будет».

- Кто же?
- Качагиргин ушёл. Это он родится сегодня или завтра у моей невестки.
- Как узнал?
- Те люди сказали.

Жена сына Вантуляна и в самом деле родила на следующий день и, действительно, мальчика.

Ну, это предсказание не было таинственным. Чукотские старухи достаточно безошибочно определяют на последних днях, кто родится – мальчик или девочка. Я знаю случай, когда одна старуха, авторитетная женщина, промахнулась и предсказала девочку, а родился мальчик. Однако властная дама сказала, что ребёнок сменил пол в утробе матери. К моему изумлению, никто спорить не стал. Может быть, допускали такую возможность, а, может быть, не хотели спорить с могучей старухой.

Гораздо таинственнее, когда тот же Иван Яковлевич Вантулян отпраплялся узнавать о пришельце, едва дама обнаруживала беременность, и возвращался с достоверным известием, которое и подтвердилось впоследствии. Такие же вещи на моих глазах проделывал с тем же успехом только таймырский шаман нганасан Тубяку. Он безо всякого мухомора узнавал у своих духов, кто живёт в животе беременной женщины и как этого нового человека звать.

Действия же Ивана Яковлевича Вантуляна для меня были совершенно непонятны. Ведь зародыш в то время был без признаков пола. А Иван Яковлевич никогда не промахивался. Само действие Ивана Яковлевича освобождало родителей от многих неприятностей. А самое главное – оберегало ребёнка от роковой ошибки. Ведь новорожденный тогда получал своё законное имя. То самое имя, которое он носил ещё в первом рождении и появлении на Земле, то самое имя, с которым он был в Земле мёртвых людей.

Если ребёнку давали чужое имя, то он мог и умереть. Во всяком случае, он болел и плохо рос. А если он в самом нежном возрасте много болел, то жил потом несчастным. Такие люди часто потом меняли имя снова, пытаясь найти своё, подлинное, законное.

Чукчи потому брали новые имена после болезней особенно тяжких и после страшных несчастий, что считали болезни такого масштаба могут поразить только незащищённого своим законным именем человека. Если было неизвестно, кто родился, то надо было трудным гаданием узнать имя, спрашивать живой камень о том, кто пришёл.

Третий тайм-аут. Здесь бы надо рассказать о роли живых камней в многотрудной чукотской жизни, да нет места и времени. Опять приходится переносить рассказ на потом. Поражает только то, что о живых камнях люди совершенно одинаково думают на разных концах материка. Люди, предки которых и встречаться не могли даже в далёком прошлом и которые друг о друге не слышали и поныне.

Можно было, конечно, попросить шамана сходить в мир иной и узнать, кто это к нам пожаловал, но в наши дни, когда шаманы и сами измельчали, да и стали редкими – это затруднительно.

Говорят, что некоторые «под мухомором» ходили и вверх, к Верховному Главному Хозяину, который постоянно окружён «маленькими сопливенькими» душами тех, кто был готов возвратиться на нашу землю. И там эти подмухоморенные люди просили Верховного отпустить одного «сопливенького», чтобы дать дочку или сынка своей жене, дочери или жене сына. Но сам я таких ходоков не встречал, а шамана Вальгиргина, который это проделывал без всяких мухоморов, - видел.

Ещё в стародавние времена «под мухомором» ходили опять к Земле мёртвых, чтобы узнать, что затевает дух болезни.

Болезней водилось множество, а эпидемии косили народ напропалую. Их сравнивали с волками в оленьем стаде. Волки режут оленей направо и налево, пока не устанут, пока зубы не затупятся. А жрут не так уж и много.

Некоторые удачливые ходоки с помощью мухомора узнавали от мёртвых родственников, куда затевает податься дух болезней, а сами бежали в другую сторону. Так было. Я сам видел выжившую из ума старушку, которая всё-таки не желала покидать этот свет и не просила, чтобы её «проводили», несмотря на бесчисленные немощи.

Она в своё время осмелилась «намухомориться» и пообщаться с духом болезни, как я понимаю – кори, чтобы узнать о её планах. Она узнала, что корь пойдёт жрать людей в Янранай, и сама побежала с детьми в тундру, к оленеводам.

Говорят, что иногда люди «под мухомором» узнавали чудесным образом, куда идти на охоту, чтобы промышлять диких оленей или куда плыть на байдаре, чтобы промышлять моржей. Я таких не видел. Видел только шамана Колю Вуквурогина из Нутепельмена, который и без мухомора определял. Где лежат моржи на плавающих льдах.

Я видел, что мухомор придаёт необычайные силы людям, совсем не сильным.

Так, на Камчатке, в Средних Пахачах старушка Тненеут узнала в больнице, что у неё родился внук. Старушка, по чукотским правилам, должна была это сообщить своему мужу и своему сыну, которые в это время были в оленеводческой бригаде километрах в сорока от посёлка. Отважная женщина одела дорожные *плекты* – обувь, напялила старенький *керкер* – комбинезон, чтобы не было особенно жарко под вытертой шкуркой, забросила за спину капюшон, приняла мухоморчика, маленько посидела, чтобы гриб разобрал как следует, и ударилась бежать по прямой – сквозь ледяные переправы, кочкарные равнины и глубокие снега. Когда мы через несколько часов прибыли в ту же бригаду по другой дороге, из другого места, то застали её в отличной форме. Как говорят чукчи «в сухой одежде», не вспотевшей. Для старухи за шестьдесят неплохой результат.

- Мухомор притащил, – заявила старуха лукаво.

Тот же молодой парень Яша Чейвилькут, когда вкусил первый раз мухомора, совершил ряд подвигов: нарубил и притащил огромные вязанки тальника, бегом утащил санки с непосильным для обычного состояния грузом, перетащил тяжёлый камень, который поднимали лишь легендарные силачи.

Он же говорил, что человеку «под мухомором» нельзя перечить, ему нельзя возражать. Мухомор, который сидит в нём, не терпит возражений посторонних лиц.

Однако на одного русского директора совхоза Р., который в тундре приобщился к мухомору, гриб подействовал самым удивительным образом. По словам присутствующих, Р., съев грибы, сорвался с места и побежал в посёлок без дороги. Особенно за него опасались, когда он переплыл смаху довольно быструю и холодную речку во всей амуниции. Он пересёк её в мокрой одежде и ударился бежать дальше. Возле дома он выворотил столб с электропроводами и повалил его поперёк входа. Видимо, столб был зарыт кое-как. Дома же он залез под кровать и забаррикадировался перевёрнутым столом. На призывы жены покинуть убежище не отвечал. Жена и ранее утверждала, что он не в своём уме, и поэтому приняла случившееся без паники. Сам Р. потом говорил, что за ним гнался огромный медведь, и он спасался от медведя таким путём.

Наконец, один из молодых наших сотрудников также принял мухомор, но он утверждал, что через некоторое время увидел себя как бы со стороны. Он слышал свой собственный разговор и как бы раздвоился. Однако эти сведения не совсем надёжны.

То, что чукчи, коряки, ительмены и потомки юкагиров, которые постепенно обрuchались, с одной стороны, и обчукотились, с другой, - чуванцы знали и знают мухомор, как средство для волшебной жизни – дело ясное. Они «мухоморили» и к первому приходу русских в XVII веке и занимаются этим сейчас, несмотря на конкуренцию спиртного.

Но как же другие народы, которые также сталкивались с мухомором? Русские, например, которые довольно рано двинулись на Север? Да и безо всякого движения на Север у русских этого самого мухомора было более чем достаточно... Его считали только средством от мух. Да ещё распространено было предубеждение, что мухомор столько же ядовит, как бледная поганка. Нам в детстве, бывало, запрещали даже брать мухоморы в руки, чтобы не отравились потом. А как же мухоморы красивы в лесу! Сбивать их просто так считалось грехом. Утверждали, будто им лоси лечатся. Мухоморы – истинное украшение русского леса. Только представить себе эти ярко красные шляпки и белоснежные ножки. Шляпки с белыми пятнами. К мухомору всё же относились со своеобразной симпатией. Мухоморы фигурировали на праздниках в качестве ёлочных игрушек, мухоморы вышивали на детских передничках, мухоморы часто рисовали, их точили из дерева мастеровые на продажу – штопать чулки. Красивые грибы. В них ничего нет зловещего.

Совсем недавно я случайно узнал, что во многих местах мухомор настаивают на водке и растирают этой настойкой больные места. Так лечат радикулит, так снимают суставные боли при ревматизмах. Говорят, что раствор мухомора хорошо помогает при кожных заболеваниях.

Сейчас есть люди, которые присылают своим друзьям на радость европейские мухоморы, а нехорошие люди – за деньги и за пыжиковые и песцовые шкурки. Чукчи-потребители говорят, что европейский мухомор против полярного гриба во много раз слабее, хотя и работает в нужном направлении. Полярный мухомор не так ярок и красочен и не так велик, как наши российские грибы.

В русских каких-то легендах, правда глухо, поминается о северных разбойниках, которые едят мухоморы и после совершают всяческие безобразия. Дыма без огня не бывает. Скандинавские саги, не помню уж где, также поминают как отчаянные драчуны – берсерки, бойцы, теряющие в драке голову, ели перед делом мухоморы. Якобы, после этого они не чувствовали боли от ран и не ведали усталости после многочасовой рубки. Похоже на правду. Мухомор силушки придаёт, да и куражу тоже – вспомните старое чукотское правило – не перечить «намухоморенному» человеку.

Самые первые северяне, с которыми столкнулись индоевропейцы – предки саамов, ничего не оставили в фольклоре для потомков о мухоморе. У финнов, не знаю уж почему, ничего путного про мухомор нет в этнографии. Тем более это странно, так как у их родственников – угров про мухомор весьма много известно.

И ханты, и манси давненько употребляли мухомор точно так же, как и чукчи с коряками. Хантыйские и мансийские разбойники, чтобы набраться силёнок и притушить совесть, наедались мухоморы перед разбоем. При этом мухомор ели богатыри – люди, которые и так были достаточно сильны и смелы. Угры серьёзно считали, что мухомор придаёт храбрости до безрассудства. У хантов, например, если человек натворил нечто несуразное, говорили, что он «мухомора объелся». И это было оправдательным моментом. Опять вина перекалывалась на славный гриб.

Обские угры «под мухомором» также ходили в Землю мёртвых и всячески гадали о будущем.

Они, простые люди, не шаманы, рисковали встречаться «под мухомором» с духами и убеждать их в чём-то. Так, по крайней мере, говорят многие этнографы. Ханты, даже при исполнении длинных эпических произведений употребляли мухомор, как средство для освежения памяти.

Этому я сам свидетель. Как-то в хантыйских Мужах славный охотничек Никола Кельчин, хант, устав исполнять сказку о древних делах, пожаловался мне на нехватку мухомора.

Совершенно таинственна роль мухомора у самоедов – ненцев, энцев, нганасан, селькупов и их соседей. Положим, что селькупы и кеты относились к мухомору, как и ханты. Но как же ненцы и нганасаны? Я много работал с

нганасанами, но даже следов употребления мухомора не встретил. А совсем недавно, каких-нибудь сто лет тому назад, красноярский губернатор, который был по совместительству этнографом экстра-класса, утверждал, что для самоеда, то есть для нганасана или энца самое большое удовольствие – съесть пяток мухоморов. И число он назвал чукотское – пять. Я поражался тому, как могло наступить полное забвение старого удовольствия. Неужели же спирт мог вытеснить всё прежнее? Наверное мог, раз даже большие шаманы утверждали, что спирт и есть первая еда духов.

Как бы там ни было, таймырские самоеды ели мухомор. У лесных ненцев в Верховьях Таза есть ещё воспоминания о том, как надо есть мухомор. Стало быть, ареал мухомороядения был широким – вся Западная и Средняя Сибирь.

А вот на юге Средней Сибири – где-нибудь на Алтае, на Саянах мухомор люди не едят. Ничего нет о мухоморах у бельтиров, сагайцев, кумандинцев, шорцев, хакасов, тувинцев. Правда, есть современная песенка про тофаларов: «отчего сегодня тофалар не весел? Мухомор, как видно, не созрел!...» Песенка ироническая. Вроде бы как которые едят мухоморы, вместо того, чтобы одуревать от водки.

Тофалары нынче живут в Иркутской области. Их немного. Несколько сотен человек и их причисляют к народам Севера, хотя живут они совсем не на Севере. Они – оленеводы. Тофаларский олень самый крупный даже среди лесных оленей. Все тофалары – выходцы из Тувы. Само название «тофалар» так и переводится, как «тувинские люди». Некоторые этнографы считают их близкими родственниками оленных тувинцев – тоджинцев. Тофы – тюрки.

А тюрки-якуты не едят мухоморов. Якуты, по правде говоря, тюрки по языку. Северные якуты имеют в себе и тунгусскую, и юкагирскую кровь.

Юкагиры остались совсем немного, чтобы о мухоморе всё выяснить досконально. Юкагиры жили в Восточной Сибири задолго до якутов, до тунгусов и, само собой, до русских. Они, по всей видимости, знали мухомор и его свойства. Только об этом сейчас трудно говорить – осталась кучка народу, а память человеческая несовершенна. И культура у юкагиров своя утрачена. А если и есть что-то исконно-юкагирское, то это так слилось с культурой окружающего населения, что ныне и не определишь где чьё.

Не едят мухоморов тунгусы – эвенки и ламуты – эвенки. А также не едят мухоморов все амурские люди, которые говорят на тунгусских языках. Всё те же ламуты, которые переселились на Чукотку уже в наше время мухомор одобряют. Отдельные люди. Конечно. Не едят мухомор нивхи – а они на Амуре самые древние. Не знаю – ели ли мухомор айвы, но все остальные камчатские аборигены и чукотские родственнички – коряки, да и все эскимосы на азиатской стороне мухомор весьма уважают.

Наконец, есть сведения, что Великие Боги индоариев употребляли мухомор в качестве важного ингредиента сомы – напитка бессмертия, напитка, дающего вечное блаженство. У богов в плане напитков всегда так: себе вечность, а людям – то, что укорачивает век.

Но самое главное про мухоморы.

Мухомор никогда не был средством для шаманов. Он никогда не был шаманским средством для общения с духами. И хантыйские шаманы, и самоедские шаманы, и чукотские шаманы, и корякские шаманы, с которыми мне довелось дружить, в один голос утверждали, что мухомор – средство для того, чтобы просто человек, не шаман, получил шанс пообщаться с иным миром через посредника – мухомора, который, якобы, гриб, не совсем гриб, и вроде бы человек, хотя не человек. Если человек – шаман – это заботящийся о своих близких кровниках, то мухомор – шаман для всех. Мухомор – это шаман для всех. Ну, а отношения между шаманами – тема для отдельного рассказа.

Обычная шаманская жизнь

Первый раз я увидел старика Вальгиргина в его собственном доме в посёлке Нешкан на Чукотке.

Первая моя мысль при виде Вальгиргина была о том, как много мы потеряли, приобретя, казалось бы, полезные плоды цивилизации. В частности, баню. Я зашёл к старику после бани и ощущал себя божественно. Чувство усиливалось и тем, что я до этого дня был в трауре и полтора месяца не мылся.

Старик сидел в углу на своей подстилке в одних коротких кожаных штанишках и с наслаждением чесался. Он царапал себе спину специальной палочкой с сучочком в виде крюка. Старик постанывал от удовольствия, и на лице его лежала печать такого блаженства, которое баня мне обеспечить не могла.

- Получив баню, мы потеряли большее, – уверился я.

Предстояло убедить специалиста проконсультировать меня по некоторым разделам чукотского шаманского ремесла. Объяснить, зачем мне это надо было, затруднительно. И я, для начала, стал рассказывать Вальгиргину про других шаманов, с которыми мне приходилось встречаться. Разговор получился бойким. Старик очень заинтересовался коллегами и постоянно спрашивал, с какой стороны от него живёт тот или иной шаман. Пришлось мне сбегать за буссолью и картой и определиться по частям света.

Вальгиргин довольно быстро запомнил, с какой стороны от его дома находится Таймыр, где средняя Обь, где Камчатка и так далее. Я подозреваю, что сначала он подумал, будто я желаю выяснить достоверность шаманских действий моих знакомых.

- Однако много людей стало говорить, что они шаманы, - деликатно заметил Вальгиргин в конце нашего разговора.

А сам-то как ты можешь доказать, что твои действия не есть плод твоего же воображения? – подумалось мне.

Но тут в дом ворвались реальные свидетели возможностей Вальгиргина и подняли в доме гвалт. Они были все с мороза – его внучки, румяные, как утренняя заря, и свежие, как новый снег, маленькие девчонки.

У старика Вальгиргина, как я знал от поселковых людей в живых оставалась только одна дочь. Да и та много болела и очень поздно вышла замуж за скромного и тихого человека. Детей у них не было и не было. Шаманская дочь сначала сама всё перепробовала, - как она мне рассказывала, - что от людей знала. Хотела забеременеть – не помогало. Она кипятила первую снеговую воду на старинном жирнике, который хранился в семье. Сделан он был из мягкого камня в виде широкого блюдца с возвышеньцем посередине, где была высверлена дыра. В эту дыру вставлялся фитиль из высушенного и скрученного мха, а вокруг укладывался кусочками и наливался нерпичий жир. Такими жирниками раньше и освещались, и обогревались в пологах, когда постоянно жили в ярангах. Сейчас обитают преимущественно в домах. На этом самом жирнике женщина и вскипятила воду из первого снега. На жирнике же она в этой воде сварила нерпичье мясо и легла в пологе голая на спину. На живот она поставила кожаную тарелку с бульоном, а сама стала есть нерпичье мясо и думать о маленьком мальчике. Старухи говорили, что это – беспроегрышный способ. Что если после такого сеанса отдаться мужчине, то мальчик обеспечен. Вальгиргинская дочка исполнила всё в полном соответствии со старушачьими указаниями, а ребёнок всё не приходил и не приходил. Женщина просила свою мать и мужа поест мухоморов и сходить к Верхнему Распределителю на Рассвет, чтобы у него попросить для неё ребёночка.

В соответствии с чукотскими правилами, мать и муж могли просить только мальчика. Они сходили во сне на Рассвет, но ничего путного из этого не вышло. Верховный им не показался и не ответил на их просьбы.

Остался один отец. Врачи ей сказали, что поздно – месячные кончились и в её теле не заведутся дети. Врачи отказали в помощи. Дочка Вальгиргина была современного воспитания. Она училась и росла в интернате – была последняя. Она поначалу ни в какие шаманские штуки не верила. Оставался один отец. Он сказал, что попробует. Он безо всяких мухоморов отправился на восток, на рассвет, вверх и вверх. Там, где только первые лучи света выходят, там справа он увидел Большой Дом.

Позже мы с ним обсуждали этот факт.

- Как дом видом? – спрашивал я.
- Просто Дом, - отвечал старик.
- Как русский дом или как яранга?

- Просто Дом, где живут, - сокрушённо пояснил шаман. У него вида нет... Просто это такой Дом, где живут... Он любой может быть... Его глазами не видно. Его так просто не глазами видно.

Там, возле Дома, справа от Дома, - это Вальгиргин хорошо заметил, - стоят дети. Они вроде бы построены в ряды.

- Там их много стоит сопливеньких, - пояснил старик. Надо крайних просить. Крайние – девочки.

- Кто же тебе говорил, что надо крайних просить?

- Никто не говорил... Как будто сам уже знал.

Из всего этого сбивчивого диалога можно взять на веру только следующее: Вальгиргин видел не строение конкретной формы, а некую идею Дома, Жилища Божества. Что же касается Божества, то тут тоже обнаруживается то же, что и с Домом.

- Ты сам Верховного Распорядителя-то видел?

- Я ж тебе говорю, что там всё не глазами видишь, а как будто во сне...

- Какой он видом?

- он будто человек, однако, как из света весь. Даже больно его видеть...

- Это Главный Бог детей на землю посылает?

- Почему ты говоришь – «Главный Бог»? Это же Главный Бог... Это же Главный Бог... Его у нас называют «Сторож»...

- Ага! Стало быть, - это просто распорядитель. «Сторож»!..

Сторожем у чукчей называют всех, кто охраняет, оберегает. Так называют и пастухов, которые и стадо окарауливают, – пронеслось у меня в голове.

- Надо «Сторожа» именем дочери окликнуть, назвать его именем дочери... тогда он отпустит девочку, которая с краю стоит, и у твоей дочери она родится.

- А если просишь за другую женщину?

- Надо «Сторожа» именем этой женщины назвать.

Стало быть, души после жизни в Земле Мёртвых попадают под надзор этого «Сторожа». Они и вид приобретают детский – сопливенькие. И сами на Землю рвутся – поэтому их надо сторожить особому существу. И это существо надо отождествлять с женщиной, которая будет рожать... Логика в этом есть.

Ну, а дальше я сам всё знал. Дочь Вальгиргина сразу же после его камлания забеременела и ей было очень трудно рожать. Возраст всё-таки сказывался и природные какие-то особенности, что не давали ей долго забеременеть.

Тогда старик-шаман послал своего зятя покликать гагару. По местным чукотским верованиям, если женщина не может разродиться, то её муж должен ей помочь. Только муж. Даже мать обязана выйти из полога и ждать первого крика ребёнка. Она должна приготовить жгутик из волос своей дочери и травинки, чтобы перевязать пуповину. А муж выходит наружу и кричит, подражая гагаре, три раза. После этого он идёт в полог и ждёт, когда

дух гагары подаст за ярангой голос. Тогда женщина начнёт тужиться, и ребёнок пойдёт. Его и должен взять муж. Он вообще в это время помогает жене. А женщина всё это проделывает молча! Считается ужасным грехом роженице крикнуть – в принципе подать голос. На этот крик могут сразу же келе – духи сбежаться. Они способны и ребёнка, и роженицу повредить, как умеют. Поэтому роженица никогда не кричит при родах. Уж как это получается – не знаю. Знаю только, что чукчанки всегда с иронией говорят о русских и прочих дамах, которые в роддоме орут изо всех сил. И врач-акушеры с изумлением говорили, что чукчанки рожают молча, без паники и шума.

Зять Вальгиргина, слабый человек, не смог призвать гагару-духа. И тогда за дело взялся сам Вальгиргин. Он вышел за ярангу и покричал по-гагарьи. Потом он вошёл в ярангу и почувствовал, что дух гагары – шаманской птицы здесь, что новые силы влились в дочь и ребёнок пошёл. Он стал потихоньку подкрикивать голосом гагары, точнее, гагара-дух через него подавала голос, которому следовала, напрягаясь, женщина. И ребёнок родился очень даже хорошо. И это была девочка. Самая старшенькая из тех румяных зорек, которые ввалились гурьбой смотреть на меня, когда я первый раз пришёл к их деду.

Так и началось наше знакомство. Мы со стариком заключили конвенцию. Если он камлал по какой-либо нужде, он сообщал мне об этом через кого-либо. Я приходил и не мешал ему. Записывал и смотрел что хотел, но не лез с вопросами и не подключался к действию. А если я являлся без приглашения, то, само собой, должен был представить гонорар. Гонорар я и представил сразу же – вынул припасённую бутылку водки и потребовал стаканы. Размеры гонорара я предоставил себе устанавливать сам – по важности сюжета.

Прибежала маленькая внучка Вальгиргина, примерно, в середине дня и сказала, что дед будет лечить женщину.

У старика сидела знакомая мне измождённая Росхинаут. Она только что приехала после лечения из больницы. Ей делали сложную полостную операцию – ушивали «прободенную» язвой кишку.

Росхинаут едва могла есть жиденькую пищу и мучилась от того, что всё время пучило живот.

- Боюсь, что там у меня кишки лопнут – очень больно, - жаловалась бедная.

- Что ты ешь? – спрашивал её Вальгиргин как заправский доктор.

Женщина серьёзно рассказывала ему со всеми подробностями, что она съела в охотку маленькую щепотку заквашенной зелени – это типично чукотская еда из смеси разных растений, которую набивают в кожаные мешки-шкуры, снятые целиком с нерпы, и едят с квашенным же нерпичьим жиром. У не берегового чукчи от этой еды брюхо бы не только вспучило, но,

пожалуй, и разорвало бы с непривычки. Бедняга же соскучилась по настоящей чукотской еде и позволила себе отступление от диеты.

- Ещё что? – строгим голосом спрашивал шаман.

- Ещё понос бывает всё время, - пискнула смущённая Росхинаут.

Старик задумался, и все мы замолкли, подавленные серьёзностью момента.

- Когда приспичит, - наконец, заговорил он, - то пойдёшь на берег и возьми плоский камень. Сходи на этот камень и брось его в воду, скажи при этом: «Пусть из меня эта хворь уйдёт...» Я сегодня маленько покамлаю – и у тебя живот пучить не будет...

- У меня ещё зуб выпал, - пожаловался Росхинаут.

- Это у тебя скоро кто-то близкий умрёт, - уверенно сказал шаман. – Ну, иди на свой берег, - пошутил он.

Росхинаут значит – «Женщина, живущая на другом берегу».

- А почему, если зуб выпадает, то кто-то близкий умрёт? – спросил я старика, когда пациентка покинула помещение.

- Не знаю. Так всегда говорили. Если коренной зуб выпадает – умрёт кто-то из детей. Если передние зубы – кто-то из старших... Вера такая.

- А как же ты ей живот лечить будешь? – разбирало меня любопытство.

- Я сейчас спать лягу, - сердито сказал шаман, и во сне своего помощника – комара позову. Скажу ему, чтобы он у этой бабы из живота газы высосал...

- А если сам болеешь, то как лечишься?

- Сам я духов обманываю, - хихикнул старик. – Я беру соломинку и горло перетягиваю, как будто удавливаюсь. Потом падаю, как мёртвый, на спину и лежу. Эти болезни думают, что я умер и уходят.

- Не боишься, что они услышат, как говоришь?

- Те то уже ушли, а другие тебя боятся. Ты – русский, они сюда не залезают...

По дороге домой я думал о том, что пришла и моя пора поболеть. Горло так саднило, что было ясно – последнее холодное вынужденное купание в ледяной воде на прошлой рыбалке мне даром не обойдётся. Я сорвал возле дома длинную травину. Попил горячего чайку, перетянул себе травинкой горло, свалился будто мёртвый, и с лёгкой душой уснул. Проснулся – горло было как новое.

- Дядя Юра!! – запищали у двери уже два голоса, - дедушка сейчас будет маленькую девочку лечить.

Меня с лежанки как ветром сдуло.

Заплаканными были обе – и мать, и дочь. Дочери лет пять.

- Иголку проглотила, - пояснила уже мне мать.

- Давно? – ужаснулся я, прикидывая в уме, как вызвать вертолёт.

- У доктора были?

- Доктор в воскресенье на рыбалке.

- Ладно, я лечить буду, - проворчал Вальгиргин, стаскивая с себя рубаху и оставаясь голым, он только полотенце на свои пожилые чресла возложил. Он всегда шаманил голым после того, как у него лет двадцать тому назад отобрали шаманскую сбрую – кухлянку, шапку и всё такое.

Старик пошуровал в печурке огонь и стал греть возле раскрытой дверцы бубен. Он уже приспособился к современным условиям. В яранге был огонь должен был гореть от шамана сбоку или перед ним. Он сам должен был сидеть в пологе. Здесь же он сидел рядом с железной печуркой. Понятно, почему он сохранил в доме печурку, несмотря на центральное отопление, - бубен греть.

Старик погрел бубен – деревянный обод с костяной ручкой, на который натянут плавательный пузырь моржа, и стал мерно бить в него длинной полоской китового уса. Бубен зазвенел характерным для чукотских и эскимосских бубнов голосом – с примесью какого-то металлического оттенка.

Старик молча бил и бил мерно в бубен, тихонько мыча ртом. Потом он стал мерно всасывать в себя воздух. От усилий он приподнимался с места и вместе с ним приподнималась девочка на коленях у матери. Она смотрела неотрывно на старика широко распахнутыми глазами и открыв от напряжения ротик.

Старик в последний раз до полного изнеможения втянул в себя воздух, медленно выдохнул и отложил бубен. Он был красен и потен от усилий.

- Иди, посади её на горшок, - сказал шаман совершенно прозаически.

Чукчи – единственные на севере люди, которые изобрели ночную вазу – ачульхен. Старые горшки – настоящие произведения искусства из редкостных капов. Такой кап – нарост на дереве от мочи с годами становится необычайно желтовато-коричневого цвета и затирается руками снаружи почти до каменной консистенции. Этому способствуют и вьевшиеся в дерево соли. Такой горшок шаман и вручил матери. Та унесла дочку в уголок и понудила её сходить по большому. Девочка не сопротивлялась. Она послушно проделала всё, что от неё требовали.

- Есть, - радостно воскликнула женщина после непродолжительного времени. Вот она, - и радостно показала всем извлечённую иголку. Иголка была, отнюдь, не современная. Старинная русская трёхгранная иголка, которыми чукчи очень дорожили. Такой иголкой шить шкуры – одно удовольствие. Тонкие круглые иголки, которые здесь так и называют «американские», ценятся меньше. Эта иголочка пожила в своё. В каких только она руках не побывала, пока и не притупилась, и не потёрлась. И как только она пропутешествовала по детским кишочкам до естественного выхода!

- самый сильный мой помощник – комар, - говорил старик, когда женщина с девочкой ушли, а мы засели за внеплановый гонорар – очередную бутылку. – Когда сам летом болею, - просто иду на улицу и зову комара. Ему говорю: «Высочи мою болезнь». Он и сосёт. А зимой комаров нет – надо

самому сосать, как комару... Тут одна старуха была. Она так болезнь сосала, что больной с места поднимался над постелью...

- И хвост у неё завивался мелкими кольцами, - подумал я, поднимая стакан.

- Зря ты мне не веришь, - проницательно проворчал Вальгиргин, поднимая в ответ свой.

Дурень Вася прибежал под вечер.

- Скорее, Юрий Борисович! Такое несчастье! Такое несчастье!

Он сбивчиво стал рассказывать, что у него обварился маленький Серёжа. Серёжке было четыре годика. Такая же дурёха, как и он сам, его жена Нина решила постирать. Она и налила в детскую ванночку кипятка и насыпала туда каустической соды. Видимо, решила откипятить Васину спецовку – он работал на дизельной мотористом. Малыш упал в ванночку и обварился. На нём были только короткие штанишки, и он почти весь покрылся пузырями ожогов. Ягодички обожглись только в верхней части и яички были целы.

- А где же доктор? – заорал я. – Я же не доктор!!

- Сегодня воскресенье. Доктор поехал на рыбалку.

- Чёрт бы драл этого доктора с его рыбалкой.

До дома растяпы Васи мы добежали за минуту. Дурёха Нинка тихонько выла, глядя на сына, который преспокойно сидел в своей кровати и даже заулыбался мне.

- Болит, Серёженька? – вырвалось у меня.

Мальчишка заулыбался ещё шире и замотал головой. На него было страшно смотреть. На голеньком теле везде зловеще наливались пузыри.

Тут делать было нечего. Я знал, что при сильных ожогах мочатся на обожжённое место, но тут весь Серёжка был сожжён, и я не знал – поможет ли? Я знал ещё, что ожоги мажут облепиховым маслом – его не было, знал, что от солнечных ожогов помогает марганцовка и спирт. Знал, что некоторые рекомендуют небольшие ожоги мазать растительным маслом. Но здесь я не знал, что надо делать.

- Пошли на рацию, - предложил я.

На рации Володя Теушаков – радист уже раскочегарил установку и связался с мысом Шмидта, где был военный госпиталь. Военные врачи – люди серьёзные. У них и лекарства есть, и опыта больше, чем у штатских, а самое серьёзное – есть вертолёты. Не то, что у гражданских. Я как раз пришёл, когда к телефону позвонили начальника госпиталя. Старый вояка мгновенно вник в дело и коротко бросил:

- Через полтора часа прилетим!

Мне было не по себе, что мальчишка никак не реагировал на боль.

- А как было дело? Расскажи, - попросил я дурня Васю.

Тот принялся пространно объяснять, как он чинил лодочный мотор. Собственно, к делу он прибёг не скоро. Я изо всего этого понял, что

мальчишка сначала закатился криком, и родители испугались, что он от крика задохнётся.

А потом он внезапно замолчал и дал усадить себя в постель. Потом он не кричал и просил пить. И так он сидел до самого нашего прихода без крика.

Это было непонятно и страшновато своей непонятностью. Неужели у мальчишки был такой глубокий шок, что он не чувствовал боли?

- Ну, пойдём к Серёже, - решил я.

Парнишка по-прежнему сидел в кроватке и ни на что не жаловался. Я нёс всякую чепуху, чтобы занять и его, и себя. В доме было жарко, душно, но дверь боялись открывать, потому что мальчишка сидел совершенно голый. Полтора часа протянулись чудовищным кошмаром. Наконец, послышался голос вертолётных моторов, и большая военная машина пошла на посёлок со стороны моря. Вертолёт сел прямо на пустырь за домами и трое военных зашагали к Васиному дому...

- Попрошу всех выйти, – строго сказал высокий седой офицер, едва войдя в комнату.

Нинка ещё крепче вцепилась в спинку Серёжиной кроватки, Вася подался к стене, а я и прибежавшие соседи пошли наружу. Уже порядочно от злополучного дома я услышал животный детский крик, который скоро прекратился. Я остановился и стал слушать и смотреть. Высокий военный вышел, неся, видимо, завёрнутого во что-то бесформенное. Нинка семенила рядом. Вася вывалился на крыльцо и замер там. Врачи почти бегом добрались по тундре до вертолёта, влезли внутрь и сразу же завертелись лопасти машины. Вертолёт плавно пополз над землёй и также плавно перевалил с земли на море.

Говорить с дурнеем Васей мне совершенно не хотелось и я побрёл далее домой.

Стоило устроиться с книжкой на топчане под лампой, как от двери донеслось писклявое:

- Дядя Юра! Скорее! Дедушка зовёт!

Это был дуэт внучек старика Вальгиргина.

- Скорее, дядя Юра, - торопили они. – Вот он вам послал, - пропищала одна из малышек и протянула мне ладошку, на которой лежала крышечка из фольги от водочной бутылки.

- Намёк! – понял я. – Иду, - сказал я вслух девчонкам.

- Только скорее, дядя Юра, - пищали девчонки. – дедушке совсем плохо.

- Что с ним? – спросил я их.

- Дедушка спал, - затараторила одна, - а потом проснулся и вот так сидел...

Девчонка крепко зажмурила глаза и сжала челюсти. Руки она также напрягла перед собой, собрав пальцы в кулаки. Весь её вид изображал крайнее напряжение.

- А потом, когда вертолёт прилетел к Серёже, он упал, - и она на полу показала, как навзничь опрокинулся дед, - и ему стало очень плохо. Он нам сказал, чтобы мы скорее бежали к вам и отнесли вот это, - она показала на пробку.

- Намёк понял! – сказал я, хотя так ничего и не понял. Взял бутылку и пошёл за девочками.

Старина Вальгиргин так и лежал на спине на своей подстилке и тяжело дышал. Рёбра, обтянутые старческой кожей, вздымались как после долгого сна.

- Чего случилось? – спросил я, усаживаясь рядом.

Старик опёрся о мою руку, сел и потряс головой, как от наваждения.

- Совсем конец близко, - пробормотал он, вяло махнув рукой в сторону пустого стакана.

Уж этот намёк я понял правильно. Налил старику больше половины и вложил в слабые пальцы. Старик вытянул «огненную воду», и стакан выпал из его бессильной руки. Старик выдохнул, опять потряс головой и несколько взбодрился. Спина его распрямилась, он положил за спину свёрнутую кухлянку и сел почти прямо. Огненная вода делает с шаманом чудеса.

- Что случилось? – повторил я.

- Я спал уже, - стал рассказывать старик, - вдруг соседский мальчишка в страшную боль попал...

- Это он Серёжку почувствовал, - понял я. – Что-либо услышать отсюда невозможно. Дома дурня Васи и Вальгиргина стоят далеко друг от друга.

Я стал его держать, чтобы он от боли не умер, - продолжал старик. – Я его держал, держал, а когда врачи к нему пришли, то отпустил.

- Это тогда Серёжка закричал, когда боль снова вернулась. А почему же он опять замолчал? – пронеслось у меня в голове.

- А почему мальчишка опять замолчал? – спросил я автоматически.

- Врачи сами боль вынули...

Чтобы там не говорили, а это был факт. Меня он убедил до такой степени, что я устыдился мизерности гонорара за такую работу и пошёл за второй бутылкой. По дороге я завернул к разине Васе и спросил, что делали доктора с мальчиком. Вася простодушно поведал, что малый заорал, как только мы все вышли.

- Он всегда врачей боялся. Очень уколов не любил...

- Ну и что?

- Как он закричал, то врач достал шприц и сделал ему укол. Тогда он опять кричать перестал и стал засыпать...

Однако, каков старик Вальгиргин! Каков же шаман! А я ещё размышляю – выставлять ли ещё одну бутылку или же нет! Позор! С этой мыслью я и вернулся к старику Вальгиргину, прихватив в компанию к мысли ещё одну бутылку «огненной воды».

Наступил день, когда я сам пришёл к старику за разъяснениями различных шаманских действий. Как и было уговорено сначала, гонорар я предъявил с порога.

Старик оказался не в духе.

- Что ты меня всё время про нашу веру спрашиваешь? – проворчал он... - Давай лучше ты про вашу веру расскажи. Как вы, русские верите в кого...

Русскими здесь считались все, кроме чукчей. Даже мусульмане. Проблема оказалась не совсем простой. Я расплылся, было, мыслями по русским верованиям, но решил остановиться на Христе. Всё-таки христианство – самая стойкая из всех русских вер. Я сбивчиво стал рассказывать Вальгиргину о событиях, которые имели место в Палестине десять тысяч лет тому назад. Я с энтузиазмом плутал в истории богочеловека Христа и, судя по всему, всё более и более перепутывал старого шамана.

- погоди, - остановил он меня в момент рассказа о предательстве Пилата. – Эти самые евреи что, родня русским?

- Нет, - пояснил я. – Совсем не родня.

- Тогда какое же дело русским до того, что было у чужого народа? – спросил Вальгиргин.

- Это неважно, от какого народа сын Бога, - возразил я.

- Откуда ты взял, что он сын Бога? – спросил шаман. – Какой-то бог это сказал, что ли ихним шаманам?

- Нет, он сам это говорил.

Я стал вспоминать о воскрешении мёртвых, о пяти хлебах и воде, превращённой в вино. Словом – все чудеса Христовы, о которых только мог вспомнить. На старика они не произвели впечатления.

- Он себя ножом не колот? – спросил он подозрительно.

- Нет, - ответил я.

- Маленько слабый шаман, - пробормотал Вальгиргин с оттенком сочувствия. – Так делать разные шаманы могут – мёртвого заставить быть живым и сделать из маленькой еды много... Это шаманы могут делать... Однако никто из них не бывает от *келе-духа*...

- Так он же людей всему хорошему учил...

Вальгиргин разразился длинной речью о том, что русские – маленько чудные люди. Они не имеют отношения к какому-то народу, у которого объявляется, судя по всему, шаман. И они этого самого шамана начинают считать Богом. Хотя ни он, ни сами боги об этом никому ничего не говорили.

- Что же он говорил? Чему учил? – уже раздражённо спросил Вальгиргин.

Я, сохраняя максимальную выдержку, стал излагать основы Христова учения. Старался напирать на его стиль, на его слова. В сущности, слова Христа мне сильно напоминали по стилю чукотские или нганасанские притчи. Всё так же.

Старик Вальгиргин по мере рассказа становился всё мрачнее и мрачнее. Наконец, он допил свой стакан и остановил меня жестом. Мне уже было видно, что старик не одобряет всего сказанного.

- Мне русские всегда казались чудноватыми, признался он, наконец. – Совсем люди странные... Вот тебе что нравится в учении этого вашего Бога?

- Всё, - искренне ответил я.

Вальгиргин крикнул досадливо и стал говорить, всё более распаляясь.

- Вот, говоришь, что он учил «Не убей»... Если в твою ярангу прибегает лишённый разума, - а таких бывает много, - и начинает рубить топором твою мать, твоих детей... Значит, это доброе дело – дать ему всех убить и самому погибнуть?.. Где здесь разум? Доброе дело, если ты его сам отправишь к Верхним людям. Тот, кто убивает просто так – не может жить с людьми. Тот, кто убил, должен сам умереть. Не он давал человеку эту жизнь, и не он имеет право её прекращать... Это глупое учение. А ещё глупое учение – если тебя стукнут по голове, то снова её подставить. Разумный человек никогда по голове бить не станет. А не разумному подставлять свою голову – глупо. Твоя голова нужнее старикам и детям, которые твоя родня...

Старик раскипятился не на шутку. Он замолчал на время, но я не рисковал раскрывать рта. Всё-таки он был прав.

- А вот он говорит: «Не желай женщин»...

- Не желай жён твоих друзей, - поправил я...

- Ещё глупее, - воспрял старик, - как же к тебе будут твои жёны относиться, если ты на них не будешь внимания обращать?..

Это была совершенно чукотская точка зрения на проблему. На русскую она совсем не походила. У чукчей и сейчас брак носит групповой характер. Для молодых, может быть, уже не в тех масштабах, что для стариков, но всё же не по-русски, не по-христиански.

Каждому мужчине-чукче полагается группа жён, а каждой женщине – группа мужей. Система эта не простая и в двух словах её не опишешь. В самых общих чертах она выглядит следующим образом. Интимные отношения у чукчей запрещены между родственниками определённой степени. По нашему – не ближе троюродных. Ведь в общинах все состояли друг с другом в каком-то родстве. В принципе все двенадцать тысяч чукчей между собой родственники. В маленькой общине найдётся не так уж много людей, которые являются родственниками не ближе троюродных. Так что для каждого мальчика и девочки уже имелись готовые жёны и мужья. Для мальчиков определялись жёны только из числа уже живущих, рождённых до его появления на свет женщин, независимо от возраста. Для грудного младенца имелись жёны от глубоких старух до таких же младенцев женского пола, что и он. Для девочек же, кроме тех мужчин, которые уже были рождены, в мужья попадали и те, которые родились в течение всей её жизни. Поэтому – для мужчины число жён постоянно сокращалось за счёт естественной убыли, а для женщины число мужей постоянно росло за счёт новорожденных. Минимальное число жён мужчина имел на склоне лет, а

максимальное число мужей было у старух. Такая система достигала самой мудрой цели – она обеспечивала половым партнёрством женщину в течение всей её жизни. Чукотское общество имело постоянную возможность пополняться. Способности каждой женщины при такой системе задействовались полностью. Бытовала сложнейшая система отношений между мужчиной и его жёнами разных возрастов в различные периоды его жизни, так же как и у девочек по отношению к мужьям. Чукчи считали всех детей какой-то женщины общими детьми всей группы её мужей. У каждого мужчины, таким образом, были дети ото всех его жён. Даже потери при такой системе не столь были тягостными, как для нас, когда погибает единственный ребёнок. Для чукчи такая ситуация была просто невозможна. Да ещё и то, что дети искренне считали всех мужей своей матери своими отцами. Они также были защищены от злой судьбы, которая, случалось, отнимала кормильца. Уж чего-чего, а отцов у детей хватало. Ещё чукчи вступали в «товарищество по жене», когда люди из разных общин влюблялись друг в друга. Они тогда открыто на время обменивались женщинами, а можно сказать, - мужьями, если стать на место жён.

Чукчи всех остальных людей считают очень нечестными за то, что те изменяют друг другу тайком, обманывают и всё такое.

- Как же к тебе будут относиться твои жёны, если ты их не будешь желать? – спросил справедливо старик.

С чукотской точки зрения, совет Учителя был неприемлем.

- Отдай рубашку, - уже безнадежным тоном продолжил я...

- Что об этом говорить? – возмутился старик. – Ты где видел, чтобы люди оставили человека на морозе голым? Конечно, каждый отдаст и кухлянку, и всё, что нужно. Зачем об этом говорить. Каждый ребёнок сам знает, что надо помогать людям. Кто у нас потащит мясо к себе, если соседи голодные? Кто у нас не отдаст последнее, а сам не возьмёт ничего для своих, если людям надо?..

И здесь он был прав. Торжественность совета делиться последним со своими ближними у чукчей казалась неуместна.

- А что он там про воровство говорил? – хитро прищурился старик.

- Не укради, - повторил я.

- Вот, вот. Я его понял теперь... – старый шаман торжествуя глянул на меня. – Разве нормальному человеку придёт в голову воровать? «Не воруй, не воруй» – только вор говорит, только тот говорит, кто сам украсть может. Обычные люди воровать не могут. У него плохой ум был у вашего русского Бога...

- Не только у русского, - подумал я. – У очень многих.

- Может быть, ваш Бог и шаман был, - заключил Вальгиргин, - только не знаю какой – надо знать, что он мог делать...

Сам-то старик принадлежал к довольно-таки уважаемой шаманской прослойке. Его духовный чин по-чукотски назывался весьма длинно – *эненмелетынен*.

Шаманы этой категории могли лечить людей – они выгоняли духов – болезни из людей и также мог улучшать погоду. Охотники на байдаре старались всегда заполучить в свою компанию именно *эненмелетынена*, чтобы тот избавил их от неожиданностей. Обычно погоду предсказывали довольно точно. Для этого были люди, называвшиеся – *янгенг* – «человек, который видит весь мир». Они не были никакими шаманами, а просто хорошо чувствовали погоду. Однако, как всякие метеорологи, и они часто ошибались. Бывало, шторм заставал байдару в битом льде или же ветер начинал громоздить ледяные поля, что ещё хуже, несмотря на все признаки устойчивой хорошей погоды. Вот для этого и годились *эненмелетынены*. Они бросали ольховую палочку в море, и шторм прекращался. Эти люди умели также «отводить глаза». Современная учёная чукотская молодёжь называет это гипнозом. Старина Вальгиргин потому и отнёсся к моему рассказу у чуде, сотворённым Христом с пятью хлебами, без должного уважения, так как сам мог проделывать подобное. Он мог заставить большую группу людей поверить, что принёс не одну добытую нерпу, а завалил целый берег тушами зверей. Не такую толпу, как Иисус Христос, но всё же целое стойбище. Тут важен принцип.

Шаманов, которые могли только усыпить людей против их воли, или же внушить им что-то неправдоподобное, специально выделяли в категорию – *эуван* – «знающие слово». Некоторые *эуваны* могли своими словами успокаивать волнение на море. Но они имели существенный дефект. Они не могли ходить в те места, куда мог ходить настоящий шаман – *эненмелетынен*. Они могли посетить Землю Мёртвых только «под мухомором». Они наедались сухих грибов и говорили им «Хочу видеть своих предков». И мухоморы таскали их повсюду. Говорят, что некоторые ели мухоморы сырыми, эти – *эуван*. *Эуван* вели себя не как простые люди, наевшись мухомора. Те просто заваливались, как спящие, а *эуваны* становились пьяными. Они долго болтали на непонятном языке. От них убирала детей и отгоняли собак. *Эуван*, испугавшись, мог и умереть на месте. Их считали вроде бы неполноценными шаманами.

А самые сильные были *энгэтылет* – совершенно особенные люди. Они могли делать всё, что делают обычные шаманы – и людям глаза отвести, и бурю остановить, и найти пропавшую вещь. Однако они могли выстрелить себе в лоб и выплюнуть пулю безо всякого вреда для себя. Таких людей сейчас нет, а я сомневаюсь в том, что они были. Однако старина Вальгиргин совершенно серьёзно говорит, что такие люди могли от огнестрельной раны мгновенно вылечить пациента, выстрелив ему в ту рану. Я, было, съязвил, что чем крупнее калибр, тем меньше мучается пациент, но старик не принял моей поправки и стоял на своём. Он также говорил, что эти самые *энгэтылет* могли словами останавливать кровь и мгновенно залечивать порезы и разубы. Они могли, по его словам, и отрубленный палец прирастить. Ну, это я оставляю на его совести. Эти люди могли и моржей приманивать на отдельные острова.

Была ещё одна не совсем шаманская, а скорее околошаманская профессия – *кэймитэ ленг*. Старина переводил это слово, как русское «кум». Это тот человек, который ищет новорожденному имя – поест мухомор и идёт к Верхним Людям.

Не помню уж, кто сказал, что эти «кумовья» в первые дни бывают самые близкие к ребёнку: они переносят новорожденного через специально зажжённый огонь, через маленький костёрчик, они следят за тем, чтобы три дня никто не смотрел на маленького, они жгут ольху на пепел, которым посыпают отрезанный пупок.

Только всё это неправда. Большинство отрицает эти функции за «кумом». Все эти охранительные действия должна делать мать роженицы, а если нет её, то её старшая сестра. Если нет и сестры, то просто самая старшая женщина на стойбище. На стойбище старые женщины были весьма бойкими и поворотливыми. Совсем немощных по тундре не таскали. Они просто не доживали до полной немощи. Так что присмотреть за роженицей и новорожденным им было по силам.

А другие люди говорят, что если муж был шаманом неважно какой квалификации, он мог справляться со всем этим сам. Он должен был и роды принять, и пепла для посыпания новорожденного нажечь, и нитку для перевязывания пупка свить, и первые дни беречь жену и ребёнка от происков келе – духов.

А некоторые, в частности, замечательный юкагирский писатель Семён Курилов, который отлично знал чукотские обычаи, говорит, что для роженицы ставили отдельно маленький чум, и там она одна рожала. Даже муж должен был её оставить. Кому же верить?

Была ещё одна шаманская специальность – патологоанатом. Некоторые шаманы постоянно анатомировали покойников, резали их и смотрели, от чего они умерли. Они сравнивали внутренние органы и определяли, чем болел человек – где у него сидел *келе-дух*. А потом они говорили или потомкам этого человека, или же тем, кто на него походил по симптоматике, как надо себя вести, что есть и чем заниматься. Словом, они играли роль учёных-диетологов и гигиенистов.

- Пойдём, я тебя провожу, - предложил Вальгиргин, и я понял, что пора плыть к своему берегу.

- Пойдём, - согласился я, чтобы не показать, что разгадал его хитрость.

- Вон Умпэнир, – показал мне на небо старик, когда мы вышли на крыльцо. Звёзды дрожали в угольном небе. Умпэнир – Полярная звезда. Вон самая яркая – Ктотляп, вон Корагилетылен, – я знал, что это слово означает «пастухи», – две ясные, очень уютные звёздочки, вон Свейвэнг – Млечный путь...

- Боже мой! Это ведь всё – женские имена. Галантный всё-таки народ чукчи!

- Вон Пегтын, – продолжал старик...

Пегтын – это утренняя звезда. Только сейчас до меня дошло, сколь он был деликатен и долготерпив. Сейчас уже утро.

Вальгиргин, попугай Робингруз и другие действующие лица

Любой человек становится особо беззащитен, когда попадает в больницу.

Шаманы не представляют собой исключение. В больнице ничто человеческое, им особенно, не чуждо в большей степени. В этом я убедился, когда навестил старину Вальгиргина в лечебнице посёлка Провидение.

Я зашёл в Провидении к своему знакомому врачу.

Провиденская больничка стоит на высоченном берегу, недалеко от горла, соединяющего замечательную бухту с океаном, прямо вслед за маяком, который первый видится морякам, походившим по холодным водам. Второй высится больничка. В Провидение пришлось плыть на деревянной гидрографической шхуне финской постройки. Шхуна до этого славно потрудилась во льдах, и её, как водится, помяло. Вода в трюмном отделении на пайолах стояла чуть ли не по колено и её едва успевали откачивать. Капитан похвастался потом, что «Земля!» первый крикнул трюмный моторист – увидел дно бухты сквозь дыру в обшивке. После такого путешествия встречаешь каменистую твердь Провидения с особенной нежностью.

Я покинул корабль, как только были сброшены на причал трап, и потопал отходить душой к приятелю-доктору. До больнички надо было пройти вверх по склону небольшое расстояние – в Провидении всё небольшое, всё рядом. И первого человека, которого я увидел на подходе к больнице, был Вальгиргин.

Старик сидел на крылечке и была в его позе некая обречённость.

- ты что здесь делаешь? – спросил я его после обязательного пароля «Еттык» - «Ты пришёл!» и отзыва «И-и-и», что весьма приблизительно можно перевести, как «Так точно» - если сказать подобострастным тоном, - или «Сам видишь», - если сказать тоном снисходительным.

- Доктор Шафиргуллаев привёз, - стеснительно ответил он.

Стеснение было понятным – шаман и вдруг им командует доктор Рустам Шафигуллаев, а не наоборот.

- Зачем привёз?

- Думал, что камни в почках держу.

- Чудак Рустам, подумалось мне, такой открытый человек, как Вальгиргин, не станет держать камней ни за пазухой, ни в каких-либо других

потаённых местах. – Нашёл камни? – спросил я вслух как можно сочувственнее.

- Не нашёл. Напрасно возил.

- А чего теперь здесь сидишь?

- Шафигуллаев говорит, чтобы здесь жил, пока вертолёт на Нешкан не будет.

- Уже наябедничал? – прибасил внезапно появившийся из дверей Рустам. Прозвище у него было, как полагается, Чингиз-хан.

- Что же ты невинного человека держишь в заключении? – упрекнул я его...

- Выпить совсем не даёт, - вмешался Вальгиргин.

- Не даю только в рабочее время, - возразил смущённый Рустам, в отношении выпивки сам расхोлившийся во мнении с Пророком.

- А чего целый день ждать? – резонно спросил Вальгиргин.

- Пошли ко мне, - предложил я, чтобы разрядить обстановку. – Пусть у меня старик поживёт, отдохнёт от больницы.

Деликатнейший доктор Шафигуллаев только кашлянул в ответ, но этот кашель был красноречивее многих слов. В этом кашле я уловил огромное облегчение. Старик, видимо, ему не спускал ошибки в диагностике почечно-каменных заболеваний, по которым доктор специализировался.

- Вы идите, я вас догоню, - пробасил он...

И это было понятно. Мы с шаманом, конечно, пойдём ко мне во временное пристанище через магазин, где будем приобретать «огненную воду» по случаю встречи. А в Провидении, где всё маленькое и где ни от кого не спрячешься, посещение доктором среди дня винного магазина могло вызвать пересуды. Ну, может быть, осуждение – это громко сказано. Скорее, истинными эмоциями были бы сочувствование, но сам факт повлёк бы официальное неудовольствие.

- Пойдём, пойдём, - обрадовался Вальгиргин и первым заковылял вниз, подальше от медицины.

Доктор ещё раз многозначительно кашлянул в кулак и приветственно поднял руку.

На квартире, где я жил, старина Вальгиргин преобразился. Спина его распрямилась, глядел он смело и прямо, двигался уверенно и достойно. Другой стал человек прямо на моих глазах.

- Совсем хорошо, - подтвердил он мои наблюдения, когда мы сидели за столом и налили по первой по случаю прихода доктора Шафигуллаева. – В больнице маленько скучно...

- Чего скучно? – ревниво спросил Рустам. – Тепло, светло, кормят, постели мягкие, душ тёплый...

Замечание о тёплом душе явно вывело старика из и так подпорченного равновесия.

- Сидишь, как евражка в норе, когда её медведь копает, - сказал он сердито. – Не знаешь, когда до тебя доберутся и куда потащат... То одна баба в уши лазит, то другая в задницу...

- Это его практолог смотрел на диспансеризации, - проворчал оправдательно доктор в ответ на мой вопросительный взгляд. – Первый раз в больницу заташили... Надо же было хоть раз в жизни его обследовать...

- Очень хорошо, - подумалось мне, - пойду завтра в больницу и нарушу закон о медицинской тайне. Посмотрю историю болезни старого шамана – первую в истории чукотского шаманизма. Посмотрю и оценю, насколько старый шаман защищён от духов. Вслух же я лицемерно заявил, чтобы подлизаться к Вальгиргину: «Нет такого закона, чтобы человеку без спросу лазить...»

- Оба вы дураки, - взорвался доктор Рустам Шафигуллаев. Сказалось всё-таки пренебрежение к заветам Пророка. Во хмелю он становился буен.

- Тут для них же стараешься, - кипятился доктор, - смотришь, чтобы болячку во время ухватить, а они ещё и недовольны!..

- Я доволен, - скромно вставил я.

- О тебе и не говорят, - потихоньку успокаивался доктор.

Вальгиргин искал, куда бы плюнуть, не нашёл и двинулся на кухню покурить. Дверь закрыл и нас не слушал.

- Ты почему решил, что у человека камни в почках? – спросил я самым примирительным тоном.

- Я в Нешкане с ним на рыбалку ездил. Мы с ним на речке Рентыргиной в одной избёшке целую неделю прожили. Он там из дома почти не вылезал. Не студился, много не пил. Всё, по большей части, спал да молился.

- Как это он молился? Шаманил что ли?

- Какое к чёрту шаманил! Ляжет днём поспать, проснётся, сядет и молится.

- Как так?

- Сидит, глаза закрое и про себя молитвы поёт.

- Стоп, дорогой мой доктор Рустам Шафигуллаев, потомок правочерных мусульман, - подумал я. – В твоей родной Татарии так, бывает, и молятся. Старик потому и сидел всё время дома, что шаманил – ходил то ли вверх, то ли вниз... Потом разузнаем... У него бывали такие периоды, когда он старался побыть один и пообщаться с духами без предварительной программы.

- Так при чём же здесь камни в почках?

- Ну, я же следил за тем, как он мочится, - проворчал снисходительно спец по урологии. – У него совершенно неадекватный диурез...

- Ну это для меня сложновато, - перебил я его архиучёные рассуждения.

- Тебе не понять, - отмахнулся от меня доктор и налил себе полный, старику тоже.

- Мэй – друг! – позвал он Вальгиргина , и тот пришёл с кухни и сел на пол рядом со столом, вызываясь глядя на доктора.

Деликатный доктор снова закашлялся своим многозначительным кашлем и предложил:

- Давай-ка пересядем по-человечески, а то спина устала...

Это он перед шаманом заискивал.

- Вот как чукотский шаман и доктор-мусульманин могут решить проблему по-христиански, - подумалось мне. Я тоже люблю сидеть на полу.

- Не возражаю, - сказал я. – И через минуту вся снедь со стола перекочевала на дастархан. Дастархан – войлок, покрытый скатертью – в этом доме имелся. Дом принадлежал учительнице-таджичке, которая уехала в отпуск, а мне оставила ключи.

- Ну, давай, - сказал Вальгиргин с энтузиазмом, поднимая стакан.

- Ну, будем! – возгласил по местному доктор-мусульманин.

- А как же это так неадекватно мочился Вальгиргин в рыбацьем домике на речке Рынтыргинной, - думалось мне, - когда сам для себя шаманил?.. Шлаки выделяются при напряжениях. А наш старик, по словам доктора, только спал да мычал свои песенки. Значит, в это время он так напрягался, что освобождался от шлаков чаще, чем это положено при спокойном ничегонеделании. По крайней мере, на глаз Рустама. Весьма интересно...

- В этой больнице как в милиции сидишь, - пожаловался шаман. – Ничего не разрешают. Ходить никуда нельзя. Маленько выпить – нельзя. Поздно, говорят, приходишь, если в кино вечером пойдёшь – нельзя. В бане пиво пить нельзя. Всё время в душ ходить надо. Меня ещё не так мучили... Вот Боря Егтынкеу каждый день полную горсть таблеток ест, да ещё ему уколы делают. Весь зад колотый. Бывает, врачиха рядом с больным местом попадает иглой. Я говорю Боре: «Ты после укола в дырку сажи вотри, чтобы след был...»

Доктор захохотал.

- Ты насоветуешь, - проговорил он, вытирая слёзы. – У него на зад татуировка будет.

- Пускай, - согласился старик, - зато будет видно, куда уже кололи.

Давай лучше будем! – снова возгласил Рустам, поднимая стакан, и мы последовали его примеру.

Вечер в Провидении в этот раз выдался редкостный. Всё же ветерок здесь дует часто. Бухта, как всегда, спокойна, но по горе, бывает ветер свистит. Сегодня же было тихо-тихо. Даже мелкая рябь не морщила воды. По ней только переливались какие-то подводные движения, как по нежной коже могучего и доброго животного. Порт жил летней жизнью. Грохотали лебёдки, взывал мотор крана и глухо покрикивали мареманы, разгружавшие очередную посудину.

Наша шхунешка тяжело притулилась возле пирса и было слышно, как в её утробе чавкали помпы, да за борт летала трюмная вода. Палуба была

пустой. Команда по традиции гуляла на берегу в ресторане и мне казалось, что я слышу отсюда сорванный голос чифа. Вахтенный, наверное, спал в своей каюте. Мы, не встретив никого, прошли в кубрик, где я забрал свои вещички – портфель с пишушей машинкой, магнитофон, фотоаппарат, и двинулись по набережной.

- Чего это такое? – привлёк моё внимание к невиданному в этих местах плакату, извещающему о приезде ансамбля авангардной музыки. В программе перечислялись новомодные композиторы и изображались музыканты в самых немыслимых позах и ракурсах. Первый концерт объявлялся прямо в этот вечер.

- Концерт будет, - пояснил я старику.

- Интересно посмотреть, - сказал он достаточно беспристрастно, чтобы я почувствовал затаённое любопытство.

- Пойдём, - предложил я. – Тут написано, что он начнётся через полчаса в клубе.

В клубе собрался весь цвет бухты Провидения. Камерные концерты здесь устраиваются не часто. Поэтому пришли все учителя огромной школы-интерната, все медики, все портовые служащие и инженерный состав местного флота.

Жёны морских и армейских офицеров, как и другие женщины, воспользовались случаем, чтобы принарядиться в вечерние платья и шикарные бальные туфельки. Люди здесь не бедные.

Резко отличались от осёдлых аборигенов молодые ребята в вольных спортивных костюмах – пастухи из бригады, которая прикочевала совсем близко – какие-нибудь километров за шестьдесят-семьдесят. Они, как выяснилось, соблазнились обещанным буфетом, потому что опоздали в магазин. Всё правильно. Им-то особенно надо было размагнититься после тундры.

Обычай в Провиденском концерте были самые демократические. Места не нумерованы, и билеты стоили одинаково. Люди садились, сообразуясь со своими симпатиями – кто с кем хочет. Мы сели со стариком вместе с директрисой клуба Любовью Андреевной Гращенко. Она ревниво следила за порядком и делала замечания то чукотским парням, которые курили на лестнице далековато от урны, то молоденькому лейтенанту, который чуть было не залез на свежевыкрашенный подоконник, чтобы открыть фрамугу.

На сцене делалось тоже что-то непонятное. Сначала вышел художественно растрёпанный человек с длинными волосами и долго упрекал присутствующих в консерватизме. Он спрашивал у переднего ряда – знают ли они таких-то и таких-то людей. Фамилии были неизвестные не только широкой публике. Сидевший передо мной начальник местной милиции с супругой также после каждого вопроса сокрушённо говорил ей: «Не слышал».

Поругав нас за отсталость, растрёпанный удалился на второй план, а на сцену вышли музыканты. Их было пятеро.

- Квинтет, - подумал я и ошибся.

Один оказался не музыкантом, а местным техником-радистом. Он долго ковырялся отвёрткой в потрохах агрегата, установленного у самой рампы рядом с устрашающими динамиками. От прибора тянулись провода к ещё более могучим установкам в глубине зала. Они не включались как надо, и мастер прозванивал тестером машину. Иногда в динамиках взрывался звук и на время закладывало уши. Вальгиргин сидел невозмутимо, как патриций в форуме. Милицейский начальник при каждом взрыве поправлял воротник, а директриса клуба вздрагивала и хватала меня за локоть. Один из парней индифферентно наблюдал за электриком, - наверное, исполнитель на этом самом агрегате. Ещё один в это же время отработывал стакатто на трубе. Третий, отвернувшись от зала и своих коллег, видимо, настраивал скрипку. Растрёпанный, - наверное, самый главный, который произносил вступительный спич, с томным видом стоял у рояля, облокотившись на крышку, и смотрел в зал, как смотрят в степь или на море.

Мне сначала подумалось, что уже началось. Что это так полагается по авангардным правилам. Смушал только знакомый радист. Но он сделал своё чёрное дело и ушёл. Электроинструментщик встал за пульт, скрипач и трубач разместились рядом, и агрегат защёлкал и заскрипел в разнобой.

Парень, который торчал без действий у рояля, быстро поднял крышку и, не успели мы вмешаться, - со всего своего роста пал руками на клавиатуру, врезал по клавишам локтями. Единственное на всю бухту Провидения фортепиано совершенно неестественно вскрикнуло. Вслед за этим рядом со мной раздался вопль Любви Андреевны Гращенко. На этот рояль молилась вся Провиденская самодеятельность и музыкальная школа.

Горбоносый злодей в это время развернулся к клавиатуре боком и проехался по ней обеими руками – чёрные и белые только захрустели. Это он по ним расчёской, наверное.

Вслед за очередным фортепианным воплем рядом со мной раздался явственный стон. Старина Вальгиргин зажал руками оба уха и пошёл прямо по ногам сидевших в ряду, прямо по бальной обуви местных дам, которые тоже вроде бы заледенели. Старик был слишком выдержанным, чтобы позволить себе такое без достаточно веских причин. Я поспешил ему вслед и догнал только на улице, куда он буквально выкатился, и только там отпустил уши и отдышался.

Так, в посёлке Провидения началась эпоха авангарда с исполнения сочинений композитора Шнитке, если мне не изменяет память.

- Ты чего убежал? – спросил я старика.

- Не могу, - оправдывался он с каким-то страхом. – У меня прямо ум теряется...

- Вот так-то, - подумалось мне, - стало быть, диссонансы выходят за пределы шаманского музыкального мышления, не смотря на то, что он общается с дьявольским миром. Даже у злых духов ему таких испытаний не перепадало.

Да простят мою примитивность ревнители авангарда! Для меня и для старика Вальгиргина эта какофония оказалась непереносимой.

- Главное для человека – всё-таки нюх, - заявил старина Вальгиргин за нашим дастарханом, прихлёбывая чай...

Я посмотрел на него вопросительно.

- Смотри, - пояснил он. – Человек самое первое – слышит. Ещё в животе у матери он уже слышит. Он ещё не вышел, а уже знает, что там делается. Когда женщина беременная, надо всегда с ней ласково обращаться. Если с ней грубо обращаться, то тот, кто придёт, будет в плохом настроении всегда. Он там, в животе, всё слышит, а не может ответить. Это ему плохо. У него тогда плохой характер будет. У нас закон такой – о ребёнке, который ещё не родился, можно только хорошее говорить, как-будто он уже есть. У него ведь тоже своё счастье есть, удача есть. Надо всегда говорить: «Вот, благодаря оленному счастью того, кто скоро к нам придёт, в стаде много телят родилось...» Это только кажется, что маленькие дети ничего не понимают. Они всё понимают. Только они понимают не как взрослые – они на дороге ещё близко к тому, кто их сверху сюда пустил, стоят...

- Так, наверное, слух – это главное у нас, если люди начинают узнавать мир слухом. Даже мы с тобой убежали сегодня, не могли это слушать...

- Нет, это не главное. Слух – самое первое. Однако люди, наверное, слух раньше всего теряют... Под старость слух слабеет, а старики без него живут... Бывает, и глухие рождаются.

Я вспомнил, что мой родной дедушка, который был артиллеристом, говаривал, что все великие люди глуховаты. В подтверждение этой мысли он приводил Наполеона и Льва Толстого, которые были артиллеристами.

- Артиллеристы все глухие, - утверждал дед. – Поэтому они слушают не всякие глупости, а свой внутренний голос. А он – от Бога.

- ты посмотри, - продолжал Вальгиргин. – Такие ужасные звуки, а люди сидели и терпели. Представь себе, что как эти звуки был бы отвратительный запах – всех бы давно наизнанку вывернуло. Некоторые и живые бы не остались. Умерли от рвоты. А противный звук терпят.

- А как же глаза?

- Глаза, - задумчиво повторил старик. – Глаза видят только что близко. Глаза у простых людей видят только с одной стороны...

- А у шаманов?

- Шаманы не только глазами видят, - ответил старик уклончиво. – Давай спать.

На следующее утро выяснилось, что оказии до Нешкана пока не будет.

- Давай-ка проверим шамана на гармоническую предпочтительность, - решил я. Другой случай будет трудно подобрать. Вертушка есть, сотня другая пластинок с различным репертуаром есть. Желание Вальгиргина сидеть дома и отдохнуть от вчерашнего потрясения – налицо. Опыт, правда,

не чистый. Старик будет проявлять симпатии и антипатии по контрасту со вчерашним. Но ничего не поделаешь.

- Пару бы деньков, - подумалось мне, когда я разбирал пластинки.

- А лучше бы недельку, чтобы погонять перед шаманом музыку в разных гармонических построениях и посмотреть, какая ему надоест быстрее.

Судьба ссудила эту недельку. Погода резко ухудшилась. Полёты авиации прервались. Мы только тем и занимались, что слушали музыку, да освежались умеренными напитками. Один маститый повар говорил мне, что кулинары пьют много крепкого чая, чтобы чайной горечью стереть с языка впечатление от предыдущего блюда. По моей методике, мы со стариком включали проигрыватель пять раз в день минут на сорок, а в промежутках ходили в магазин или же стирали звуки, слушая прибой – море пело через дорогу, немного под горку. Я разложил пластинки в некотором порядке: песни акапеля – мелодии в чистом виде европейские и азиатские; прозрачные гармонии Моцарта, Гайдна и Глюка; Бах и прочие полифонисты; высшее гармоническое насыщение в классических формах – Чайковский, Вагнер и так далее; новые гармонии – Стравинский, Барток, Скрябин; классический джаз и новые формы и так далее, и так далее. Я было расчертил тетрадку, решив прогнать отобранную музыку одинаковое число раз и отмечать в клеточках реакцию шамана на неё, чтобы очертить круг его предпочтений. Это – всё была самая настоящая самодеятельность. Специалисты по этим вопросам, наверное, поднимут меня на-смех. Но другого выхода не было.

Старик сам расставил всё по своим местам. Его симпатии определялись настроением. Настроение было разным – утром, днём, вечером, сытым, натошак, выпившим и всё такое. К тому же оно менялось в зависимости от заявлений аэрофлотовского диспетчера о том, будет ли шанс вылететь в Нешкан или не будет.

Старик совершенно явно проявил симпатию к той музыке, которую мы по традиции называем классической. Если сделать скидку на выпивку, то максимум приязни у него возникало по отношению к творчеству Чайковского, Грига и им подобных корифеев. Слова явно перевешивали музыкальный эффект. Особенно ему полюбился модный по тому времени японский шлягер «У моря, у синего моря», который исполнялся на русском и японском языках. Особенно сильно на него подействовала часть куплета, где поётся, что «целый день шумит прибой». Старик запускал эту песню много раз и каждый раз поднимал тост за море.

Ну что же, хоть какой, а вывод можно сделать. Значит у чукотского шамана Вальгиргина органическое восприятие музыкальных конструкций в целом совпадает с тем, что было у европейцев и что становится у азиатов. Та же гармоническая система, те же каноны благозвучия. Те же представления о диссонансии и то же отторжение, что и у большинства людей. Всё правильно.

В конце недели мой старик явно заскучал. В больнице было хоть отвлечение страхом – вдруг опять станут лазить в непотребное место. Со мной такого не было. Простое томительное ожидание вылета домой. Старик стал почаще сидеть молчком и задумываться, потом наступило такое время, когда он начал, по определению доктора Шафигуллаева, молиться.

Я проснулся рано. Но не так рано, как старина Вальгиргин. Чукотские старики просыпаются раненько, как русские крестьяне. Те тоже вставали раньше – в четыре-пять утра. Чукчи говорят, что тот, кто встречает зорю, – тот бывает удачлив. Свет вообще для чукчей доброе начало, а в его отсутствие крепнут злые силы.

Я проснулся и увидел, что старина уже сидит на своей постели и что-то тянет с полуоткрытым ртом. Не то, чтобы мычит, а «поёт про себя». В абсолютной тишине тянулся звук, прерываемый только для вдоха, который менялся по высоте не более, чем на один тон вверх и вниз. Старик часто так пел, когда шаманил сам для себя. Просто отправлялся куда-то «за стенку» и бродил там. Мелодия была простейшей: большая секунда вверх и большая секунда вниз, иногда пятую и снова возвращался в тонику, к базовой ноте. Я лежал, слушал и постепенно вырисовывалась некоторая система. слух у старика был что надо. Он довольно чисто брал эти свои тон вверх и тон вниз. Он не съезжал с тональности и не фальшивил – не исполнял звук немного ниже или выше. Пятую ступень – квинту старик брал, как правило, на вдохе. Практически у него это было отработано – вдох – это пятая ступень.

Я попытался запомнить чередование высот и понять – стабильная ли это мелодия с рефренами или без них, или же просто некая песня, которая сама льётся из души без каких-либо повторений.

Но вот что насторожило меня. Старина, по большей части, низил свои гласные и согласные вокруг одной ноты, которую я условно называю тоникой – главной нотой. Он её исполнял не то, чтобы в одной точке, а как-то расплывчато, нечётко. Может быть, это за счёт главных создавался такой эффект? Если, скажем, в «до» первой октавы петь или «а-а-а» или «о-о-о», или «и-и-и», или «е-е-е», или «у-у-у», или «ы-ы-ы», или ещё как-нибудь, то это самое «до» первой октавы будет выглядеть по-разному. Точнее, по-разному слушаться. Так, может быть, эта неточность, эта расплывчатость звука зависит от способа его произнесения? Наверное, нет. Высота есть высота, чем бы звук не воспроизводился «до» первой октавы всё равно «до» первой октавы, если играет его скрипка, фортепиано или, скажем, гобой.

И тут я вспомнил своего покойного друга Льва Николаевича Мичурина – самого крупного специалиста по дикому северному оленю. Мы как-то разговорились с ним о том, как воют собаки. Ведь собака тянет не одну ноту, а исполняет звуки в некоторой последовательности. У меня на Таймыре был пёс, который явно выпевал постоянную мелодию. У Льва Мичурина собака выла совсем по-другому. Когда начинал мой, то собака Мичурина из солидарности повторяла его мелодию. Если же она приветствовала луну традиционным собачьим способом, то мой пёс составлял ей компанию.

Иногда наши собаки участвовали в хоре, который организовывали местные псы и репетировали вместе с ним. А иногда они составляли трио с самим Львом Николаевичем и явно помогали ему исполнять романс «Гори, гори, моя звезда...»

Великий нганасанский охотник Бенитаси Чунанчар утверждал, что волки поют семьёй одну общую песню и что у каждой семьи своя песня, и что когда волки женятся, то они поют, как люди.

Оставим на совести Бенитаси Великого его заключения о волчьих песнях. Волки те же собаки, только бездомные. Поверим только тому, что у них существует своя музыка, подобная той, которая есть у всех естественных народов, у нганасан и чукчей в том числе. У каждого человека среди этих народов имеется своя песня. Она не богата мелодикой, но вполне отличима от других. И если нам кажется, что эти песни бедноваты звуками, то и нганасанам, и чукчам это не кажется. Если эти люди говорят, что у собак песни богаты мелодией, хотя на европейский слух и кажутся однотонным воем, это может значить, что европейский слух стал столь примитивным, что подравнивает тонкие модуляции и воспринимает целый мир звуков в качестве одной ноты. Европейский слух оттемперирован на чёткие подразделения – полутоны, которые группируются определённым образом. У индийцев – уже не так, хотя некоторое устремление к европейскому порядку и наблюдается. А у чукчей, к примеру, как и у нганасан, уши, может быть, ещё воспринимают этот мир звуков. Ведь собака слышит весь этот сонм и в диапазоне, который в акустике существует с приставкой «ультра» или «инфра». Собака слышит больше человека, а северные люди слышат почти так же, как и собаки. Мы как-то со Львом Мичуриным рассуждали на тему – если бы у нас была аппаратура, если бы был приборчик, который позволил бы по рапидному принципу записать собачий вой, а потом сепарировать его на разные звуки, то какой бы мир открылся перед нами – то ли мир нашей семиступенной гаммы, то ли мир сложного звукоряда, где границы между звуками менее четверти тона. Мне об этом было судить трудно. Четверть тона я ещё слышу, а вот меньше – нет. Мне всё же эта идея так запала в голову, что я перестал понимать, где я действительно слышу несколько звуков при кажущемся единообразии, а где один звук.

- Мэй, - спросил я Вальгиргина, когда притворяться спящим далее не стало возможным, - а собаки как поют? У них песня или просто так душа воет?

- Конечно, песня, - сказал старик убеждённо. – У некоторых красивые бывают. Как у людей.

Это совершенно особый сюжет – отношения шаманов и собак. Шаманы, да и все остальные люди, считают, что собаки видят духов. Совершенно одинаково – самоедские шаманы и старые люди, самоедские, угорские, чукотские и корякские и многие другие считают, что собака обладает способностью не только видеть духов, но и защищать человека от них. Все перечисленные народы полагают, что и простой человек может

увидеть духов, но и защищать человека от них. Все перечисленные народы полагают, что и простой человек может увидеть духов, если посмотрит между собачьими ушами на то место, на которое рычит или лает собака. Шаманы собак уважают, однако, зачем же шаману кривить душой относительно собачьих музыкальных талантов? Если он называет многозвучной мелодией то, что нам кажется просто вытьём, то значит, что он все эти звуки слышит. А если слышит, то и сам может исполнить. Тогда, может быть, в шаманской одной ноте также зарыт целый мелодический мир? Тогда шаман – человек, который, действительно, и в этом отличается от большинства простых людей. Надо проверить.

- Надо осуществить наш с Мичуриным план на Вальгиргине, - решил я про себя.

Реализация плана потребовала аппаратуры. Её надо было искать.

- Иди к радисту, - посоветовал мне доктор Шафигуллаев, которому я поведал о своих подозрениях.

И я пошёл к тому самому радисту, который запускал орудие пытки у авангардистского ансамбля.

Радиста звали Рэм, что в переводе означает: «Революция, Энгельс, Маркс». Это был здоровенный и очень молчаливый мужчина. Я давненько привык к его манере говорить, бывая с ним в разных компаниях. Если его, случалось, спросить о чём-то, надо минут пять подождать, пока он фундаментально ответит, а чаще задаст свой встречный вопрос. Его квартира была битком набита всевозможной записывающей, воспроизводящей и принимающей аппаратурой. Он к тому же состоял в обществе радиолюбителей и постоянно пытался установить связь с самыми отдалёнными коллегами. Одна комната у него была увешана свидетельствами установленных связей, а также различными дипломами – знаками побед в соревнованиях. Говорят, что при всей медлительности он необыкновенно быстро работал на ключе морзянкой, за что также был отмечен даже в международном масштабе.

Рэм сидел дома один, не считая попугая. Попугай был не его. Ему этого попугая оставил сосед – капитан гидрографического судна. Капитану подарил этого попугая кто-то из зарубежных коллег. Звали попугая Робингруз. Искажённое Робин Крузо. Так попугай сам себя называл, по крайней мере до прошлого года. В прошлом году на вопрос «Вот из йо нейм, сэр» попугай немедленно отрапортовал: «Робингруз» и во всю глотку прокричал затем «Каррамба», Райт, райт, райт! Ур-р-ра! Рубай сам!» Отсюда стало понятно, что способная птица говорит, по крайней мере, на трёх языках.

Он ещё на французском и суахили может, - объяснил польщённый капитан.

- Вот из йо нейм, сэр? – спросил я попугая, и тот, пригнув стыдливо голову, пошёл боком по могучему плечу Рэма и взял его застенчиво клювом за ухо.

- Слава богу, перестал трепаться, - проворчал Рэм, и я понял, что, проведя с ним год, птица разучилась говорить.

- Мне надо записать песни старика Вальгиргина вроде как бы рапидом, чтобы потом прогнать и...

Тут я сбивчиво изложил свой план Рэму. Тот помолчал долее обыкновенного и спросил:

- Зачем?

Я снова стал сбивчиво объяснять зачем.

- Можно, - наконец, сказал Рэм. – Вот, смотри...

И он стал медленно объяснять мне, как работает довольно объёмистый шкаф студийного вида.

- А как же я его домой притащу? – спросил я.

- Ты шамана сюда притащишь, а я на ночь съезжу на рыбалку. – Ты, заодно, и попугая покараулишь. Он, когда один остаётся, всю квартиру в ключья разносит.

- Идёт, - согласился я.

Старику я просто объяснил, что Рэм просит пожить у него при попугае один день и что у Рэма много удобней жить – ближе к магазину и к доктору Шафигуллаеву.

- Давай, - покладисто согласился Вальгиргин, и мы перешли через дорогу.

План у меня был такой: ранним утром, когда старик снова начнёт «молиться», я, не вставая со своего места, прямо с самодельного пульта запущу установку. Именно так Рэм записывал различные зарубежные радиомера. Приёмник личной рэмовой конструкции был включён день и ночь. Прямо от своего ложа Рэм гонял его на разных диапазонах, практически держа под контролем весь мир. Что ему нравилось – писал на магнитофон и позже очищал от помех. Поэтому его стационарный агрегат был способен впоследствии разложить запись.

Я с вечера включил адское сооружение – приёмник и спокойно уснул. Поздно ночью я подскочил от того, что кто-то шарил по диапазонам. В квартире трещали радиопомехи, кто-то бормотал на неизвестных языках и снова врубал то глушители, то космические свисты и трески. Я включил свет и увидел, что это заработал Робингруз. Видимо, ошалелая от молчания птица, разучившись говорить, стала подражать постоянно звучащему в этом доме предмету – радиоприёмнику. Взяв попугая со шкафа, я унёс его в ванную, поставил туда же банку с консервированными кальмарами, - пусть жуёт, когда проголодается, - и снова пошёл спать.

Вокальное выступление Робингруза разбудило Вальгиргина. Старина уселся на своей кровати и погрузился в думу. Я нырнул в постель с тал ждать, когда начнётся «молитва», чтобы включить магнитофон.

Я и не заметил как уснул. Проснулся от того, что кто-то топтался по моим волосам. Это оказался Робингруз. Как он вышел из ванной – не знаю. Дверь оказалась открытой. Может быть, он сам научился её открывать? Робингруз, казалось, был в крайнем возбуждении. Он топтался по подушке, на которой лежала моя голова, как-то восхищённо приседал и совершенно беззвучно разевал клюв. А клюв у него был – дай боже. Из соседней комнаты тянулось монотонное пение – Вальгиргин «молился». Робингруз беззвучно вторил шаману. Знать, проняла его колдовская песня. Я потянулся к пульту, и тут чёртов Робингруз увидел, что я проснулся, и выдал всё, на что был способен. Он заорал как рэмова аппаратура. Он гудел, как трансформатор, и щёлкал, как тумблер, он изобразил свистком местного портового катера несколько сигналов типа: «Следуйте за мной» или «Обхожу вас по правому борту» и расплакался голосом соседнего младенца, отчего соседний младенец также стал подавать голос через стену.

Старина Вальгиргин, естественно, перешёл из исполнителей в слушателя, и я так и не включил аппаратуру на запись.

- Какомэй! Совсем интересный какой! – сказал Вальгиргин, появляясь в моей комнате. Когда чукчи сильно удивляются чему-то, они говорят «Какомэй!»

- Ну и тащи его к себе. Спать мешает, - разозлился я.

Робингруз доверчиво перебрался к Вальгиргину на плечо и ласково взялся за его ухо клювом.

Старик унёс его в свою комнату и вскоре оттуда донеслось: «Робингруз! Робингруз! Рубай сам! Райт!»

Вспомнил всё-таки. Рэм оказался слабее шамана, хотя и влиял на попугая целый год.

Старина улетел в тот же день. Пошёл санитарный борт, и Вальгиргина увезли в родной посёлок. На прощанье мы с ним обнялись и оба загрустили.

Дома у меня из головы не вылезала последняя песня шамана. Не мелодия. Нет. Ритм. Мне показалось, что я уже слышал её когда-то. Это была очень знакомая мелодия в ритмическом плане, но я никак не мог вспомнить – откуда же я её знаю.

И всё-таки меня осенило – Сейме линанчера. Старый нганасанский шаман, один из моих первых нганасанских друзей и наставников. Я застал его, когда ему было уже больше ста лет. Могут возразить – откуда это известно. Поясню: из документов. Старик был весьма дряхл, но при ясном уме. Я застал его в 1961 году на Таймыре в посёлке Усть-Авам. Средств к существованию у него никаких не было. Я сразу же поселился с ним не только из гуманистических соображений. Старик был замечательным шаманом и мудрецом. А уж чего-чего, ума у меня всегда не хватало.

Это отдельный рассказ о Сейме и я здесь не буду особенно распространяться. Скажу только самое главное. Старик не имел средств для жизни. Со мной он жил более или менее безбедно. Он не считал этнографию серьёзным делом и постоянно гонял меня на охоту. Со мной мясо у него

всегда водилось. Но это было всего лишь месяцев шесть-семь в году. Я всегда тревожился за него, когда уезжал в Москву. В Дудинке я ходил по властям и просил, чтобы ему дали пенсию.

- Хотя бы какую-нибудь бумагу, - говорили наши бюрократы.

- Разве не видно, что старик, во всяком случае, старше советской власти – раз у него нет бумаг, - возражал я.

- Надо бумагу, - твёрдо стояли на своём чиновники ведомства социального обеспечения.

- Может быть, у тебя хоть какая-то бумага найдётся? – спросил я Сейме после очередного вояжа в Дудинку.

- Одна старая папирка – бумага – есть, сознался старик Сейме.

- Где она?

Старый шаман полез в нарту, где хранились его идолы, и вынул коробку со старой, сыпавшейся от ветхости бумагой, которая оказалась запиской Дудинского исправника, адресованной Дудинскому же хлебозапасному магазину и датированной 1875 годом. Записка предписывала русской администрации выдать подателю сего Сейме или Мухунде Линанчера сколько-то пудов муки за провоз его, исправника, на оленях от Дудинки до Хатанги. Путь был не близкий – как всё равно через Европу. Такого великого человека, как исправник, не могли доверить младенцу. Его мог везти только сильный и неутомимый молодой человек. Так и было.

- Тебе тогда сколько лет было? – задал я дурацкий для старого нганасана вопрос. Нганасаны годов не считали.

- Уже женатый был, - терпеливо пояснил Сейме. – Уже сынок был...

Значит, мужику было тогда лет двадцать. Моложе не стали бы давать такое поручение. Ну, а если старше, то ещё убедительнее... Значит, тогда ему было, пускай, двадцать лет. Значит, сейчас ему сто пять лет и не годом меньше.

Я предъявил эту бумагу в Дудинке, и она стала основным документом, по которому старику выписали пенсию по старости.

Значит старик стал шаманить ещё в конце прошлого века, когда сознание нганасан было не затуманено заблуждениями современной цивилизации.

Сейме впадал точно в такое же состояние временами, как и Вальгиргин. Он мог часами валяться на своей подстилке и мычать «про себя» разные шаманские песнопения. С богами все общаются песнями, а не вульгарной речью. И Сейме пел точно так же, как и чукотский шаман Вальгиргин. Совершенно точно. Я бы затруднился утверждать, что квинты-всхлипы стояли на тех же местах и сто однотонные колебания мелодии совпадали полностью, но ритм... Это ритм. Он только казался производным. В нём был порядок. В нём была повторяемость. Только он не укладывался в обычные двухдольные и трёхдольные размеры. Ритм был особенный... Я стал считать доли и уткнулся в тупик. Вроде бы семь долей, семь временных отрезков. Редчайший ритм. Встречается только в изоощрённых изобретениях

всяких импрессио- и экспрессионистов... и вдруг – как пелена спала с глаз – сердце! Это ведь ритм сердца. Я положил руку на грудь и услышал, как моё собственное сердце исполняет два сокращения – «там-там» и потом следует пауза – систула... в эту систулу укладывается ровно три отрезка, равных тому, что исполняется предсердиями и желудочками, а потом снова следует два сокращения, два «там, там». Итак, семь долей меряют работу сердца. Это ритм кровотока, ритм пульса, сам пульс. Это – работа сердечного цикла. И нганасанский, и чукотский шаманы просто следуют в песне своему естественному движению сердца. Главный мотор задаёт этот ритм. Что же! Всё правильно! Земное, слышимое, определяется главным мотором, тем, что держит наше брненное тело на земле, а душа уже задаёт смысл, который не слышим и глазам невидим... Есть в этом своя шаманская логика. Для общности этих мелодий не надо было никаких культурных контактов. Все люди едят ртом, и все шаманы поют сердцем. Вот это и есть главный вывод.

Оставалось только нанести визит вежливости Рэму и поблагодарить его за предоставленные возможности. Я зашёл за доктором Шафигуллаевым в больницу. Мы вместе нарушили субординацию и посетили в рабочее время магазин, после чего тронулись к радисту. Он открыл нам дверь с попугаем на плече.

- Какоей! – восхищённо заорал Робингроз, увидя меня и доктора с бутылками. И в его крике отчётливо слышались интонации шамана Вальгиргина.

Анкай

- Что это старуха Тею шаманит? – спросил я, заходя к Вальгиргину.

- «Под мухомором», - коротко бросил старик.

- Как «под мухомором»? У её старика ведь только пять мухоморов было, больше у них не было! – Сколько мухоморов было в семье Тею, я знал точно.

Старик Тненто, что значит «Встающий на рассвете», муж Тею, имя которой переводится как «Солоноватая вода», и в самом деле вставал на рассвете, а иногда и до рассвета и начинал искать у соседей мухоморы. Можно сказать, что он был мухомороголик. Тяга к мухоморам у него была постоянная и непреодолимая.

- Для него мухомор съесть – всё равно, что для нас с тобой выпить, - говаривал Вальгиргин.

Тненто, может быть, так и растворился бы в грибах, если бы они ему попадались каждый день. А мухомор ему обламывался редко. Если сам набирал с лета, то растягивал удовольствие. Но если запас иссякал, а желание припирало, то Тненто начинал обход посёлка, а иногда и тундры, пропадая по несколько дней. В тундру он подавался, если близко подходили оленные

люди, у которых уж чего-чего, а мухомора хватало. Они снисходили к мукам Тненто и ссужали ему мухомор. Вот и вчера Тненто посетил даже меня и просил, чтобы я сходил к приехавшему в посёлок бригадиру оленеводов и взял у него мухоморов для Тненто. Сам Тненто с ним не общался – конфликт. Я и сходил к этому бригадиру. Он всё видел насквозь. И хотя имя Тненто не было произнесено, он знал, для кого я беру мухоморы. У него оказалось только четыре гриба, и то маленько подломанных и худеньких – как-то было стыдно привозить такие родне в подарок.

- Бери, - сделал он мне широкий жест, - и сходи к старухе Тегринтетваль (это имя значит «Находящаяся в смущении»). Я ей от дочери привёз сколько-то мухоморов. Она даст ещё один, недостающий...

Я усугубил смущение и так постоянно «Состоящей в смущении» женщины своей просьбой. Она знала, что я не «мухоморю».

- Для Тненто берёшь? – спросила она прямо.

- Для него, - признался я без околичностей.

- Не хочу давать для Тею, - отрезала старуха. – Она меня совсем обидела на прошлом празднике. Я с ней и не говорю...

- Так это же для Тненто, - стал я уговаривать её, - при чём здесь Тею?

«Состоящая в смущении» подозрительно глянула на меня и молча стала доставать с полога мухоморы. Она и в доме ставила полог, правда, не меховой, а матерчатый. Про стариков, которые перенесли свои привычки из тундры в дома, здесь даже ходит такой анекдот:

Спрашивают ветерана: «Ну, как живёшь в новом доме?» Отвечает: «Хорошо живу. Новую ярангу поставил в доме». «А куда писать ходишь?» - «Как все, за ярангу...»

Это всё – шутки. Старики сами рассказывают эти анекдоты, которые в России выделались в особый жанр – «чукотских». Вот образец такого же такого же нешканского творчества:

«Приходит чукча в сельсовет к секретарю регистрировать очередного ребёнка. Говорит:

- Мальчик родился...

Секретарша спрашивает, когда родился, где родился, всё как полагается, и записывает. Доходит до графы «национальность».

Чукча говорит:

- Пиши – китаец.

- Ты что, с ума сошёл? Почему китаец? Ты ведь чукча?

- Чукча.

- Жена – чукчанка?

- Чукчанка.

- Почему же ваш сын – китаец?

- Я знаю: каждый пятый из родившихся – китаец...»

Ну, вернёмся к нашим мухоморам. Старуха Тегринтетваль молча достала мешочек с мухоморами и также молча выдала мне один из них.

Я поблагодарил её и понёс их бедняку Тненто. Он всё-таки был хороший человек. Очень добрый и знающий о Верхних людях.

Тненто при мне проглотив все четыре мухомора, запил их водичкой из носика чайника, поговорил из вежливости и удалился на свою подстилку. Так он должен был отсутствовать «под мухомором» до самого утра. Старуха Тею, «Солоноватая вода», наблюдала всё это, сохраняя полный нейтралитет. Ничего из мухоморов ей не перепало и перепасть не могло. А сейчас, утром, когда зашёл посмотреть, как идут дела у Тненто, я застал её шаманящей. Она с самым серьёзным и отрешённым видом била в бубен и пела. Бубен был с новенькой обтяжкой – ещё прошлым днём я видел, как этот сушёный моржовый пузырь болтался у входа в жилище Тею. Таких пузырей в эту пору в посёлке много. Возле каждого дома висят моржовые плавательные пузыри, как детские шары. Они туго надуты и все дырочки перевязаны – плёнка накручена на палочку и перетянута жилкой. Эти пузыри после высыхания размачивают в воде, натягивают на обечайки бубнов и держат их до следующего лета. Моржовый плавательный пузырь – крепкая штука. Когда он натягивается на обечайке, то издаёт совершенно своеобразный звук с каким-то струнным оттенком. Его ни с чем не спутаешь, если хоть раз услышишь. Старуха Тею, видать, ночью подновила старый бубен и теперь упражнялась на новом инструменте. Лицо у неё было совершенно потустороннее. Глаза расширены – точно как после какого-то допинга. На меня она не реагировала. И, как оказалось, слава Богу!

- «Под мухомором» она, - пояснил старик Вальгиргин.

- Не может быть! – упорствовал я.

- Она мочи Тненто попила...

- Ах, вот в чём дело! – прояснилось у меня в голове. Я знал, что некоторые не едят мухомора, а пьют мочу того, кто их ест. Говорят, что моча ещё сильнее действует, чем сушёный гриб. Старуха Тею держала своего благоверного за самогонный аппарат. Она перегоняла через его почки суррогат и принимала уже рафинированный продукт. А я и не знал ничего! Стало быть, это старуха Тею понуждала своего мужа разыскивать грибы и пропускать их через себя.

- Ты к ней не ходи лучше пока, - сказал мне доверительно Вальгиргин. – Она может неизвестно что натворить... Как-то раз она с топором на свою сестру кинулась – потом ничего вспомнить не могла. Ей что-то показалось... У них вся семья такая чудная. Её отец Анкай самым большим шаманом здесь был.

У чукчей считается, что шаманские способности непосредственно передаются от деда к внукам. И далеко не ко всем, а, по большей части, - к одному. Дети же шаманов бывают в большинстве обычными людьми, только несколько странноватыми, как Тею, например.

- Анкая я ещё в молодости видел, - сказал Эттыле, слушавший наш разговор с видом незаинтересованного лица.

- Расскажи, - попросил я.

- Анкай у нас был самым сильным шаманом когда-то, - начал свой рассказ Эттыле. – Как-то у нас собралась байдарная команда, чтобы пойти отсюда в Нешкан, на факторию. Меня тогда рулевым взяли. Об этом узнал старик Анкай. Он пришёл ко мне и говорит:

- Возьмите меня и мою жену тоже в Нешкан. Она сильно болеет и даже ходить уже не может. Должна скоро совсем умереть, а я хочу, чтобы её сестра увидела последний раз. Совсем та старуха стала и сюда придти не может. Может быть, им там, в Земле Мёртвых, вместе веселее будет...

- Конечно, мы вас возьмём, - сказал я тогда. – я хоть и молодой был, но уже считался тогда главным, вроде байдарного бригадира. У нас здесь тогда у моего отца большая байдара была – на семь гребцов и ещё могла человек пять с собой взять.

Поехали мы из Ванкарема через Нутепельмен в Нешкан. Только отплыли от Ванкарема, жена Анкай стала сознание терять и на наших глазах умирать. Нам от этого страшно стало. Старуха прямо на наших глазах испустила дух.

Как только она умерла, Анкай говорит:

- Пристаньте, пожалуйста, к берегу.

Мы пристали к берегу.

- Дайте мне маленькую палатку, - он говорит. – Я здесь, на берегу, буду с келе бороться. На море я с ним никак справиться не могу. Никак на море не могу защитить жену.

Тогда мы поставили ему маленькую палатку и перенесли туда покойницу, а сами сели в байдару и поскорее поехали от этого места в Нешкан. Очень нам страшно было.

В Нешкане мы были сколько-то времени. Пока в гости к своим родственникам сходили, пока в лавке на фактории что-то купили. Время много прошло. И пошли мы на этой байдаре обратно в Ванкарем. Через некоторое время мы приплыли к тому месту, где поставили палатку для жены Анкай и его жены. Мы пристали к берегу и пошли смотреть – что с ними?

Анкай вышел к нам навстречу сам и говорит:

- Подождите меня ещё немного.

Мы тогда отошли и стали отдыхать на берегу. Слышим – Анкай в палатке что-то говорит и поёт временами. Шаманит! Без бубна и без своей камлейки просто так шаманит. У него, как он шаманил, всегда была специальная камлейка из тонкой-тонкой оленьей шкуры, ровдуги, выкрашенной в красный цвет ольховой корой, где спереди были вышиты разные шаманские узоры из жгутов подшейного оленьего волоса, обшитого оленьей жилкой. Воротник был из тонкой полоски тёмного, нездешнего меха, никто до сих пор не может определить, что это был за мех. А сзади по всей спине на позвоночнике была пришита длинная полоса белого короткого оленьего меха. На конце был вроде бы хвостик. Без этой камлейки Анкай никогда не камлал. Сейчас же он камлал голый, безо всякой одежды. Он не

брал с собой шаманской одежды – думал, наверное, что не нужна будет. А на море он силу потерял.

Тогда наши байдарные люди тихонько говорили:

- Надо сейчас травой от покойника окуриться и жгуты из травы навить, чтобы за пазуху положить на грудь.

Здесь, на Арктическом побережье, чукчи защищаются от покойников жгутами из земной травы. Она здесь растёт, как солома. В неё вплетают и тонкие веточки полярной ивы. А камчатские чукчи такие же жгуты делают для рук. Руки вроде бы отделяют от туловища, когда берутся за покойника. Ещё камчатские чукчи берут такие жгуты в рот – также защищаются. Северные прибрежные чукчи говорят. Что если не положить жгуты из соломы за пазуху, то покойник возьмёт с собой часть жизни этого человека.

Стали байдарные люди вить жгуты и класть себе за пазуху. Думали, что придётся мёртвую старуху назад везти.

Потом Анкай вышел из палатки и говорит.

- Ну, теперь поехали.

Мы пошли к палатке, смотрим – старуха сидит живая. Сидит самостоятельно и глазами хлопает.

- Поехали, - Анкай говорит, - только через некоторое время опять к берегу пристанем, а то у меня опять с келе бороться силы не будет недостаточно.

Поехали. Старуху в байдару перенести. Только вёслами зашевелили – стала старуха опять сознание терять.

- Опять келе пристал, - Анкай говорит. – Гребите скорее, а то опять скоро на берег выходить надо.

Через некоторое время говорит:

- Приставайте.

Мы опять к берегу пристали и поставили всё ту же маленькую палатку. И опять он в ней шаманил, и опять старуха ожила и сама сидела и глазами смотрела, правда – не говорила ничего.

Мы тогда опять поплыли. И опять Анкай велел приставать к берегу, когда его старуха умерла. В третий раз пристать к берегу было невозможно. Дело случилось уже ввиду Ванкарема. Байдара шла в битом льде. Мелкие льды закрывали дорогу к берегу, и старуха третий раз умерла окончательно.

- Пускай, - сказал старик Анкай по этому поводу. – Умерла возле своей земли. И свои келе проводят её к верхним людям... Если у кого есть больное место, погладьте её рукой – она эту болезнь с собой возьмёт.

Анкай, по словам многих знавших его людей, заменял в старые дни здесь, на побережье, всю медицину. Он анатомировал покойников – резал их и говорил, от чего умер человек. Он делил все болезни на просто болезни – Тэтхльгыргын и на те, что являются происками келе – духов. Анкай всё время возился с ребятами и рассказывал им о том, как надо лечиться ото всех хворей. Один из его малолетних слушателей, Дима Тынерентыргин, впоследствии действительно стал медиком и окончил медицинский техникум

в Анадыре. Но школа Анкай крепко запала ему в ум, и он часто имел успех за счёт тех знаний, которые ему передал старик.

Анкай говорил, что самая лёгкая болезнь – самостоятельный дух предупреждает человека о нападении. Он обычно ему снится в виде грязи, которой этот человек вымазался, или же в виде фантастических насекомых, которые по нем ползают. Эти насекомые и есть тот самый дух келе. Люди тогда говорят этому человеку: «Ты заболеваешь. Пока ты не заболел, смой с себя всё, что увидел во сне, водой и всё пройдёт». Если человек умный – он так и сделает, и болезнь смоеется водой.

Вообще-то были и другие люди, не шаманы, которые тоже могли лечить. Инээнгыльн. Они также выступали семьями. В Ванкареме, например, есть семья Тынеро, а в Нутепельмене – Рольтынват с женщиной Рультыле, которые тоже постоянно анатомируют покойников. Их, когда не стало таких людей как Анкай, и сейчас, бывает, зовут к покойнику, чтобы сказали, от чего тот умер. Родня у них спрашивает, как лечить живых родственников при сходных заболеваниях. И тот говорит, как пользоваться травами и другими средствами, а когда звать шамана. Раньше заранее договаривались об этом и платили им всегда. Шаманам никогда не платили, только делали подарки, а этим людям всегда платили, потому что они – чужие. Старались привезти таких знающих людей с дальних стойбищ, чтобы те заранее не слышали, отчего умер человек. И заранее договаривались о плате. Плата была достаточно высокая – ездовой олень, важенка или олень-производитель. Если случай был лёгким, то могли ограничиться платой шкурами и оленьим мясом.

Кроме того, травы морские и земные знали все женщины, и они могли же лечить простейшие раны, травмы и всё такое прочее, из-за чего сейчас тащутся в больницу.

Вот самый краткий перечень болезней, которые Анкай называл мальчишкам, и что запомнил Дима Тынерентыргин. Я их перечисляю в полном беспорядке и так, как они поминаются по-русски в медицинском справочнике для медиков самой примитивной квалификации:

кровавый понос – *мульэлы*,
зубная боль – *вальрынныг*,
слепота – *комлятгиргин*,
глазные боли вообще – *лылетьлги*,
глухота – *авалемкеквыргин*,
насморок – *пытингэттык*,
головная боль – *леутыпыхтынг*,
рак пищевода – *тымгычингак*,
ангина – *ангыелыгылинги*, что значит «болезнь маленького язычка»,
воспаление мозга – *айвальаттыгыргын*,
респираторные заболевания – *тагенынок*,
бронхит – *рытратычгыргын*,

туберкулёз – *мутлитэгиин*,
желудочные заболевания – *кандитыетыргин*,
болезнь печени – *понтатысьгыргын*,
болезнь желчного пузыря – *лильтэсьгыргын*,
аппендицит – *койнгыпочальгын*, вилегык,
болезнь кишок – *йигивэльтыгыргын*,
заболевание почек – *кычематысьгыргын*,
болезнь селезёнки – *нгаипонтатыльйон*,
болезни сердца – *линглингтысьгыргын*,
варикозное расширение вен – *тыеуматгыргын*,
сосудистые заболевания вообще – *тыетысьгыргын*,
доброкачественные опухоли – *тамтамыт*,
гипертония – *моттлекватгыргын*,
гипотония – *моттлесеветытвэгыргын*,
переломы костей – *мылягыргын*,
травмы головы – *левтычимвтык*
ушибы – *эргыргыт*,
обморожения – *татыквэтгыргыт*,
ожоги – *тильвыгыргыт*,
порезы – *пеквыргыт*,
ампутация – *чивстатгыргыт*,
суставные болезни – *йычгыгыргытычгыргыт*
часотка – *вапыстальгын*,
лишай – *нувин*,
идиотизм – *горэтывальн*,
эпилепсия – *итаегыргын*,
грыжа мошонки – *ингеретыктыркены*,
пупочная грыжа – *йигеретыккелькэгыны*,
цистит – *ытыесьгыталик*,
болезни матки – *нанынаванвычгыргын*.

Старина Анкай разделял терминологически болезни на наружные и внутренние. Даже тот список названий, который запомнил Дима Тынерентыргин, свидетельствует, что шаман был спецом широкого профиля. У него и рациональные способы лечения были свои собственные – шаманские.

- Однажды, - рассказывает Дима, - к нам пришёл из тундры родственник, совсем молодой парень, который пастухом был. Говорил, что заблудился почему-то и совсем замёрз. Пока он это говорил, Анкай к нам пришёл. Старый шаман говорит этому парню:

- Разуйся, покажи свои ноги...

- Да ноги у меня ничего, - тот отвечает, - сначала только болели, а сейчас не болят...

Снял он *плекты* – обувь, которая у него порвалась и была забита снегом.

- *Мутлимуль экэрэги...* - Анкай сказал, - по-русски значит – «огонь внизу крови», по-медицински – гангрена...

Парня этого в *чоттагыне*, в холодной части яранги, а не в пологе посадили. Анкай тогда жилку специальную принёс. Он эту жилку летом всё время на солнце держал, а зимой она у него на морозе была. Сам стал кипятком себе руки поливать, совсем горячей водой руки вымыл, и ноги этого парня сильно кислым нерпичьим жиром намазал. Говорит:

- Нерпичий жир гноиться не даёт.

Потом он велел этого парня повалить и держать его за руки и за ноги. Этот парень и не сопротивлялся вовсе. Анкай ему прямо по живому все почерневшие пальцы отрезал и этой жилкой зашил. Потом всё нерпичьим жиром помазал и в чистую *мандарку* – скобленную нерпичью кожу завернул.

- Пусть на пятках пока ходит, - сказал.

У этого парня пальцы потом совсем зажили. Он снова пастушил потом, как и не было этого несчастья.

У моего отца тогда на пояснице здоровенная шишка была. Так не болела, а просто мешалась, раздражала. Отец попросил Анкаю:

- Ты мне её вылечи.

Анкай тогда спросил:

- Боль терпеть будешь?

- Как не буду? – отец говорит.

Мужику ведь стыдно боль не терпеть.

Тогда Анкай опять руки вымыл, положил отца в *чогтогыне* на живот и вырезал у него из этой шишки большой кусок жира, а потом зашил её жилкой. И дети всё это видели, и Анкай им всё показывал, как надо шить. А отец всё это терпел, потому что сам напросился.

- Анкай ему велел на реку Теювээм ходить, которая течёт с гор Нутепельмена и которая очень солёная – почти горькая. К горам она ещё солонее становится. Эту воду все звери ходят пить и в ней купаются. Анкай велел отцу в эту реку залезть... Отец ходил и был здоровый. Один раз медведя руками зарезал на льдине... Не понимаю я только, почему Анкай говорил, что если будешь белого медведя печёнку и хрящи есть, то будешь пёстрый, как нерпа...

Я этого тоже не понимаю. Если поешь печёнки белого медведя, то можешь вообще покинуть этот мир. После печёнки белого медведя бывает такое отравление, что и случается спасти человека трудно. Чукчи, во всяком случае, никогда печёнки белого медведя, как и его хрящи, не едят. Так что с пегой раскраскою – просто пугал шаман. А так всё верно. Нерпичий жир действительно обладает антисептическими свойствами. Им издавна мазали все раны. В том числе и гниющие. Нерпичий жир ещё хорошо лечит всякие колиты и гастриты. Если во время приступа принять его немножко, то сильно легчает.

А ещё Дима забыл рассказать, как Анкай распознавал болезнь. Мне многие рассказывали, что он определял, чем болен человек, что у него внутри – по запаху. Анкай всегда обнюхивал разные места на теле больного и просто нюхал дыхание, за ушами и так далее. За ушами у детей, правда, всё время нюхают ортодоксальные чукотские матери, из тех, что получили хорошее натуральное воспитание. Чукотские женщины легко определяют по запаху, болен или здоров ребёнок. Но это понятно. Они просто хорошо знают запах своего отпрыска в нормальном состоянии и могут сразу же заметить отклонение от нормы. К слову – нюх развит у чукчей совсем не так, как у нас. Я знавал дам, которые определяли по запаху, что лежит у меня в рюкзаке, который находился на улице, на нартах. Они говорили, что я привёз из съестного, стоя порядочно от нарт, и в зимнее время, когда холодного воздуха особенно не нанюхаешься. Чукчи даже считают, что от европейских женщин плохо пахнет. На стариков и сейчас не угодишь. Некоторые, например, совершенно не выносят запах любых духов и одеколонов, хотя, бывает, вместо выпивки принимают от нужды внутрь какую-нибудь дрянь, предназначенную для гигиенических целей. Анкай, как утверждают, знал запахи самих болезней. Про него говорили: «Знал *келе* по запаху».

Вальгиргин так прокомментировал этот факт:

- Это любой шаман нюхом живёт... Я тоже могу сказать, кто здесь был до меня... Каждый человек имеет свой запах... Я этот запах знаю... Собака тоже, как шаман, нюхом живёт.

Я думаю, что здесь сравнения надо поменять местами.

Но факт – шаманы, по большей части, действительно острее других владеют обонянием.

Чукчи говорят, что келе тоже больше нюхают, чем слышат и видят.

- А ещё Анкай мог пароход остановить, - говорит Дима.

- Как это?

- Один раз шёл пароход по морю мимо Нутепельмена. А у Анкай тогда табак кончился. Он и говорит: «Надо пароход остановить, у знакомого шкипера табачку попросить...»

И в самом деле. Пароход вдруг стал плыть на месте. Видно, что из трубы дым идёт и что машин работает, а пароход на месте стоит. Потом он повернул к берегу и с него шлюпка спустилась. В ней прямо к Анкаю шкипер приехал, говорит: «Что такое случилось? Пароход носом во что-то упёрся и вперёд идти не может. Я решил на берег сойти, спросить людей – что произошло?»

Тогда Анкай ему говорит: «Дай мне табачку – я тогда пароход дальше пропущу. Это я его остановил».

Шкипер сразу же ему весь свой табак отдал. Сам на пароход вернулся, и пароход поплыл вперёд...»

Лучше бы Дима этого не рассказывал. Я понимаю, что он хотел возвеличить Великого шамана. Но зачем так возвеличивать человека, который и без того велик? И у меня возникло прямо-таки досадное чувство.

Ведь всё рассказанное про Анкай попадало под тень последнего мифа. Лучше бы Дима этого не рассказывал!

Старина Вальгиргин, видимо, тоже почувствовал некую неловкость.

- А это правда – я слышал, что шаманы раньше могли останавливать идущую мимо байдару...

С байдарой – другое дело. На байдаре двигают вёслами люди, а не мотор тархтит. Анкай мог с ними сработать, как срабатывает сам Вальгиргин, когда внушает толпе, что он притащил кучу нерп вместо одной, совсем как Христос с его хлебами.

Кайве, кайве, – сказал я примирительно.

Великое слово *кайве*. Оно совершенно подобно «хай» у японцев. Если говоришь *кайве*, то это значит – слышишь собеседника, вроде бы согласен, а, может быть, и не согласен, вроде бы подтверждаешь достоверность сказанного, а, может быть, и просто сигналишь, что принял к сведению. Очень многообразное слово. И собеседнику как-то спокойнее, если ему время от времени слушающий говорит *кайве*.

- А вот ещё я знаю, как Анкай мёртвого Гулькинкэу оживил, - сказал Дима.

- Ну, вот и попался! – подумал я. Гулькинкэу, по прозвищу Гулькин, несколько минут назад проследовал на берег живой и здоровый. Уж я это мог выяснить у самого Гулькина.

- Пойду-ка пройдуся, - сказал я небрежно. Дима с Вальгиргином только головами покивали.

Гулькин, как всегда, чинил японский мотор Судзуки. С этим мотором была целая история. Его выписал совхоз за большие деньги, и техники с центральной базы запероли его. Эти самые инженеры и техники довели мотор до такого состояния, что решили отдать его в Нутепельмен – в бригаду к чукчам-зверобоям. Директор совхоза так и заявил, что они с этим мотором могут делать всё, что захотят. Лучше всего его использовать вместо якоря. На большее этот мотор после учёных техников способен не был.

Бригадир принял мотор как насмешку. Он сказал, что с центральной усадьбы его стоило везти на берег только для того, чтобы погрузить на судно, которое собирает металлолом. Директор не спорил. Однако на этот мотор «положил глаз» Гулькин. Он разобрал его. Люди говорят, что он снял с него всё, кроме шпонок. Потом он собрал его – и мотор заработал. Он работает и по настоящее время, толкая байдару в студёном море по окрестностям таинственной Колючинской губы. Нужно быть Гулькиным, чтобы оживлять моторы после того, как с ними поработают специалисты с центральной усадьбы.

- *Мэй* – друг, - спросил я после того, как мы с ним закурили, - говорят, тебя Анкай вылечил когда-то?

- *Кайве, кайве*, - подтвердил Гулькин и на минуту задумался. – Он меня спас, когда я второй раз умер...

Это требует некоторых пояснений. Гулькин, как говорят, родился мёртвым. Его дед, также шаман, взял мальчишку и что-то с ним сделал, после чего тот задышал и заорал. Считают, что первая смерть Гулькинкеу настигла ещё в утробе матери.

Мальчишка, как выяснилось, родился совершенно глухим. Он вообще ничего не слышал. Говорят, что он в детстве мог часам сидеть, почти не двигаясь, вцепившись зубами в посох деда или в костяной колок от гарпуна. Дед говорил, что он так слушает. Гулькин всё же ничего не говорил и на окрики не отзывался. Потом он стал говорить, но чуднова-то – он вроде бы произносил звуки, но не так, как обычные люди. Он мог издавать их только на выдохе. Но понимать он стал всё. Он очень внимательно следил за губами человека. Вот и теперь он, в буквальном смысле слова, усталился мне в рот.

Гулькин, когда я его увидел, говорил как роботы на выставках современной техники. Его голосовой аппарат выдавал именно такую речь. Хотя сама речь была и образна, и богата, да и как всякий глухой, Гулькин любил поговорить. Став постарше, Гулькин выучился понимать и по-русски. Его сестра ходила в школу и занималась русским языком по русским учебникам. Русский Гулькин освоил в совершенстве. Он много читал по-русски и свободно писал. По-чукотски, пожалуй, он труднее разговаривал. Единственно, что было необычно – Гулькин читал всё кверху ногами. Он брал книгу, переворачивал её и так читал. Это оттого, что он учился, сидя напротив своей сестры. Он сопоставлял значки в книжке с теми движениями, которые делала губами и горлом его сестра. Ещё позже Гулькин увлёкся техникой. Вот тогда-то он и стал читать много всяких технических инструкций, правил по эксплуатации механизмов, разные учебники и всё такое. Теперь он считается самым толковым механиком в совхозе, хотя нигде и не учился. Все мёртвые моторы в его руках оживают.

Я-то самого Гулькина считаю великим человеком...

- А кто сказал, что меня Анкай оживил? – спросил Гулькин...

- Дима Тынарентыргин.

- *Кайве, кайве...* Оживил. Я ещё раз мёр, когда совсем маленький был. Хорошо помню, как с ребятами бегал по берегу и бросал камни из пращи. Потом я куда-то делся. Ничего не помню. Когда снова пришёл на землю, то сразу старика Анкай увидел, который мне так улыбался и сказал: «Вот теперь он совсем вернулся...» Люди потом мне рассказывали, что я упал на берегу и умер. Ребята испугались и убежали дальше по берегу и смотрели издали на меня. Они так долго смотрели. И только потом побежали от страха домой. Дома они сначала ничего не сказали. И мой отец не знал, что я умер. Он думал, что я остался на берегу. Один мальчишка как-то сказал своему отцу: «Там Гулькинеу умер». Этот человек побежал на берег, увидел меня и понёс к нам в ярангу. В яранге уже мой отец увидел, что я умер и пошёл сказать Анкаю. Тогда Анкай пришёл, и говорят, сначала на меня посмотрел, а потом с меня всё снял и стал меня тереть. Он тёр меня и дышал мне в рот. Я через какое-то длинное время опять живой стал. Где ходил – ничего не помню...

Стало быть, Дима не грешил против истины. Гулькин всё излагал предельно точно.

- Мотор здорово грохочет, - пожаловался я, поднимаясь...

Гулькинеу засмеялся:

- Видишь, как выгодно быть глухим! Он мне совсем жизни не портит...

Старик Вальгиргин как-то сказал:

- Анкай совсем не мог мухомора выносить. Он даже с человеком, который мухомора поел, рядом сидеть не мог. – И прибавил:

- Как я... И как ты...

Вальгиргин, по его словам, один раз попробовал мухомор и наелся им на всю жизнь. У него на мухомор самая настоящая аллергия. Я как-то рассказал ему про свой печальный опыт приобщения к мухомору, он меня считал родственной душой. Он даже иногда мне говорил с неудовольствием: «Неужели сам не знаешь», когда я допытывался мелких подробностей о шаманских деяниях. А я действительно ничего не знал, хотя на мухомор у меня реакция одинаковая с шаманами. Но я меньше всего это склонен связывать с какими-то шаманскими наклонностями. У меня просто такая реакция на наркотики типа мухомора или анаши.

Ещё в далёкой юности, когда я постоянно ездил на Памир в экспедицию, я сделал попытку попробовать анаши. Мой проводник Ашурмамат Догорбоев постоянно «анашил», и я видел, как ему приятно от этого адского зелья. Надо было попробовать хотя бы для того, чтобы знать. В пятидесятые годы попробовать анаши было проще простого. Дело было в городе Ош, где недавно произошла кровавая резня. А в мои времена всё было тихо и спокойно. Люди относились друг к другу вполне положительно и никаких национальных проблем не ощущалось. Ошский рынок, как и всякий рынок на Востоке был великолепным. Он размещался в старинном караван-сараяе, от которого оставались одни полуразрушенные стены. Новый рынок был на ровном месте и между прилавками громоздились горы дынь, арбузов, яблок, а на самих прилавках высились в изобилии груды урюка, всяческих овощей, лепёшек и всего, что душа пожелает. Люди складывались на барана, и умелец на их же глазах лишал барана жизни и превращал его в полуфабрикаты для плова, лагмана, мостовы и прочих вкусных блюд. Хмельные напитки продавались в государственной торговле без ограничений, и местные жители традиционно их избегали, как правоверные мусульмане. Однако некоторые последователи Пророка все же занимались примитивным виноделием и сбывали товар неверным. Они не жили винограда, а только собирали виноградный сок, который стекал с изюма и сливали его в разные ёмкости. Там этот сок и забраживал, превращаясь в то, что на Кавказе называется *мажарка* – молодое вино. Это вино было чересчур сладким, потому что сорта винограда в Ошской долине разводились исключительно столовые. Покупать это вино всегда отражали меня, как человека, который мог говорить по-персидски. Задача состояла в том, чтобы найти продавца и прицениться к вину. Продавца было найти не совсем легко,

хотя и не так трудно – по обстоятельствам. Правоверные не очень хорошо относились к людям, которые всё же имели дело с вином. Порасспросив старых знакомых, такого продавца находили и начинали торг. Вся соль состояла в том, чтобы его немного пошантажировать. Делалось это грубо. Его спрашивали, хорошее ли вино. Если он отвечал, что вино как поцелуй красавицы, то ему с укором замечали: «Неужели ты не уважаешь предков и пробовал вино?» если же он говорил, что вина не пробовал, то тогда возражали: «Как ты можешь определять, хорошее ли оно?» В обоих случаях цену назначали сами. Я благополучно провёл всю процедуру и собирался в обратный путь. Был я верхом на вороном жеребце по имени «Мотор». Мы с ним второй сезон проработали душа в душу. Я шёл по старой части рынка, ведя коня в поводу, и смотрел на стариков, которые сидели в тени стены и вроде бы чем-то торговали. У этой стены сохранились развалины ячеек, старинных лавок, которые когда-то лепились здесь. Старики сидели все благообразные. По большей части, в чалмах и тюбетейках, в халатах и в нижнем белье, выдававшемся в Советской Армии, которое здесь превратилось в национальную одежду. В мои времена в армии давали рубашки без ворота и кальсоны – полотняные штаны, застёгивавшиеся на одну верхнюю пуговицу. Азиаты зашивали гульфик у кальсон и получали прекрасное летнее обмундирование, которое можно было одевать под халат.

Старики были чем-то похожи друг на друга. Перед каждым стояли на ребре два кирпичика, и между ними тлел огонёк – вроде бы для чая. Чайник, к слову, стоял поверх кирпичей. Рядом со стариками лежали обрывки кошмы – вроде бы для друзей. Перед продавцом были прямо на земле разложены товары – ржавые гвозди, вышедшие из употребления замки, гнутые ключи и прочая дребедень, которая, естественно, могла найти только умалишённого покупателя.

- Анаша есть? – спросил я крайнего конфиденциально.

Тот молча посмотрел на меня и кивнул утвердительно.

- Давай порцию!

Процедура приобщения к наркотику была упрощена до предела. Каждый предмет оказывался нужным. Старик достал пенал из обрезка тростника, раскрыл его и вынул шарик поболее горошины, напоминающий по консистенции сапожный вар. По запаху он тоже смахивал на вар – это на мой непросвещённый вкус. Затем старик достал глиняную трубочку – чашечку с дыркой на боку. В эту дырку он вставил тростину, которую вытащил из связки – соблюдал правила индивидуальной гигиены, дал мне трубку в рот, велел вдохнуть три раза дым, который он собирался сотворить, вынул палочку с воткнутой в неё иглой и стал калить эту иголку на угольях костерка между кирпичами. Когда игла нагрелась, он сунул её в трубку, и анаша вскипела на ней, и я сделал три затяжки. После этого я уселся на кошме и принялся ждать. Со мной ничего не происходило. Я наговорился со стариком всласть, а меня так и не разобрало. Я у него купил целый пенал этих шариков, и потом в Москве мои друзья в университете накурились до

галлюцинаций. А меня всё не брало и не брало. Я потребовал ещё порцию. Старик проделал всю процедуру сначала и намекнул, что я мог бы и уезжать. Однако время шло, а на меня всё не действовала и не действовала эта самая анаша. Я озлился и потребовал ещё. Старик тогда сказал:

- Ладно, пробуй и сразу же уезжай.

Я повторил всё с самого начала и сел на верного Мотора. Конь вынес меня за город и рысил по пыльной дороге в направлении нашего лагеря. И тут у меня в животе словно граната разорвалась. Я едва успел залезть в какие-то колючие кусты и содрать с себя штаны. После этого я не мог отойти от кустов на пяток метров. Только подумаю, что пронесло – опять надо мчаться в кусты. И никаких гурий и прочих чудес я не видел, и ничего, кроме брюшного недомогания, не ощущал. Спасибо, что конь попался понимающий и терпеливо ждал. Когда я прибыл в лагерь, то вид у меня был совершенно плачевный. Мой анашист – проводник Ашурмамат Логорбоев, всё понял с первого взгляда, выругал меня за анашу и поехал к пастухам за кислым молоком – каймаком. Им он меня и отпоил.

Немного лет спустя я решил попробовать мухомора. Был такой секретарь в Чукотском Округе компартии – Айнавье. Мы с ним поехали к его дяде – бригадиру оленеводов. Взяли с собой целый ящик водки. У этого ящика Айнавье и остался, а я подался к его дяде, который не потреблял водки, а предпочитал всему мухомор. Я попросил взять меня в компанию. Дядя обещал. Весь разговор шёл через Айнавье, так как дядя не знал русского, а я чукотского.

Жена дяди также ушла в ярангу, где пили водку и велись разговоры, и мы остались с дядей одни. Он положил пять мухоморов в чайник и поставил чайник на огонь – повесил его над костром перед пологом. Чайник вскипел, и дядя поварёшкой выловил грибы. Он проглотил их не жуя. Грибы сами попрыгали в него. А мне он показал на чайник и полез в полог, где растянулся под тонким пыжиковым одеялом и затих.

Я позже понял, что мне был предложен ослабленный вариант, так сказать, - мухоморный отвар. Оно и понятно – человек чужой, а мало ли что может произойти!

Я налил себе большую кружку отвару и выпил залпом. Посидел, покурил – не берёт. Сидеть в одиночестве и ждать, когда тебя проберёт мухоморный напиток, скучно до предела. Я налил вторую кружку – эффект тот же. Повторилась та же история, что и с анашой. Я выпил третью кружку и тут... Словно граната разорвалась у меня в животе. Я пулей вылетел из яранги и... А, надо сказать, что на улице всё-таки был декабрь. Обнажаться на таком морозе – вовсе не так приятно, как в Средней Азии... Так я и бегал до утра. А утром вернулся от Верхних людей дядя, мигом всё понял и забил худенького олешка. Он покрошил немного непереваренной зелени из желудка в кровь, налитую в тот же желудок, и стал меня кормить этой похлёбкой. Я тогда был готов на всё. Живот потихоньку прошёл. Я смог

забраться в полог и поспать в тепле. Вот так и кончились мои попытки испробовать на себе волшебные средства...

- Я после мухомора целый день без штанов бегал, - сказал Вальгиргин задумчиво... - Шаманы, настоящие шаманы, не могут «под мухомором» быть. Собаки тоже не могут... Они как шаманы.

О собаках, китах и духах

...«Нум (Бог по-хантыйски, мансийски и ненецки – Ю.С.) сделал человека и собаку одновременно. Человек был сделан из песка. Оленя он сделал раньше. Причём и домашний, и дикий жили сначала вместе. На них нападали волки, и тогда часть оленей решила пойти к человеку, спасаясь от волков. Другая часть была не согласна. Тут олени разделились, и одна часть пошла к человеку, который стал их запрягать. Собака тоже сначала жила самостоятельным хозяйством, отдельно от человека, и носила одежду. У неё была грузовая нарта *вандоку*, где была сложена пища. Однажды собака взяла и съела всё в один день, не заботясь о будущем. Тогда Нум (Нися – Отец) рассердился и сказал: “Ты совсем не умеешь жить самостоятельно, иди к человеку и живи с ним”.

А чтобы собака не замёрзла, он выдернул волос из своей головы и бросил его на собаку. Она немедленно покрылась шерстью. Тогда же Нум сделал так, чтобы она прекратила говорить по-человечески. С тех пор собака стала такой, какая она есть. Собака – это злой дух (*нгылека*), причём есть хозяин собак *вэн мир мета нгылеко*, то есть собачий образ, носящий дух (демон), который обитает в лесной полосе. Этот злой дух обладает силой, от которой у человека пропадает сила, начинают болеть кости, человек страшно худеет, сохнет, болеет и умирает. Этот дух сильнее всех шаманов и совершенно им не подвластен. Изображений его не делают и жертвы ему не приносят. Каждая собака – тоже дух *нгылеко*, но так как она живёт у человека, который её кормит и ласкает, то дух теряет власть над человеком, и последний подчиняет его, таким образом, себе. Но если человек бьёт собак, то он, этим самым, теряет власть, и такой человек обычно кончает плохо. Каждая собака умеет шаманить, и поэтому они видят духов. Поэтому иногда собаки лают неизвестно на что. Это они лают на пришедшего духа. Убивать собак можно, но только лишь удавкой, так, чтобы не появилась кровь – а это грех. Собаку приносят в жертву...». Это всё записал Валерий Николаевич Чернецов, выдающийся этнограф и археолог, мой учитель, когда путешествовал в 1928 г. на Ямале. Всё это ему рассказала дама, отец которой был ненец, а мать – хантыйка. Валерий Николаевич справедливо предположил, что у неё, как у метиски, в голове могли перемешаться угорские и самоедские сюжеты, и возникло нечто синтетическое. Лет этак через сорок пять, приблизительно на том же самом месте я слышал такие же сказания, а потом повторение их же последовало уже в лесной стороне – у

хантов. Сюжеты эти общие для всего самодийско-угорского мира. Это и не мудрено. Ханты, манси, ненцы и другие самоеды – родственники. Старт они принимали от одной отметки – рождены были общими предками.

Но лет этак через пятьдесят я услышал от чукчей на Камчатке следующее: оленей сделал Куйкинекку (Демиург – Ю.С.). Куйкинекку как-то сказал первым людям: «Подумайте, что бы вы хотели иметь для жизни, и я вам помогу». Легкомысленные коряки (не надо забывать, что всё это рассказывал чукча! – Ю.С.) нажевались мухомора и провели всю ночь в удовольствии. Некоторые не стали есть мухомора, но все силы бросили на женщин (это – в моём изложении общая сумма фактов – Ю.С.). Словом – коряки отнеслись к предложению Верховного Творца безответственно.

Мудрые же предки чукчей, напротив, всю ночь делали рогульки. Рогульки – это такие маленькие рогаточки из веток тальника, которые у чукчей являются символами оленей. Эти рогаточки привязывают в общую связку – называется *гычкый-гыргыр*, – на оленьих жилках. На каждого рождённого оленя заводят такую рогаточку и она сохраняется в общей связке – «стаде» до той поры, пока олень жив. Если его съедают, то символизирующую его рогульку жгут так же, как и жгут оленьи кости. Рогулька – воплощение оленьей души. У человека тоже жгут тело, когда он умрёт, но никто не видит его душу. У оленя душа волшебным образом привязывается к изображению – к рогульке. Эту рогульку и держат в общей связке – оленья душа тогда крепче тянет брненное оленьё тело к стаду, держит его в стаде, как жилка в *гычкый-гыргыр*. Олень забит – сжигается и воплощение души. Душа отпускается в мир иной, и олень, как и человек, снова возрождается со временем, бывает, прямо из тела своих же потомков. Ну, это всё установилось после деяний Верховного Творца. А сначала чукотские предки наделали таких вот простых деревянных рогулек, а утром предъявили их Куйкинекку и сказали: «Сделай нам оленей, дай этим *Гычкый* оленью душу». И Куйкинекку, как и всякий Всемогущий творец, сказал трудягам: «Быть по сему». И так появились домашние олени. Обратите внимание: только домашние! О диких оленях – ни слова. А ведь самым первым занятием чукчей была охота на диких оленей. Они и не связывают диких оленей с домашними. Они к диким относятся с религиозным почтением, хотя и бьют их за милую душу. Охотно и с азартом.

Дикий и домашний олени и называются разными словами. Впрочем, и у самоедов дикие и домашние олени называются разными словами. У нганасан, например, которые до сих пор охотятся на Таймыре на диких оленей, домашний олень – *та*, а дикий – *бахи*. У ненцев *илезць* – дикий олень означает «дающий жизнь», а домашний – просто олень – *ты*. У чукчей в общем-то такая же картина. В качестве арбитров можно взять нганасан. Те хоть и освоили оленеводство, но так и остались охотниками на оленей. Нганасаны мне не рассказывали, как произошли домашние олени. Как дикие произошли, – это дело простое. Они появились незадолго до сотворения человека. Они вышли из шкуры Матери-Земли, огромной самки и

расселились по Земле на радость будущим людям. У нганасан, как у дальних родичей ненцев, всё же сохранились некоторые сомнения в совершенно самостоятельном сотворении домашних оленей, как это следует из чукотской версии. У них есть всё же некие назидания, некие притчи, в которых оправдывается то, что домашний олень терпит человека возле себя. Это всё подаётся в форме диалога дикаря и domesticированного животного. Дикарь с некоторой издёвкой, с чувством собственной свободы так говорит при встрече с домашней скотиной:

- Ну и жизнь у тебя, братец. Я из-за высоких хребтов слышу, как ты сопишь и натужно дышишь, когда таскаешь своих хозяев. Надо же! Какую муку сам себе выбрал.

Обратите внимание – сам себе! Добровольный вариант рабства! Какой укор! Предполагается, что домашний может ещё одуматься и предпочесть рабству свободу, что он, впрочем, и делает всегда, убегая с проходящим мимо диким оленем.

А домашний ему отвечает:

- Уга, Братец! Сколько я хожу по тундре – смотрю, везде твои кости валяются. Это их хвостатый бросает, где попадя.

- Хвостатый – это волк. Животное для самоедов священное. Для чукчей – тоже. Чукчи волка зачисляют в предки. Не все, конечно.

- Ну, что это за беда, братец, - дикий олень отвечает, - у тебя даже от такой тяжёлой работы все копыта стёрлись. Ты их об ледяную дорогу сдираешь. Тебе и копать ягель трудно. А у меня – острые копыта. Я по любому насту от хвостатого убегаю...

- Ну уж не всегда, - возражает домашний. – А уж бегать от хвостатого тебе придется всю жизнь. Больше, чем мне таскать нарту. А если к нам в стадо приходит хвостатый, то мой человек выбегает из чума с лохматой головой и с луком и убивает хвостатого...

- И съедает тебя сам, - это уж моё добавление, которого нганасаны не говорили.

Вот так нганасаны оправдывают совместную жизнь человека и домашнего оленя.

У чукчей – другое. Бытие домашнего определено общим желанием человека и Бога. Вот так-то! Сделал Бог по ходатайству человека.

Что же касается собак – поразительное единодушие.

Что бы ни говорили о происхождении собак – они близки духам. Ненцы считают собак шаманами, потому что они видят духов. Не стоит повторять – рассказ уже передан. Но ведь то же самое говорят про собак и все окрестные народы. Селькупы, например, считают собак существами, которые не только видят духов, но и которые могут их спокойно отогнать. Духи бессильны перед собакой. Маленькая собачка способна сокрушить и съесть самого крупного духа. То же самое у нганасан – собаки и видят, и отпугивают духов. Если ты простой человек, не шаман, захочешь увидеть духа, то надо посадить перед собой собаку и дожидаться, когда она начнёт

рычать и лаять вдаль. Тогда надо смотреть между её ушами, и увидишь нечто человекообразное, скорее – обезьяноподобное, что-то лохматое и чудное, что-то опасное и противное. И пока собака сидит перед тобой, ничего тебе не угрожает. Ладно бы так думали все самоеды, которых я перечислил. Можно предполагать, что все эти сказки им достались из общего мешка прошлого. Но как же быть с долганями, которые по происхождению – тунгусы, по языку – якуты и с примесью тех же северных тюрков и русских. Те тоже убеждены, что собаки – шаманы в четвероногом мире, как и волки. То, что собаки видят и чувствуют духов, многие долганские старики утверждали, ссылаясь на собственный опыт. Но на тот же собственный опыт ссылались и памирские аборигены, говоря автору этих строк ещё в пятидесятых годах, высоко в горах, очень далеко от Таймыра и Чукотки, что собаки – единственные твари, которые защищают человека от всяких злых сверхъестественных существ. Автор этих строк по легкомыслию и молодости не углубил тогда сюжета, о чём жалеет до настоящего времени. Съездить на Памир никогда не поздно, но тех людей, которые в это верили, уже нет.

Старина Вальгиргин так излагал суть собачьего существа:

- Собака – самый сильный шаман... Шаман-человек должен свой ум направлять, чтобы к духам попасть...

Собака так живёт, что всё время и с людьми, и с *келе*-духами бывает... У собаки такая же душа как и у человека. Говорят – почему собака человека терпит? Он её работать заставляет. Она такие тяжести таскает. Она всё делает, что человек скажет. Бывает, что и кормит плохо, и много работать заставляет. Это – как у человека у неё душа. Бывает женщина очень капризная. И кормит плохо, и много охотиться заставляет, и смеётся над тобой. А всё-равно к ней тянет. Потому, что ты её любишь. Так и собака. Её человек любит – один из всех. Он её так же, как человека, любит. Поэтому собака всё время с ним живёт...

Мне эта трактовка показалась весьма близкой к знаменитому Пушкинскому заключению: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей». В чукотском варианте, применительно к собакам, это можно было бы сказать так: «Чем меньше мы любим собаку, тем сильнее она к нам привязана...» Несправедливо, как и всё в этом мире.

- Я, когда только начинал шаманить, то всегда подходил к собаке и смотрел через её уши, когда она начинала ворчать на кого-то. И всегда кого-то видел.

Вспомните нганасан!

- Если ты без собак живёшь, то *келе* могут до тебя добраться...

Это заключение требует комментариев. И я сейчас расскажу историю, которая выдаётся за подлинную на побережье Колючинской губы. Колючинская губа в самом приблизительном переводе значит «Берег бешеного моржа». «Кеглюч» по-чукотски – это «Морж-каннибал», «Морж-убийца», «Бешеный морж» и тому подобное. Некоторые чукчи, правда

считают, что и название острова, и название губы происходит от *Кулюсим* - «круглый».

Рассказывал его в первый раз человек по имени Эттыле. Умница и очень чёткий по характеру мужчина. Он рассказывал так: «Сколько-то лет тому назад, перед войной (значит – приблизительно в 1941 г. – Ю.С.), на двух упряжках из Энурмино в Инемней (побережье Северного Ледовитого океана – Ю.С.) один русский из «Развозторга» и чукча-каюр. Тогда был ещё «Развозторг», который снабжал все посёлки мелкими товарами и собирал пушнину. Дело было в мае.

Они доехали до Колючинской губы и решили маленько передохнуть. У старика-чукчи было два передовика – один молодой, который работал в упряжке, и другой – любимый, совсем старый пёс, у которого было едва сил, чтобы бегать. Этот старичёк-пёс совсем слабым и самым древним среди собак был, и жил как на пенсии. Он, когда хотел, просто путешествовал с хозяином. Бежал рядом с нартой или даже ехал на той самой нарте, которую сам раньше таскал.

Итак, они доехали до Колючинской губы и остановились возле избушки. Избушку поставил какой-то промышленник, и она была совсем крошечной. В мае, как известно, бывает совсем тепло, хотя и сыро.

Путники привязывали собак на самом берегу, поближе к воде. Привязывают собак обычно или же за брёвна плавника, которого здесь полно в каждом месте, или же к забитым ранее кольям. Чукчи никогда не втыкают палок в землю. Если есть колья – это всё русская работа. Часто бывает, что есть ещё за что привязать – торчат из земли сучья занесённых песком брёвен.

Была всё-таки весна, и было очень тепло. Собаки не сильно устали, как и люди. Люди распродали все товары и везли лишь не тяжёлое – песцовые шкурки и прочие меха. Ехали налегке.

Старик-чукча зачем-то привязал и своего заслуженного передового в середину упряжки. Сам он пошёл к своему русскому товарищу почаявать и после улёгся спать.

Уснул сразу, и сразу же увидел сон – открылись двери избушки, вошёл его старый передовик и говорит:

- Что ты здесь спишь? Вставай скорее и иди к нам. Там, среди нас, сиди.

Чукча проснулся и видит – двери открыты и стоит на пороге его старый передовик и зовёт за собой по своему, по-собачьи.

Удивился старик-чукча. Его передовой никогда раньше не отвязывался и никогда раньше ничего не делал без разрешения – около двери будет стоять, а не войдёт, голодный будет возле мяса лежать – а не возьмёт.

Чукча стал подзывать его, а пёс не подходит. Тоже так раньше никогда не делал. Тогда старик взял термос, мясо, галеты и пошёл наружу. Зовёт собаку – собака не подходит.

- Ладно, - решил чукча-старик, - сейчас подойдёшь...

Сел он на то место, где пёс был ранее привязан, налил в крышку чая из термоса и стал пить.

Собака всегда подходила, когда он ел. А сейчас – не подходит. Вдруг старика как будто сон стал охватывать. Он посмотрел на море и вдруг увидел, что по морю идёт белый-белый человек. Подробностей он не увидел, а только заметил, что тот был ослепительно белым, белее снега и льда.

И почувствовал старый чукча, что он весь, помимо воли, напрягся и дрожит.

Как только одной ногой ступил этот белый человек на берег, то будто очнулся старик. Нет этого белого, а собаки обеих упряжек рвутся и лают, как на чужого. Старый вожак возле хозяина, будто охраняет. Он прямо перед хозяином сел, собой его загородил.

Встал чукча, удивился и пошёл в избушку. А там этот русский парень сидит проснувшийся, потный и какой-то измождённый.

- Что с тобой? – чукча спрашивает.

- Где этот человек?

- Белый такой? Нет никого...

- Только что был, - парень рассказывает. – Я сплю, вдруг прямо всё светом озарилось, а я прямо задрожал весь. Смотрю – прямо в дверь кто-то совсем белый входит. Меня к нему притягивать стало. Этот идёт прямо ко мне и губы вытягивает. Я стал от него отпихиваться. Он не сильный, но меня к нему притягивает. И он всё время ко мне губами тянется. Тогда я схватил нож со стола и его ударил. А нож тогда сквозь него пролетел, а он всё-таки меня губами достал. И сразу пропал.

Этыле в этом месте сказал «губнул». Для русского языка очень выразительно, хотя и не встречается в правильном русском. У чукчей нет понятия «поцеловал». Старшее поколение и никогда не целовалось. Люди «нюхались» – нюхали друг друга за ушами и это вполне заменяло поцелуи. Некоторые старики вообще неодобрительно относились к распространению поцелуев. Говорили: «Только собаки всё на язык пробуют, хотя у них нюх сильнее...» «Губнул» надо понимать как «тронул губами».

- Я вроде бы проснулся, - русский парень продолжает, - а тебя рядом нет.

Стал тогда старик смотреть – нож и вправду вылетел в тамбур и до половины лезвия воткнулся в дерево. Любой самый сильный человек на такую длину клинка нож в дерево не загонит. У русского на руках синяки, как от сильных пальцев, а на шее засос, кровь даже выступила на этом месте.

Сильно испугался старый чукча. Собрали они упряжки и быстро поехали с этого места. Приехали в Нешкан очень скоро и там пошли к заведующему факторией. Факторией там заведовал русский старик. Он там всё время жил и был сам как чукча. Какой-то местный русский, кажется, из русско-устыинцев или из колымчан, у которых свои русские шаманы сильные были.

Этот заведующий факторией тогда говорит этому парню, который привёз много ценных мехов, принадлежавших уже фактории казённых мехов:

- Давай быстро я у тебя всё без счёта приму. Просто на совесть. А ты быстрее уезжай. Это всё не к добру. Уезжай отсюда хотя бы в Лаврентия или в Уэлен. Бери любую собачью упряжку и езжай.

- Ничего, - этот парень говорит, - что это я без отчёта поеду ни с того, ни с сего. Скоро отпуск – тогда и поеду.

Так сказал, а ночью умер. И тогда его приезжали врачи осматривать и ничего путного сказать не могли. Потом милицейские даже стали на этого старика думать, что он виноват в этой смерти, но все люди знали, что старик-каюр ничего плохого сделать не мог и что они с этим парнем друзья были... Так это дело и было с «Белым человеком».

Старик Вальгиргин, хорошо знавший эту историю, ничего путного сказать не мог. Он только намекнул, что келе водятся только на земле и что на море их не бывает. Он сказал, что на море должен быть какой-то особенный морской дух, который редко показывается человеку, рождённому на Земле и принадлежащему к земным существам.

- Тогда почему собака его видит как келе? – резонно спросил Эттыле.

- Значит, этот морской дух такой же, как сухопутные? Я вот ещё одну историю знаю, как собака спасла человека на берегу...

Рассказал он следующее:

- После войны, в сороковых годах я работал на гидробазе в Колючинской губе. Там стояло несколько домов для работников гидробазы. Они занимались разведкой льдов и наблюдением за морем, чтобы давать сведения судам, которые шли по Северному Ледовитому океану. На гидробазе работал тогда один эскимос – совсем молодой парень, мы с ним дружили. А я тогда всё время ходил к одной девушке в соседнюю ярангу.

Один раз я пошёл в гости в эту ярангу на Нешканскую сторону и заночевал там. Люди из яранги тогда надо мной подшучивали: «Мы тебя женим».

Через сутки или сколько-то дней я вернулся и меня спрашивают:

- Эскимоса не видел?

- Нет, а почему вы спрашиваете?

- Он ушёл куда-то и не возвращается вот уже два дня. Ещё одна собака пропала, его любимица...

У нас тогда были четыре упряжки. И мы стали на них его искать. Может быть, целую неделю искали, как он пропал. Как-то оказались возле одной речки и чукчи, и русские. У нас там один парень был здоровенный – Рентыргин звали. Он что-то увидел на другой стороне реки – как пень торчит. Показал всем. По очереди стали в бинокль смотреть – что-то не тундровое лежит. На ту сторону реки переправились.

Подошли поближе – смотрят. Это эскимос крепко спит. Ещё рядом с ним собака лежит, со стороны моря его загораживает и всё на море смотрит и скулит. Совсем отощавшая собака – одни рёбра торчат.

Разбудили эскимоса. Он, улыбаясь, говорит:

- Вот, ведь, уснул не вовремя! Обрато шёл – устал.

- Ты где столько времени был?

А он и не знает, что целую неделю пропадал. Отвечает:

- Я только немного прошёл и обратно повернул. Внезапно устал. Сел и уснул. Когда уснул, то сон чудной увидел: сижу я в гостях, но не знаю у кого, и мне кто-то говорит: «Уезжай отсюда, а то через два года или умрёшь, или ещё как пострадаешь».

- А собака откуда?

- Со мной гулять пошла.

- А почему она тебя от моря защищает?

- Не знаю.

Все удивлялись очень, что он ничего не знает про своё недельное отсутствие. Он, однако, остался служить на той же гидробазе, пошёл матросом на гидрографическое судно, вроде бы на «Ороч». Через два года, ровно день в день он упал с высоты в трюм и сильно покалечился. Я его последний раз видел в Анадыре, в инвалидном доме...

- Ну и чего похожего с «Белым человеком»? – спросил Вальгиргин.

- Всё похоже, – ответил Эттыле, – на берегу у парня ум пропал, собака его от моря защищала...

- Она его могла от белого медведя защищать...

- От белого медведя он бы ум и память не потерял... Это на него морские келе нападали, а его собака защитила. Но эти морские келе всё-таки ему вред нанесли. Тому парню русскому, что Белого человека видел, келе быстро вред нанёс, а этому – через два года. Собаки вообще хорошо этих морских келе заранее чувствуют, они их видят... Вот ещё случай был на гидробазе ещё до войны, когда я совсем молодой был и жил с отцом в яранге здесь, в Нутепельмене... Тогда на гидробазе служил на катере капитаном друг моего отца, один чукча... Как-то он с русскими шёл на катере на остров Колючин, где только полярную станцию ставили. И тогда в губе шторм начался. Заштормило порядочно. Когда здесь дует южак сильный, то волны очень большие бывают, как и в восточный ветер.

Тогда этот катер, что на остров шёл, причалил здесь у нас, в Нутепельмене. Чукча-капитан тогда к моему отцу в гости с бутылкой пришёл и, я, сидя в пологе, слышал, как он моему отцу рассказывал:

- Пришёл я к своей яранге, – она недалеко возле посёлка стояла отдельно, - пришёл я к своей яранге, а жена меня не встречает... Спряталась в пологе и почему-то говорит: «Это – не ты, я к тебе не выйду». А ещё на него их собака лаяла и выла, как на чужого, которая привязанная в пологе была.

Может быть, она его за дух приняла. Или она, может быть, что-то о нём от других духов узнала?

Тогда тот чукча-капитан говорит:

- Ладно, разберёмся, когда вернусь... А я тогда в гости пойду, если меня принимать не хочешь...

Тут его русские спутники пришли и говорят:

- Пошли, в такой слабый шторм как-нибудь дойдём...

Чукча-капитан сильно отказывался и даже плакал. Это я видел сам. А он был очень смелый человек.

Всё же вынудили его.

Вышли они в море и сразу их не стало видно за волнами. Так и пропали все, как их ни искали – не нашли.

Прошло месяца два. И стала собака этой вдовы капитана-чукчи бегать в Колючинскую губу. Там её всё время видали. Она на берегу сидела и смотрела всё время в море и взлаивала.

Мы тогда в это время пошли на маленькой лодочке в губу, к тому месту, куда наши оленеводы вышли, повезли им подарки.

Подходим к гидробазе – все что-то смотрят на берегу, на нас не смотрят, внимания не обращают. Оказалось, что труп выкинуло. Этого самого капитана. Как новый. Даже нигде его *чулимчики* не тронули. Будто только что утонул. Только одна шапка потеряна. Ничего с него волнами не смыто. Это я сам видел. И ещё видел, как его собака уселась, будто кого-то от моря ждёт. Эта собака тогда в пологе привязана была и поэтому с ним уйти не могла и его защитить...

- Собаки это дело чувствуют, – согласился Вальгиргин. – Тогда они в Нешкане предсказали, что принесёт байдару погибших людей...

Эттыле утвердительно покачал головой, а я попросил:

- Расскажи...

- Мы ещё тогда на вёслах ходили по морю. Моторов мало было... Как-то шли в Ванкарем через Нутепельмен из Нешкана и слышали в темноте, как кто-то командовал гребцам:

- О-о-о! Гок! О-о-о! Гок!

У нас всегда так командуют, когда в темноте гребут, чтобы дружно получалось.

Уж это-то я знал. Приходилось и самому грести.

- Мы ещё тогда закричали, – продолжил Вальгиргин, – «Не в ту сторону идёте».

Никто не ответил. А когда пришли, то узнали, что встретили покойников – и русских, и чукчей где-то возле Онмана с байдары, у которой стоял сильный шведский мотор. Этот мотор стоял на корме и был приделан к металлическому пруту, закреплённому гайкой на килевом бруске. Этот прут сквозь киль проходил. Вдобавок, он был обвязан лахтачьим ремнём. Он мог вылететь только в том случае, если байдара совсем разваливалась. А иначе – никак.

Покойников уже собрали к тому времени, как мы их слышали возле Онмана. А байдару нигде не нашли. Она никак не могла исчезнуть с глаз. Только могла утонуть, да и то с неё что-нибудь на берег море бы вынесло.

Сколько-то времени прошло – месяц или более, стали собаки тех людей, что утонули, в Нешкане в одном месте на берегу собираться. И вдруг, в один день через столько времени, эта байдара к тому месту пристала. Целёхонькая. Прямо пристала к берегу Колючинской губы с Нешканской стороны. В ней только шапка лежала – без макушки, какие здесь зверобои носят. А мотор куда-то исчез. Его просто не было. Как же он мог исчезнуть, если на море нужно было отвинчивать гайку под водой, что стояла на килевом бруссе? Просто чудеса... Старики тоже говорили, что это дело морских келе, вроде Белого человека... Сквозь того мог нож пролететь и в деревянную стену влезть, а они могли этот железный мотор как магнитом стянуть с кормы...

- А как же тогда лахтаций ремень, которым мотор привязывался к байдаре? – спросил я.

- Собаки всё же заранее знали, что байдара приплывёт, - вставил своё слово Эттыле. – Эти Колючинские морские келе всякие чудеса делают... Помню, рассказывали, совсем давно здесь в губе американская шхуна погибла. Её льды раздавили. Даже не знали, где она погибла. Старый шаман Анкай тогда шаманил, но ничего не сказал определённого. Он тогда с собакой на берег ходил, и собака ему показывала, в какой стороне шхуна погибла. Людям немного тревожно было, что эта шхуна погибла. Думали, что другие американцы, да и русские власти будут считать, что эту морскую шхуну погубили зверобои. Но это было не так. Люди не нападали на гостей. Да и собаки, говорят, предсказывали, что на море беда произошла. Показывали, что там что-то случилось. Откуда бы тогда Анкай знал, что какая-то американская шхуна погибла?..

- Анкай-то и сам мог знать, - возразил я...

- Анкай мог, - подтвердил Вальгиргин...

- Келе в Колючинской губе груз со шхуны разделили, - продолжал Эттыле, - иначе и понять невозможно. Сначала в губу муку выкинуло, а саму шхуну вынесло на остров Колючин. Однако на таком большом и плавающем судне не было ни одного человека или трупа... Наши предки тогда не знали, что такое американская белая мука. Эти оленные люди, моя родня, тогда приехали и говорят:

- Какие хорошие мешки вынесло. Надо взять! Однако, что там в них такое? – это они про муку.

В мешках только снаружи тесто оказалось, а внутри – сухая мука.

- Давайте, - мои родичи говорят, мы летом пургу сделаем. Это снег такой сухой. И они трясли эти мешки на ветер и радовались – какая у них пурга получилась.

Тем временем, шхуну на острове Колючин совсем замыло и не видно её было совсем и ничего с неё не находили люди. И вдруг эта самая шхуна на

берегу Колючинской губы оказалась, хотя до этого совсем из песка на острове видна не была. И с неё стали бутылки с виски на берегу попадаться, а мука уже на острове объявилась, хотя уже очень много времени прошло.

Теперь эта шхуна по тундре ещё кочует. Она была из красного дуба сделана, эта шхуна, и многие люди себе этого дерева запасли для полозьев нарт. У меня у самого нарты из этого дуба сделаны, - все копылья. Она так вся по тундре и разошлась. Всё-таки и от неё польза осталась. А киль так и похоронен в Колючинской губе...

Эта самая Колючинская губа – просто заколдованное место. Никто ещё просто так не миновал её. Злополучный пароход «Челюскин» в тридцатых годах распоролся об льдину именно рядом с этим местом. В Колючинской губе только что утонуло большое судно «Нина Пономаренко». И всякие приключения были у каравана Вилькицкого из известных мореходов. А уж сколько здесь обломков самолётов валяется – не сосчитать, как и останков кораблей. Эта Колючинская губа почище Бермудского треугольника. Бермудский треугольник выглядит в сравнении с Колючинской губой детской площадкой для невинных игр. В губе и «Летучие голландцы» в арктическом варианте плавают, и таинственные духи орудуют. Настала, пожалуй, и моя пора рассказать про Колючинскую губу такое, что выше моего понимания, но с чем, естественно, связана шаманская тема.

В прошлом году на берегу Колючинской губы пропал целый вездеход и семь человек. Они поехали в Нешкан, как и те русский с чукчей-каюром, которые видели Белого человека. Они были хорошо снабжены горючим – как бензином для машины, так и спиртом для экипажа. Замёрзнуть было невозможно. Все люди были не в первый раз на Севере и могли выкрутиться из любой ситуации. Поехали они, – как говорят, – с песнями и исчезли. Теперь, однако, многие в Путепельмене здравомыслящие, наблюдательные люди вспоминают, что к ним повышенный интерес проявляли собаки. Собаки – это собаки. Им каждый человек интересен. К тому же, если этот человек ещё и любит собак. К тому же о собаках вспоминают задним числом. Я этот факт привожу только для чистоты эксперимента – люди говорили, что по их наблюдениям к будущим покойникам собаки проявляли повышенный интерес. А вот другое – это установленный факт. Через несколько времени после отъезда вездехода поселковые собаки совершили массовый побег в тундру, на побережье Колючинской губы. У ездовых собак такие коллективные помешательства случаются редко. Они даже к собачьим свадьбам относятся весьма сдержанно, так как большинство из них ещё в раннем возрасте холостится... Ну, об этом я расскажу как-нибудь в другом месте. А тут большинство собак сорвалось с привязей, на которых коротали время ездовики, и ринулись на волю. Собачки, правда, той же компанией вернулись через пару деньков и безропотно пришли к своим кольям, к которым их и привязали. Только несколько особ продолжали быть в «самоволке» - «самовольной отлучке», как говорят в армии. Но и тех переловили и водворили к месту службы.

А вездеход исчез. Он не приехал в установленный срок в Нешкан, не появился и много времени спустя.

Начались поиски. Сначала летал вертолёт – он сканировал. С воздуха было осмотрено всё пространство на расстоянии вездеходного запаса горючки во все стороны. Машины и людей не видели. Тогда мобилизовали нутепельменцев. Они на собаках прочесали всю округу туда и обратно – и ничего не нашли. Тогда приехали солдаты-пограничники. Солдаты на расстоянии видимости прошли дорогу от Нутепельмена до Нешкана, а потом – от берега моря – в тундру и обратно. И молодые brave солдаты ничего не нашли. Тогда дали отбой. Искать было бессмысленно. Посчитали, что если здесь не замешана какая-то потусторонняя сила, которая утащила весь вездеход вместе с его пассажирами, бензином и спиртом, то машина должна была быть специально уничтожена. Я, правда, думал, что свалился в мае с кручи в море – ничего не стоит и никто не будет знать, где твоя могилка. Надо, правда, специально свалиться. Так сказать, по собственному желанию. Прошло лето, прошла зима, настало снова время потепления, снова злополучный май. И в Колючинскую губу с Нутепельменской стороны поехали порыбачить некто Комаренко – украинец из Чернигова, приехавший сюда советским работником, и замечательный парень, шаман Коля Вуквурогин, о котором ещё будет идти речь много-много раз.

Они приехали на берег губы именно на то место, где в прошлом году останавливались во время поисков вездехода. Они разожгли огонь на том же кострище, что и в прошлом году. Чукча никогда не станет жечь огонь на новом месте. И тут Коля увидел, как его старая и балованная собака вывернулась из привязи и подошла к нему, сев мордой в сторону тундры. Она всем своим видом показывала Коле: «Посмотри в ту сторону».

Коля поднял глаза и увидел совсем недалеко, на холмике, который никогда не заносился снегом, злополучный вездеход. Коля говорил, что при этом его охватило странное чувство. Неестественное ощущение. Ну, с шаманами это бывает.

Он окликнул Комаренко и тот тоже впал в соответствующее состояние. Они опасливо подошли к вездеходу, ожидая увидеть там груды обглоданных костей или же смердящие трупы, откинули заднюю часть тента и обнаружили совершенно целых покойников, который будто спали. И водитель спал на своём месте и не было видно повреждений на его лице. Как говорят оба мужика, на них не было трупных пятен даже. Будто эти все уснули и замёрзли только что.

Всё это смотрелось так несуразно и странно, что они решили было ехать обоим в посёлок, но потом Комаренко остался, а Коля погнал упряжку один. В самом деле – как это всё могло быть? Они в прошлом году собственными ножками ходили по этому месту, на котором сейчас стоял целый вездеход. Если эти покойники пересидели в машине всё лето и зиму, то от них ничего уже не должно было остаться. В тундре трупы пожирает мясная муха. Личинки мгновенно расправляются с любым куском мяса,

который появился без хозяина. К тому же трупы – законная добыча всяческих грызунов и песцов. Эти трупы просто должны были разложиться и развалиться. Ничего подобного не произошло. Испугалось, видно, и местное начальство. Оно прислало огромный военный вертолёт, в который солдаты закатили вездеход вместе со всем его содержимым и увезли в неизвестном направлении. Я так ничего и не мог узнать об этом вездеходе ни от военных, ни от штатских.

Воистину, Колючинская губа – заколдованное место!

- А собаки всё знали, - уверенно сказал Эттыле...

- Знали, знали, - подтвердил Вальгиргин. – Собаки беду на море всегда заранее знают... Я, когда ещё молодой был, раз хотел с оленеводами-охотниками, которые решили в море выйти, чтобы с вельботов моржей промыслить, в компании поплыть. Мой старый кобель тогда как с ума сошёл. Он меня прямо с ног сбивал, когда я к вельботам пошёл. Я тогда его поймал и отлупил. А он всё равно на меня кидался – так я и остался на берегу. Те люди не стали ждать, пока я с собственной собакой справлюсь...

Эти охотники на двух вельботах вышли из Сешана и пошли к плавающим льдам. В тот год много китов на нашу сторону пришло. Китихи в это время рожали детёнышей. Они стараются всегда близко от старых льдин рожать... Я как-то видел это дело. Мы вышли на байдаре и нас не видно было совсем из-за торосов. Вышли мы в разводье, смотрим – самка гренландского кита возле ледяного поля всплыла. Местечко это также было закрытое торосами. Эта китиха подплыла ко льдине и высунула из воды заднюю часть, положив её на льдину. Потом она, крепко прижавшись к льдине брюхом, соскользнула с неё, и китёнок остался лежать на льду... Самка погрузилась в воду и отплыла.

Через некоторое время она приплыла к этому месту и хвостом пустила волну, смыла китёнка в воду и ушла с ним... Всё это мы видели из байдары. Боялись пошевелиться.

А те люди, которые отплыли из Сешана без меня, также увидели, как китиха оставила на льдине детёныша. И они решили его забрать. Китёнок много вкуснее взрослого кита. Особенно у него вкусная шкурка. Она такая нежная, что верхний тёмный слой могут жевать даже беззубые старухи.

Эти охотники, как только китиха ушла под воду, быстренько приплыли к тому месту, где лежал детёныш, и быстренько перекинули его в вельбот и поплыли к берегу. Однако китиха скоро вернулась к этому месту и не нашла китёнка. Тогда она погналась за вельботами и разбила хвостом один из них в щепки. Все люди, которые там были, погибли. Второй вельбот уже успел подойти к линии прибой. Но китиха ринулась на мелководе и разбила и второй вельбот. Только те спаслись, которые попрыгали в воду и выбежали на берег. Я всё это с берега видел... Если бы не собака, то я бы тоже погиб...

- Собаки – сами шаманы, - заключил Вальгиргин.

«Не мир формирует твой взгляд, а твой взгляд делает мир». Это заключение принадлежит Вальгиргину, свято верящему в первичность и силу духа.

Под новым углом зрения собачки в посёлке мне стали казаться иными.

Собак было множество. Они, по большей части, содержались на пляже. Пляж опоясывал посёлок между *пильхеном* – горлом лагуны и длинным мысом, указывавшим на крошечный островок Идлидья.

Собаки с непередаваемо светским видом лежали на пляже, привязанные к кольям. На них летели ледяные брызги, их припорошивало промёрзшим песком. Бог крестил их сверху холодным дождичком, а иногда и мокрым снежком. Однако они лежали с таким видом, будто здесь их держат не цепи и колья, а только светские обязанности, неумолимые правила бонтона. Некоторые собаки и голов не поднимают, когда проходишь мимо. Видимо, из гордости или же от аристократического воспитания – не вступают в контакт с существами не своего круга.

Невероятно грязные чайки с помойки время от времени садились посреди собачьего общества и ухватывали остатки скудных трапез. Собаки и здесь вели себя как снобы. Они не удостаивали представителей неимущей прослойки даже взглядом.

В посёлке уже появилось некоторое количество собак с обрывками ремней на шеях. В отличие от завсегдатаев пляжа они держались иначе. Они несколько настороженно посматривали на людей, вроде как школьники в кинотеатре среди бела дня, в то время как их друзья сидят на уроках. Они много тощее псов, бродящих на свободе. Это – тоже ездовики. Они просто соскучились по живому обществу и по драке. Они весьма активно включаются в собачьи свадьбы, хотя большинство, увы, в качестве героев выступать не может. Кто-то из кинологов-гуманистов писал, что волки и собаки так сотворены природой, что как только враг продемонстрирует свою уязвимость, нападающий тотчас парализуется и остывает. Это всё очень правильно, да только не для чукотского посёлка. Я помню даже картинку в этой гуманной книжке, где был изображён рычащий кобель, а другой демонстрировал ему открытую шею – знак «сдаюсь». Не знаю, как у волков, но если бы такую штуку проделал бы какой-либо боец здесь, то другой ему мгновенно устроил трахиотомию – распорол бы ему шею и оторвал неразумную голову. Скоро здесь будет дохлых собак по колёно валяться. Это собачки перед трудной работой резвятся. И вот что интересно – у них какое-то дьявольское стремление добить слабого. Вот посмотрите, лежит себе какой-нибудь заслуженный кобель и даже с дороге не слезет, когда не менее заслуженный человек идёт. Этот кобель без кнута и лапы не поднимет. А стоит в другом конце посёлка завизжать несчастной шавке, которую её же собрат придушил маленько, как этот кобель срывается и бегом, вместе с такими же обормотами, как и он, несётся чинить расправу не с обидчиком, а с этой угнетённой шавкой, которая подала с отчаяния голос. И рвут её псы за один несчастный крик.

Чукчи говорят, что келе именно так мчатся на крик роженицы. Поэтому-то чукотские и эскимосские женщины молчат при родах. И между собой собаки живут недружно, хотя и числятся в близких родственниках. Если их не привязывать так, чтобы они не доставали друг друга, то будут все ходить покрытые ранами. И еду никогда не поделят по-братски. Каждый жрёт свою долю. И сородича сжуют, если приспичит. Даже если не приспичит – всё равно сожрут. Здесь стараются жертвенных собак подальше оставлять в тундре, чтобы их щенячьи выводки не ели...

И при всём при том – собака существо очень высокого порядка. Ненцы считают, что обижать собаку – грех. Чукчи считают, что обижать собаку – грех непростительный. Как только человек умирает, то он идёт за реки и горы на том свете к месту, где живут собаки. Вернее – собачьи души. У этих собачьих душ есть свой предводитель – он вроде собачьего бога. Обычная человеческая душа идёт себе к Верхним Людям и надеется на то, что скоро она вновь попадёт на Землю, которую покинула, и круг повторится. Это будет, если только на тот свет человеческую душу пропустят собаки. Как только человеческая душа приходит к месту, где живут собачьи души, их предводитель подаёт клич – предлагает собраться всем псовым душам, с которыми этот человек имел дело на Земле. И эти собачьи души определяют – достоин он быть пропущенным к своим или же не достоин. Если он плохо обращался с собаками и, не приведи Бог, убивал их просто так, то предводитель собачьих душ даёт команду жрать эту душу бесчеловечную. Но надо быть способным съесть, полностью уничтожить человеческую душу. Бог дал силу на это только собаке. И собачки решают, надо ли вновь появляться на Земле собачьему погубителю и мучителю или же признать человека достойным возрождения. Как бы там ни было, на том свете не человек присуждает собаку к смерти, а собака человека. Так что и на том свете собака наделена шаманскими качествами.

А на Земле спиритическими способностями обладают даже не живые собаки, а их части. Если болеешь, то можно изгнать болезнь, намазав лоб кровью жертвенной собаки. А можно порезать собачье ухо и помазаться этой кровью. Если ребёнок болеет, то его надо положить к щенной суке – пусть молочка пососёт. Считается, что тот, кто в детстве собачьего молока не пивал, тот и во взрослом состоянии будет слабоватым. Даже собачий череп обладает волшебными свойствами. Если на море шторм, а дети хотят, чтобы их отец вернулся и не погиб, они должны тихонько взять собачий череп, чтобы никто не видел, втянуть его в кухлянку и под кухлянкой переложить его из рукава в рукав. Потом этот череп надо тихонько же положить на самом выдающемся мысе у посёлка. И тогда дух собаки, которой принадлежал этот череп, пойдёт договариваться с морскими духами, чтобы те пропустили байдару с людьми к ярангам, к родному берегу.

Поистине четырёхногий шаман – охранитель человечества.

- Собаки – мухомора не едят, они без него шаманы, – утверждал Вальгиргин.

Корень жизни

Совсем недавно на первом съезде народов Крайнего Севера представитель удэгейцев сказал, что его народу угрожает страшная опасность – на одной из удэгейских рек какой-то госпромхоз намеревается вести заготовки леса... Если бы только одно предприятие осуществило свои намерения, то целого народа бы не стало...

... Старина Неадига взял меня в тайгу по основательной протекции. Как сам он мне простодушно заявил:

- Как якорь будешь. Как тормоз.

Глядя на его щедушную фигурку, лицо, напоминающее манчжурский орех, тонкие кривоватые ноги, я возразил – дело было давнее, и через двадцать лет я бы так не поступил:

- Уж как-нибудь не отстану!

Старик только усмехнулся. Он, словно пехотинец, накручивал на голени длинные обмотки. Затем он натянул унты и завязал наколенники из брезенто-подобной материи. За обувью последовала короткая куртка, не виданный мною ранее промасленный холщёвый передник. Одевшись, старина неспешно раскрыл кожаную сумку и выложил её содержимое на стол: спички, огниво, кремь и трут – дань прошлому, косточка из ноги кабарги. Он снова сложил всё добро в сумку и также неспешно подпоясался ремнём с двумя ножами. Затем он взял прислонённый к дому длинный посох и пошёл.

Есть что-то значительное в том, как ходят охотники. Старик Неадига пошёл как бы нехотя. Вроде бы нога за ногу. Однако ленивый шаг сразу же за посёлком перешёл в мерную поступь, которая наращивала и наращивала темп. Едва войдя под сень дерев, я был уже в мыле, а у Неадиги, как говорится, даже рубашечка не пропотела. Но это было только начало. Скоро старик свернул с видимой тропы и пошёл по-настоящему. Он шёл и шёл наторенной за его шестьдесят лет дорогой.

- Не сдамся, - решил я, понимая, что попал в историю.

- Ты так сопел, что с дальних гольцов звери бежали, - сказал добродушно Неадига на привале, - хорошо, что не на охоту идём.

Мою амуницию, в самом деле, было впору выжимать.

Неадига снял с головы меховую шапочку, украшенную замечательной вышивкой, снял накидку, которая не позволяет всякому лесному мусору сыпаться за шиворот и за пазуху, и я убедился, что и волосы у него

оставались сухими. Это было вдвойне поучительно – он не вспотел в тайге и в июньскую жару на ходу.

Вспотел он после первой кружки чая. И потом долго и с удовольствием потел, пока не опустел чайник. Тогда старик вылил остатки воды в огонь затухающего костра. Я перемешал угли с землёй на кострище, придавив их дерновыми пластинами. Место для костра было испытанное. Старик не просто разжёл огонь на новом месте – нашёл старое кострище. Он сгрёб из-под внушительного дерева старый, прошлогодний лапник, уже послуживший периной кому-то, сложил его аккуратно, поломав палочки для костра на завтра, и принялся за сооружение нового ночлега. Видимо, он этой спальней пользовался не раз.

- Давай, спи, - велел он мне, - завтра рано пойдём.

Ровно пятьдесят лет тому назад на лесное урочище, где тогда жил отец Неадиги, приехал известный шаман Никифор Кья.

- Весть получил, - сказал престарелый волшебник отцу Неадиги после обязательного угощения. – Твой сын шаманом будет...

- Я тоже такую весть получил, - скромно ответил отец... - Уже давно, когда мальчик маленький был...

Десятилетнему Неадиге это не показалось новостью. Он знал, что у него был очень большим шаманом дедушка с отцовской стороны. Тот, по рассказам родственников, мог запросто говорить с великим пращуром шаманов Хамбаба, мака которого хранилась спрятанной в доме отца Неадиги. Мальчик иногда брал её тайком и рассматривал.

Сам хамбаба говорил деду, как её вырезать из тополевого дерева и как её раскрашивать.

Мальчика всегда тянуло к доброму и мудрому дедушке, который всё время возился с внуком. Родители меньше имели дело с сыном, чем дед.

Когда дед решил уйти в земли небесной охоты, то он сказал, что внучек должен забрать все его шаманские вещи и эту маску, и бубен, и шаманскую одежду, и разные *сэвоки* – священные предметы. Он сказал, что другой живой шаман сам получит известие от Хамбабы о том, что мальчик готов стать шаманом. И тогда всё это будет его.

Это время пришло.

Никифор Кья целую ночь камлал в кругу мужчин, ходил к Хамбабе и к Владыкам трёх миров, чтобы попросить их принять нового шамана. Он отправился сначала в Нижний мир «Хэги ужа ба», который состоит из трёх частей. В самую нижнюю «Кэнгма оэни» он и не пытался попасть. Там не бывал ни один шаман. Там в этой кромешности творится то, что не доступно человеческому пониманию. Даже самый сильный шаман не может туда заглянуть. Для самого сильного шамана опасен даже *Докини оэно* – средняя ступень Нижнего мира. Здесь живут духи-людоеды. Люди для них – такая же дичь, как и лесные звери для людей охотников. Если в этот средний уровень Нижнего мира не поступит достаточно покойников, то духи-людоеды от

голода выходят наружу. Шаманы стараются, чтобы люди как можно меньше попадали в этот Нижний мир, и людоеды поэтому голодают. Если же они вырываются наружу, то берегись! Эти духи заманивают людей к себе. Они строят такие козни, что простым смертным и не понять их. Только очень прозорливые и сильные шаманы могут увидеть их и отогнать. Самому же шаману опасно ходить в *Докини* – уж очень много у них врагов там. Но и перед посвящением нового смелые шаманы ходят туда – пусть от них останется только человеческий запах, который покажет людоедам, что с человеком нельзя обращаться, как с простой дичью.

Верхняя часть Нижнего мира называлась *Бунига*. Через неё проходили уже толстые корни огромного миртового дерева, вершина которого достаёт до неба. Здесь находились души умерших людей. Для шамана здесь был, можно сказать, родной мир. Там светло от гнилушек, а не от солнца. Если на Земле день, то в *Бунига* ночь. Люди там живут всё же лучше, чем в этом скорбном мире. Там о них заботится хозяйка – старуха в халате из рыбьей кожи. У неё есть верный пёс, охраняющий дыру, через которую смертные входят в этот мир. Шаманы могут и выйти оттуда. А для остальных вход только в одну сторону. Шаман и должен проводить каждую душу до этой дыры и представить её старой хозяйке. Та и пропустит душу в свои владения, а собака присмотрит, чтобы душа не попробовала улизнуть обратно. Если же душа сама пойдёт этой дорогой, то шаман может ещё повернуть её шаги назад, на Среднюю Землю.

Хозяйка Преисподней давала шаману шкурки всех зверей, которых люди добывали в тайге. Она давала, конечно, души этих шкурок. Старина Кья половину ночи скитался среди душ предков и долго уговаривался с Хозяйкой о том, что он скоро придёт к ней с новым человеком... На этой земле шаман сходил только к главному Богу – Великой Владычице *Гула азани бик*. Это она – Великая Дарительница даёт людям и лосей, и соболей, и рыбу, и съедобные корни. С Земными Богами у мальчика впереди целая жизнь. Он сам должен будет подружиться с многими духами и некоторых сделать своими помощниками. На то он и шаман.

А самое трудное путешествие совершил Никифор Кья к Верхним Богам в Верхний мир – *Угу буга*. Здесь было совсем по-другому. Здесь тоже жили души. Но они помогали людям как могли. Эти души жили совсем как люди. Они и охотились в небесном лесу – добывали души животных, которые есть на Земле. Они помогали и земным людям жить на своей плоскости, с которой небо соединяют не оторвавшиеся во время разделения Вселенной корни. У них была и вершина Великого дерева *Сама ту*, которое растёт из Преисподней прямо в небо. Этих Небесных Богов шаман тоже просил быть добрыми к мальчику, которого скоро приведёт.

Неадига сидел в совершенно тёмном домике и слушал непонятное пение шамана, пока не уснул, и проснулся только утром, когда все уже ушли, а старик на лежанке вяло жевал рыбу.

- Проснулся уже, - сказал он, когда Неадига открыл глаза. – Ты сегодня никуда не ходи, а то завтра я тебе силу передавать буду...

... Неадига проснулся внезапно. Было ещё совсем темно. Родное жильё, полуземлянка *туэдэя*, тонула в полумраке и только огонь в *топти* - очаге весело потрескивал, выбрасывая языки пламени, которые на мгновения выгоняли тьму из углов. Отец и гость что-то мирно говорили, невидимые, у входа в землянку. Отец постучал чем-то старику шаману. Тот засмеялся в ответ и приоткрыл дверь – раму, обтянутую кожей. Мальчик нежился на лежанке *канна* и ощущал, как тепло охватывает нары. Тёплый дым из очага шёл по толстым деревянным трубам под всеми лежанками и отводился из жилья уже холодным. Эти трубы ещё дедушка делал. Прокопченные, они могли служить многим поколениям без замены. Дедушка не ленился сотворить такое отопление. Другие люди, беспечные по своей натуре, выпускали дым прямо через дыру в крыше. Что же – им меньше работать и легче жить. Дедушка всегда говорил, что сделанное никогда не пропадает. Даже если оно и не пригодится сейчас.

- Вставай, сынок, - сказал отец, заходя в *туэдзю*. – Скоро солнце вставать будет.

Мальчишка побрёл наружу. Он помочился возле старой колоды. Река казалась чёрной. Её одевал предутренний вязкий туман. Он слоился на воде и растекался во все овраги и овражки ручьёв, впадающих в реку.

Сильно плеснула какая-то большая рыба, и тут же прокричал маленький сычик.

Дедушка говорил, что маленький сычик всегда кричит к добру.

- Есть хочу, - сказал он матери, войдя в жильё.

- Нельзя, сынок, - зашептала мать, глядя его по голове и лицу.

Мальчику показалось, что она плачет. Необычность происходящего уже вселилась в него. Он не спросил её, почему она плачет, а снова пошёл наружу.

- Вот, сюда садись, - велел ему Кья, показав ему на обрубок бревна, установленного вертикально. Сам он сел на обрубок бревна меньшей высоты, поставленный рядом.

- На солнце смотри, - учил он. – Смотри, не щурься. Тебе сегодня долго придётся на него смотреть, пока оно не уйдёт с неба.

Мальчишка почувствовал, как по его телу прошёл озноб. Зубы застучали сами по себе. Но он скрепился. Десять зим – большой срок для мужчины. Надо терпеть.

Он уселся лицом на восток и стал смотреть на восход широко раскрытыми глазами.

Багрово красный диск сначала высунул лишь кипящий край. Смотреть на него было вполне возможно. Мальчик почувствовал на своём затылке лёгкое дуновение. Это старина Кья дул ему на голову. Он дул и мерно бил колотушкой в бубен. Это дуновение успокоило мальчика и как-то отвлекло его от света. Глазам становилось всё нестерпимее и нестерпимее. Он хотел

сказать, что больно, но старик положил ему на плечи руки, и маленький человек сдержался, перетерпел.

Он смотрел и смотрел на солнце, и голова его сама обращала лицо кверху, как дневной цветок. Время для него остановилось, и он перестал различать светило. Ему казалось, что уносится волнами света всё вверх и вверх. Рядом оказался старикашка Кья, который выглядел совсем не как вросший в землю сухой гриб, а как молодой, сильный воин-охотник с золотым копьём и в богатой одежде. Он молча вёл мальчика за руку по прямой дороге, подобно той, что оставляет луна на спокойной воде. Мальчик знал, что это – так надо и шёл за ним, не чуя усталости. Он уже сам знал, что они идут к небесной дыре, через которую им надо попасть в Верхний Мир. Неадига с Кья шли и шли, двигаясь за поднимающимся светом. Их путь становился всё круче и круче. А вот и вход! Это вход был как дверь в землянке – за ней светился золотовато-голубой мир.

Кья уверенно переступил грань двух миров, и мальчик шагнул за ним. Мальчик сам нашёл название этой волшебной двери – *Нянгня сагани*.

- Пойдём на луну, - сказал Кья.

- Пойдём! – радостно отозвался мальчишка.

Он и не заметил, как они припустились охотничьим загонным бегом в сторону светлого острова, который желтел подобно песчаной тверди посреди солнечной реки. Островок оказался небольшим. Глаза видели его края, и мальчик ощущал, что кроме них здесь есть кто-то ещё.

- Пошли вниз, - приказал Кья, и они снова сбежали в Верхний Мир.

- Вот я нового шамана привёл, - громко возгласил Кья, встав с мальчиком на солнечном потоке.

- Пусть будет ему удача, - прошелестело со всех сторон. – Пусть приходит в Верхний Мир...

Мальчику почудилось, что он уже увидел кого-то. Он увидел кого-то светлого и неуловимого, и на него снизошло радостное спокойствие, уверенность.

- Пусть у вас всегда будет радость, прошептал он слова своего деда, который говорил их часто во сне. Значит, это он с духами виделся...

- Сильный шаман будет, - зашелестело вокруг. – Сильный шаман, сильный шаман...

- Сильный шаман будет, - услышал он над собой старческий голос Никифора Кья...

- Умаялся, - последовал озабоченный голос отца.

И тут мальчик почувствовал на себе родные руки матери. Она осторожно положила его на канн и прикрыла своим халатом...

- Вставай, сынок, пора! – Вывел его из сна голос отца.

Мальчишка пробудился и увидел, что в землянке, как и вчера, темно и только родной очаг поёт свою светлую песню.

Всё тело парня болело. Он сел на канн и почувствовал, что у него кружится голова.

- Дай пить, - попросил он.

Мать метнулась от очага и поднесла большой деревянный ковш с ледяной водой – только что принесли, видно.

Он поднялся и побрёл на подгибающихся ногах наружу. Он, как и вчера, помочился у колоды и машинально пошёл к тому месту, где его вчера посвящали в кудесники.

Старик Кья был уже на своём месте. Он дымил маленькой трубочкой, которую поспешно убрал, когда мальчик подошёл и взобрался на своё высокое сиденье.

Мальчишка сам повернулся на восток и сам поднял голову в сторону восходящего светила.

Он опять почувствовал, что старый шаман настойчиво дует ему на макушку и в него, как будто неведомые силы вливаются.

Солнце едва показалось, как в его лучах показалась добрая весёлая фигурка. *Пузя ани!* – сразу же догадался мальчик. – «Мать Огонь!» Она и раньше являлась ему во сне, а случалось, и мелькала наяву в кострах. Он просто не знал твёрдо, что это – *Пузя ани*. Мальчишка с первых шагов чувствовал, что *Пузя ани* живёт в родном очаге. Он не стал бы никогда грубо ворошить головешки или же бить огонь. Это был тяжкий грех. Он знал, что *Пузя ани* прячется и в муравейниках, и в гнилых деревьях. Он и раньше, совсем маленьким, когда его послали принести гнилушек, всегда просил Огонь-мать выйти из своего убежища. Мальчишка знал, что собаками *Пузя ани* являются дикие кабаны и никогда не говорил о них плохо. Мальчик знал, что если у кого-нибудь гноятся глаза – это мстит за неуважение *Пузя ани*. Этот человек должен поймать ленка, принести в жертву огню его глаза и смазать его жиром свои собственные. Так можно было отвести гнев *Пузя ани*.

- Хорошей тебе охоты, молодой охотник, - сказала *Пузя ани* и растворилась в свете, а возле мальчишки опять оказался молодой и сильный Кья.

- Пойдём к Онку, - сказал он сурово, и мальчишка вложил свою руку в его ладонь.

Они, как вчера, понеслись вверх и вверх в горы. Под ногами у них струились каменистые осыпи и неровные тропы. Они шли всё выше и выше к облакам и остановились на большой высоте, с которой были видны и могучие каменные хребты, и бесконечные леса.

Онку оказался нестарым ещё мужчиной. Он был, как и полагается охотнику-промысловику, с копьём и луком. Он молча махнул рукой и исчез в лесном мареве, а оттуда появилась женщина. Старая, с милым морщинистым лицом женщина. *Тагу мама!* – догадался мальчик. Великая женщина Восточной стороны, которая посылает на Землю всех зверей.

- Слушайся, *Гула азани*, – сказала строго *Тагу мама* и протянула молодому шаману три связанные между собой ивовые веточки с человеческими личиками на концах.

- «Слушайся *Гула азани*», – повторил эти слова целый хор, в котором молодой шаман различил голоса *Мамаса давани* – Великой Владычицы кеты *Ринхи* – Великой Богини Воды, *Сугля азани* – Хозяина всех водяных животных и рыб и ещё многих Богов, которых он уже знал чудесным образом, хотя и не ведал их имён.

- Пойдём на места *Халенгу*, покажем тебя нашим духам, - сказал Кья.

И опять они неслись по лесам и горам, останавливаясь в различных урочищах, где разные волшебные люди говорили с ними и давали им что-то.

Но что говорили и что давали – мальчик так и не запомнил. Потом эти слова приходили к нему всю его долгую жизнь.

- Третий день не ел, - услышал он голос матери над собой.

- О нём уже духи заботятся, - прервал её старина Кья...

- Вставай, сынок, - сказал отец мальчику, как всегда.

Третий день оказался самым тяжёлым.

Высокий пень с самого начала показался орудием пытки. Тело само одеревенело, и мальчишка делал отчаянные усилия, чтобы не расслабиться и не свалиться со своего шаманского трона. Он так мучился некоторое время, пока старый Кья не уселся сзади и не стал дуть ему в голову. Постепенно боль ушла, силы обрелись и, как только солнце высунуло свой лик из-за края Земли, произошло что-то странное. Именно в этот момент в глазах мальчишки наступила тьма. Не та крошечная тьма, которая бывает, когда попадаешь в каменный мешок, а просто тьма, сквозь которую видишь как сквозь воздух.

Кья оказался рядом уже совсем другим. Он был суров и напряжён.

- Вниз пойдём, - сказал он и сам взял мальчика за руку.

Вниз они шагали мерно, не поспешая. Шли всё в каких-то сумерках и по сырой дороге. По лицам их иногда проезжались чьи-то сырые хвосты, и слышался непонятный шёпот. Но не весёлый и добрый – злой шёпот. Ветки гнилых деревьев иногда выплывали из мрака, светясь гнилыми местами. Они так и шли, пока не увидели чёрную дыру.

- Стой здесь, - сказал шаман Кья и ушёл в дыру. Мальчик послушно стоял и набирал в своё сердце смелости. Он не боялся ни этой темноты, ни сырости, ни подлого шёпота. Он уже знал, что это тоже жизнь, но совсем другая, чем под светом.

Кья появился вместе со старушкой. Неопрятный рыбьей кожи халат, невесёлая собака. Вот все впечатления, которые остались от неё.

- Это *Бунига ама*, - сказал Кья. – Будешь к ней приводить души покойных и совершать обряд *ханай наухути*. Когда станешь шаманить, чтобы встретить предков, то исполнишь *сансу асани*...

Мальчик всё это уже знал сам, прежде чем сказал Кья. Женщина приветливо покивала и сказала:

- Молодой ещё, чтобы в Бунига и Докини ходить...

- Молодой ещё, чтобы в Бунига – Землю Мёртвых ходить, - сказал старый шаман Кья, укладывая почти бесчувственного мальчишку на кан.

- Пускай теперь выспится хорошенько...

Так Неадига стал *ниса самани* – «маленький шаман». Старый Кья оставил ему маленькую колотушку и маленький бубен, чтобы мальчик каждый день брал их в руки и ходил к разным духам. Лет в двадцать Неадига стал уже сильным шаманом. Тогда ему дали люди *сама унгу* – «большой бубен». И Неадига сам проводил душу Кья в Бунига...

В этот бубен уже старый Неадига бил и накануне похода целый день. Общался с *Тагу мама* – Родительницей всей благодати, просил у неё корень жизни...

Старик рассказывал мне всё это, устраивая утром жертвенник возле пихты, у которой мы спали.

Он сделал на дереве треугольную зарубку.

- Это *ниу* называется – такой священный знак, - пояснил он.

У комля могучего дерева старик сложил в кучку листья багульника и сжёг их. Потом он поискал в траве и принёс две круглоголовых человекоподобных фигуры из деревянных стволиков и установил их на срубленное дерево. Он опять сжёг перед ними душистые листья багульника и произнёс множество заклинаний, смысл которых не стал мне переводить. Потом он вырезал из тальника семь остроголовых фигурок без рук и ног, лицо которых изображали два плоских среза. Он установил их перед старшими двумя и стал «кормить» их – мазать принесённым с собой жирным мясом.

- Великое Небо, - бормотал старик. – Не давай меня болезням-духам, дай мне силы найти корень жизни. Пошли мне то, что я прошу.

Потом мы опять шли, как мне показалось, очень долго, пока не достигли места, где выходили голые утёсы.

- Обедать будем, - велел старый Неадига.

Я спроворил чай и разогрел консервы. Старый всё время как-то тревожно озирался и присматривался к ближним предметам. После еды он сказал:

- Надо Онку просить, чтобы помогал...

Он стал ходить от дерева к дереву, высматривая что-то. Наконец, он выбрал одну ровную, гладкую лесину и стал маленьким ножом резать по коре – вырезал Солнце. Он трудился долго и старательно. После Солнца старый вырезал на коре Луну. Изображения он окурил опять багульником и сложил прямо возле скалы немного еды, спички, серебряные монеты, пару малокалиберных патронов моей винтовки, табак и новые красивые тряпочки.

- Пусть это Онку дар будет, – проворчал он в ответ на мой вопросительный взгляд.

Мы ещё сидели возле жертвенника, и опять старик жёг багульник и тянул свои таинственные песни.

- Вот, - говорил Неадига, – как умру и стану тополем на этой Земле...

- Только ты станешь тополем, или все превращаются в тополя?

- Мужчины превращаются в тополя, а женщины в берёзы... Тело станет тополем, а душа уйдёт в Землю Мёртвых... Как стану тополем, то сначала буду *кулу* – молодой, до года, а потом буду *селихе* до трёх лет, а потом буду *сагди кулу* до пяти лет, а после пяти лет я стану *амигдя*, и из меня сделают лодку... А ты приедешь, сядешь в эту лодку и скажешь:

- Неадига, вези меня к Онку...

А я тебе прямо в ум отвечу:

- Сначала ты меня покорми священным дымом. И ты тогда зажги багульник и покорми лодку дымом.

На нужное место мы пришли только к вечеру следующего дня. Неадига точно вышел к месту своей традиционной стоянки и сказал:

- Палатку ставь!

Я к этому времени окончательно смирился с ролью подсобника и принялся расчехлять груз и ставить палатку. Старик теперь напоминал крадущегося по следу детектива. Он медленно передвигался по обширной поляне, встречными галсами прочёсывая её. Он шёл осторожно, раздвигая перед собой палкой высокую траву. Он искал не наудачу. Он искал в определённом месте. Наконец, он остановился и медленно опустился на колени перед чем-то, невидимым мне.

Я прыжками помчался к этому месту, пока тихий окрик старика не убавил мне прыти.

- Тихо иди! – велел старик. – *Олондо* здесь!

Олондо – это жень-шень.

Легендарное *олондо* выглядело весьма скромно. Зонтик с красненькими ягодками, несколько резных листочков на стебле.

Старик молча пересчитал мне листочки. Пять. Я знал, что это очень хороший корень. Молодым считается корень с тремя листочками. Корнёвщики обычно расчищают вокруг стебля хвою и листья, и по морщинам на коже корня определяют, стоит ли его брать. А если пять – то это очень хороший корень, который получит своё индивидуальное имя. Неадига, видно, нашёл корень, который он сам себе и оставлял с прошлых разов. Видимо, у старика глаз лёгкий. Многие считают, что из-за «плохого» глаза корень перестаёт расти. С жень-шенем местное население погорячилось ещё в прошлом веке. Не столько удэге, сколько различные пришельцы, главным образом, с китайской стороны, брали всё напропалую. Теперь с корнем туго. Неадига явно привёл меня на свою потаённую плантацию...

Старик медленно склонился над растением и забрал в рот зонтик с ягодками. Он долго катал их во рту, обсасывая мякоть, а потом на четыре стороны выплюнул семена. Посеял.

Процедура раскапывания корня требует терпения поистине стариковского. Неадига вынул кабарожью косточку и принялся за рытьё.

Каждое движение его было как в замедленном кино. Он медленно, нежно «проходил» каждую мочку корня, которая тянулась далеко от него самого.

- Мужчина, - сказал он, наконец, определив пол находки.

В тот день он так и не ел. Копал и копал. Потом снял кору с ближайшей лесины и смастерил из неё коробку. В коробку наложил мха и только тогда поплёлся пить со мной чай.

- Раньше грех считался – чужому *олондо* показывать, – рассказывал он за чаем... - Раньше вообще никому нельзя было про травы рассказывать...

Так оно и было. Исследователи этнографии удэге говорили, что те знали более трёх десятков лечебных трав. Жизнь научила их скрывать свои знания. И сейчас тайга даёт удэгейцам черемшу, дикий лук, дикий чеснок, корни папоротника, стебли белокопытника, недотрогу, мяту, корни дикой лилии, подорожник, кровохлёбку, тысячелистник, жимолость, голубику, красную смородину, бруснику, клюкву, черёмуху, боярышник, шиповник, корни бубунчика трёхконечного, платикадона крупноцветного, дудника медвежьего, калину, лимонник и множество другого, о чём этнографы ещё не знают. Это только всяким приبلудным кажется, что тайга ничья. Для удэге тайга – всё равно, что родимый сад или огород для крестьянина. Это и надо уяснить всем, кто желает «взять тайгу». У тайги есть хозяин. И мне и в голову не приходит осудить тех удэге, которые с оружием в руках не пропустили госпромхозовцев. И какими же варварами предстают все эти люди. Хуже, чем варварами.

Не доходя до посёлка совсем немного, старик резко свернул в сторону и стал ломиться в чащу. Я неотступно продирался за ним, недоумевая.

Скоро Неадига выбрался на поляну, где стояло старое, высокое красивое дерево – пихта. Дерево само по себе выделилось на фоне чащобы. Оно обладало собственной красотой, индивидуальностью. Старик встал перед ним на колени и стал глубоко кланяться.

До чего же общие у всех народов повадки. У христиан – на колени и кланяться, у буддистов – на колени и кланяться, у мусульман – на колени и кланяться. Что это? Почему это? У шаманов – на колени и кланяться...

Неадига тем временем встал. Только тут я заметил на дереве, прямо под нижними ветвями, изображение лика. Лик был рукотворный. Кто-то давным-давно сделал на приметном дереве затёс – уплощил маленькое пространство и по нему уже вырезал человекоподобное лицо... Но человекоподобное ли? У всех зверей есть и глаза, и нос, и рот, и щёки, и лоб... Старый маг просто придал дереву, представителю царства растений – *мо* - черты, присущие представителям царства зверей – *буи*, к которым, бесспорно, относится и человек.

Это было священное дерево. Раньше такие деревья открыто стояли возле каждого посёлка, и люди могли подле них совершать благодарственные молебствия. Теперь же это дерево потому и сохранилось, что стояло в чаще, далековато от ретивых последователей новой религии.

Неадига тем временем достал из травы заструганную жердь. Она. Видимо, давненько попадала в руки старика. Была основательно затёрта и засалена. На верхушке этого шеста был расщеп – шест делился на три части.

Шаман поискал между корнями дерева и вынул плоский камень со следами огня – маленько закопченный и покрытый жировыми потёками. Жертвенный камень.

Старик вставил этот камень в расщеп и сложил на нём небольшой костерок из веточек всё того же священного багульника. Он уложил в костерок кусочки мяса и жира, зажёг его и поднял шест высоко, к лику на дереве. Старик укрепил шест между лежащими специально на земле большими камнями так, что дым от подношений шёл прямо на лик.

Шаман сделал классический *кямбуха* – жертвенник.

Именно так поколения таёжных охотников благодарили Великую *Тагу мама* за милость, оказанную им – за посланных зверей, за найденные корни, за пойманную рыбу.

Теперь *кямбуха* будет так и стоять перед священным деревом, пока время не повалит шест в траву. Это значит, что *Тагу мама* приняла жертву и сама сбросила души животных, которые попадутся охотнику, на Землю...

Неадига всё делал по правилам.

Я походил вокруг священного дерева, поспотыкался о другие жерди, припрятанные в траве, возле которых лежали и камни для жертвенников – *золо*, и убедился, что не только один старый шаман чтит исконные обычаи. Видно, и другие охотники благодарили *Тагу мама* за выполнение производственного плана.

- А почему дереву кланяются? – спросил я наивно.

- Так всегда было, - ответил, не задумываясь, старик.

- Почему же не подпрыгивают и не катаются по Земле? – продолжал я приставать.

Старик задумался и сокрушённо покачал головой.

Я просто валял дурака. Я хотел из уст старого философа услышать объяснение и коленам на земле, и поклонам. Я хотел знать точку зрения *эдэхэ*. Сам-то я уже знал, почему так молятся, от *нганасан*.

По *нганасанским* воззрениям, становление на колени и поклоны связаны с общими конструктивными особенностями Вселенной и нас, грешников, как ничтожной её части. По *нганасанским* представлениям, Солнце, свет, движение, весь Верхний мир являются сосредоточением силы, качества, которое можно условно назвать разум. Разумом обладают все, которых мы считаем и живыми, и неживыми. Разум есть и у камня, и у человека, и у собаки, тем более. Разум – это сила, которая исходит сверху, из Верхнего мира. Люди потому и способны постичь Верхний и прочие миры, так как обладают частью этой силы, которая и дарована им богами Верхнего мира. Эта сила сродни той, что называется у некоторых народов душой. Человек думает умом, а душой он всё чувствует – заранее знает. *Нганасаны*

считают, что разум не разделяется на мысли и чувства. Они считают, что это качество просто есть у каждого.

По-нганасански, небо – *нгуо*, шаман – *нго*, разум – *нга* и так можно писать длинный ряд одних и тех же слов, которые будут означать «верх», «ум», «шаман», «Бог», «дух» и далее так же. Старые люди считали, что это качество и способность постигать явления и входить в контакт со всеми мирами всё же сосредоточено у человека в верхней части туловища и в голове, главным образом. Обычно мне старики говорили: отруби ногу – человек живёт и думает, отруби руку – то же самое, и так далее, и тому подобное. А оторви голову – *балтэ!* – «Все!» Значит, у живого человека разум дислоцируется преимущественно в голове. Злые языки добавляли, что у отдельных особ – гораздо ниже.

А на этой Земле живёт человек всем тем, что этой же Земле принадлежит – телом. А что такое тело? Вверху – жильё разума. А выше подпорок – ног – имеется как раз то, что и определяет повторяемость человека. Поэтому, если ты попросишь у земных сил помощи, внимания и любви, то приблизь все эти части к Матери-Земле как можно ближе. Встань на колени и опусти свой множительный аппарат поближе к родительнице всего живого. Отдайся, так сказать, в волю божью. Тут можно много порассуждать и аналогий со всякими представлениями тут можно отыскать множество. Нганасаны мне называли основное, говоря, что когда человек на коленях кланяется, он открывает все отверстия в теле перед ликом Матери земли. Наганасанские старухи говаривали, что в такой позе надлежит просить *Моу-нямы* – Землю-Мать о даровании детей...

А поклоны – дело простое. Человек должен приблизить к Земле своё хранилище этого самого разума к телу Матери-Земли, чтобы ей были ближе и доступнее эти самые мысли и желания.

Голова действительно находится далековато от Земли, когда человек стоит, а когда он опускается на половину роста, да ещё кланяется – в самый раз. Старики-нганасаны в этих действиях ничего унижительного не видели. В самом деле, если ты хочешь доверительно с кем-нибудь поговорить, не будешь же орать ему издалека, а подойдёшь поближе.

- Это не зря люди на коленки становятся, - молвил, наконец задумчиво старик Неадига, - и кланяются они не зря... У человека ум где сидит? В голове. А голова – самая дальняя от Земли...

- Слава богам! У удэхэ такая же логика, как и у других шаманских людей, как и у тех, кто потерял шаманство и уже не знает, почему он становится на колени и кланяется.

Удэгейцы являются потомками древнейшего населения, жившего в верховьях реки Уссури и её притоках. Удэге говорят на языке тунгусо-маньчжурской языковой группы. По численности они делятся между Приморским и Хабаровским краем на две равные части. По переписи 1989 года обнаружилось 1902 человека удэхэ. По переписи 1979 года их было

1551 человек. Прирост большой. Прирост удэхе – крайне отрадное явление. Этот народ имел очень нелёгкую историю. Южный сосед удэхе – китайцы относились к ним, как к дикарям, а к их имуществу, как к своей законной добыче. Фольклор удэхе полон сведений о постоянных утеснениях *та-тзы* – «рыбокожих» инородцев со стороны китайских чиновников и различного рода искателей приключений, грабивших людей с особенной жестокостью.

- Раньше здесь *хунхузы* были, - рассказывает Неадига. – Мне ещё мой отец рассказывал... Мы тогда только в посёлке Гвасюги поселились... Прибежал один человек из тайги и говорит: «Скорее пусть все женщины на старые рыбалки прячутся. Пусть детей с собой возьмут... Пусть всю еду в реку выкинут, чтобы пропала, а все меха попрятют. Сюда *хунхузы* идут с южной стороны. Всего двадцать человек...»

Тогда один такой хвастливый человек был, он говорит: «Зачем прятаться, как трусливым мышам? Если эти люди будут нас обижать, то как будто у нас ни ножей, ни копий нет! Защитимся как-нибудь!»

Другие то мужчины в это время на промысле были. Одни женщины почти оставались. Послушались его.

Уже вечером пришли эти люди. Этого самого советчика позвали и спрашивают: «А где остальные мужчины?»

Тот испугался, отвечает: «Они скоро с охоты придут». Тогда эти *хунхузы* стали всех подряд грабить. Заходили к людям и всё обыскивали. Все меха, что были заготовлены на продажу, забрали. Одних соболей несколько мешков взяли. Потом стали лодки юколой нагружать и другой рыбой. С собой молодых девчонок взяли, а этого человека, который оставаться велел, с двух сторон ножами проткнули. Который из тайги прибежал – тот их впереди на перекате встретил и сколько-то застрелил из ружья, а одного на берегу топором зарубил. Его тоже убили. Вот такие раньше *хунхузы* были.

Сейчас имеется восемь группировок удэхе по числу колхозов: Самаринская, Приморская, Хорская, Анюйская, две Бикинских, Большеуссурийская и Хунгарийская. Названия группировок – по рекам. Удэгейские реки и уголья – общегосударственная ценность. Тайга ещё даёт людям мясо – оленей, лосей, изюбров, кабанов, косуль и кабарожек, рыбу – кету, горбушу, тайменя, ленка, хариуса и других, боровую дичь – рябчиков и тетеревов и ценнейших пушных зверей – соболя, горностая, колонка, выдру... У удэге ещё действуют старинные обычаи, по которым охотник никогда не бьёт зверя больше нормы, которая нужна для пропитания семьи.

Тайга может дать много больше, чем сейчас, когда из неё качают только доход от пушного сырья. Всё, что съедобно, в тайге выбирается далеко не полностью. А в наши дни таёжная пища всё более и более ценится. Она не отравлена химией, экологически чиста. Эта таёжная еда может стать спасением для людей, пострадавших от цивилизации. И историческая миссия удэге – быть хранителем этой земли. У них и законы к этому приспособлены. Старые удэге до сих пор считают, что Земля – это священное животное. Её

никто не вздумает ругать или колоть копьём. Удэгеец не разожжёт костёр на новом месте и не возьмёт лишней ветки для костра. Тигр и медведь и поныне считаются священными животными. И если бы к ним все так относились, как удэхе, то не надо было бы заносить тигра в Красную книгу.

Языковеды считают, что само название «удэхе» произошло от китайского слова, означающее «дикарь». В наши дни критерием оценки развития национальной культуры является экологическая грамотность людей. В этом отношении удэге, как и другие охотничьи народы, стоят на недосягаемой для «цивилизованных обществ» высоте.

Старый Неадига покинул этот свет для небесной охоты уже лет двадцать тому назад. Его сородичи одели его в «новую смертную» одежду, быстро выдолбили гроб в виде лодки, положили туда охотника, вместе с ним положили всё, что ему было нужно в этом мире. Только все вещи сломали – выпустили из них души. Лодку – колоду установили на высокий пень. Рядом разожгли костёр и «покормили» огонь. Брат покойника заколол палкой любимую собаку Неадиги, чтобы и она пошла с хозяином в загробный мир.

Через год пришли на это место и поместили в шалашик куклу, которая целый год была вместилищем души старика.

И теперь его душа, как верили удэге, будет жить ещё одну жизнь в загробном мире где-то на западе, потом она пройдёт через муки вечного мрака в страшном нижнем мире. Оттуда её достанет великая старуха *Тагу мама*, которая выходит её и снова отправит на землю, только сменит ей пол.

Через сколько-то лет, мне говорили, родственник Неадиги, шаман отправился было в *бунига* – Землю Мёртвых, чтобы спросить у Неадиги, не надо ли чего-нибудь? Если что надо, то добро передавали на тот свет в виде жертвы. Он, однако, не нашёл уже там родича. Неадига уже ушёл в Верхний Мир, на небо, где живут до времени души тех, кто делал людям на Земле добро. Там и лес побогаче, и охота получше, чем на Земле. Шаман сходил и наверх, через дыру в небе, которая ведёт на дорогу к Луне и Солнцу. Шаману сказали добрые люди, что неадига скоро появится в этом мире. «Эх, - подумалось мне, - не дай Бог, чтобы какой-нибудь леспромхоз лишил такого человека родины на этом свете».

Свадьба по-бурятски

Братьев Басаевых всего было четверо. Старший, Муши, погиб в прошлой войне, где-то под Будапештом. Древние монголы считали, что для мужчины – счастье умереть воином. Всё-таки Муши увидел европейскую землю дальних родственников. Известно, что венгры – потомки гуннов, а бурят-монголы – дальняя родня гуннам. Следующий за ним, Хоца, ныне

кочевал на летних пастбищах, как и его предки, правда, с колхозным стадом. Третий брат, Доржи, сидел сейчас рядом со мной, а самый младший – Вася стоял перед нами, держа в руках гербарную папку. По-правильному, его теперь звали не Вася, а Далба. Русское имя он получил от отца при рождении, а монгольское, когда давал монашеский обет. Длинные тонкие пальцы Далбы, его неправдоподобно бесстрастное лицо не выдавало душевных движений. А он был обязан волноваться.

- Нет, я не поеду на эту свадьбу, - смиренно, но твёрдо повторил Далба.

- Где это говорится, что ламы не могут бывать на свадьбах своих родственников, - горячился Доржи... Ведь это Эрдэни женится, единственный сын твоего брата.

Я не могу сейчас оставить дацан, - возразил Далба, - через два дня у нас большое молебствие – тахил, на котором я обязан быть. Меня не отпустят...

- А пусть он скажет, что тебе нужно вместе с ним в экспедицию ехать, - показал на меня рукой Доржи.

Я был бы не против. Дело в том, что я завернул в бурятский ламаистский монастырь, чтобы выяснить у Далбы значение трав, известных тунгусам.

Тунгусы жили вокруг Байкала ещё до бурят, как утверждают археологи. Казалось, что они должны знать флору своей земли досконально. Однако мясоеды-тунгусы, великие таёжные работники, травы постигали мало. Это всё выяснилось, когда в Бурятском филиале Академии наук стали изучать народную медицину. У бурят бытовала тибетская наука врачевания, да ещё знали ещё кое-что своё. Я уж не скажу, почему Далба пошёл в ламы, но что к этому было примешано увлечение медициной – точно. Я под руководством забайкальских тунгусов собрал гербарий, а под руководством Далбы описывал свойства растений, как их понимали коренные байкальцы. Тунгусы и буряты издревле жили здесь по-братски, имели общие святилища, как, например, на острове Ольхон, и были натуральными шаманистами. Буряты в этом отношении отличались от тунгусов тем, что приняли и ламаизм. Ламаизм здесь также мирно ужился с шаманизмом. Кое-какие шаманские духи даже перекочевали в ламаистский пантеон, и истые шаманы усвоили от лам кое-какие приёмы общения с духами. Далба счастливо сочетал в себе и шаманские знания предков, и утончённую культуру Тибета. Я просил настоятеля, чтобы он отпустил его вместе со мной в поездку на тунгусские стойбища и тот мне обещал...

- Пусть Юра скажет, что надо ехать сейчас, - настаивал Доржи.

- Мне можно будет поехать после общего молебствия, - произнёс его брат. – произнёс его брат. – Ко мне сотни людей приедут за советом. Многие ждали своего отпуска – целый год... Может быть, перенести свадьбу на три дня?

- Нельзя, - отрезал Доржи. – Невесте тогда исполнится двадцать.

Это был серьёзный довод. У бурят до сих пор считается, что девушку можно брать замуж до двадцати или после двадцати четырёх. В промежутке

– брак не будет счастливым. В это время, как полагают, у девушки ломается характер, и она, вроде бы, не будет пригодна для совместной жизни. Справедливость этого наблюдения мне подтверждали даже местные русские, так называемые «семейские». «Семейские» - это староверы, убежавшие из России чуть ли не два столетия назад, побродившие по северной Азии вдосталь и пленившиеся местными условиями. Они с большим пониманием и уважением относились к бурятским обычаям – лечились у местных лам, сами посылали в ученики молодых к шаманам и ставили их семейную жизнь всем в пример. «Уж эти – то знают, что говорят, - внушал мне как-то один «семейский», - если молодую девку взять – её ещё можно научить, а как она в силу войдёт – через колено не переломишь, надо ждать, как самой невоготу замуж захочется – тогда сама дурить не станет...» Буряты, правда, связывали переменчивость девичьего характера с двенадцатилетними священными циклами.

- Так у неё когда день рождения? – вмешался я в разговор.

- После свадьбы на следующий день, - в голосе Доржи прозвучала безнадежность. – Не ждать же Эрдэни четыре года. Надо тебе сказать, что Далба требуется в экспедицию сегодня.

- Неправду говорить нельзя. Грех, - бесстрастно промолвил Далба. – Я помолюсь, чтобы к нам пришло счастье...

Когда Далба говорил так, спорить не приходилось.

- Тогда пусть Юра со мной едет, пусть он подтвердит, что ты отказался. А то меня родным считать не будут.

- Ты поезжай, пожалуйста, - мягко попросил Доржи и впервые поднял на меня глаза. Бритая голова, тёмное без морщин лицо и глаза – как два чёрных лучистых камня.

- Это он дурака валяет, - хмуро сказал Доржи, когда мы мчались по дороге, вьющейся по склонам гор и горушек, по распадкам, через увалы и ручьи.

Доржи гнал машину необычайно ловко. Руль «газика» казался игрушечным в огромных ручищах. Он как-то незаметно переключал передачи, сбрасывал и наращивал скорость. Видимо, здесь сказывалось врождённое качество бурята-наездника.

- Здорово водишь машину, - ну удержался я, - прямо батыр!

- Ты с моё полетай, да поезди – будешь даже телеги гонять, - спустил меня с облаков Доржи.

В самом деле, он окончил лётное училище, лет двадцать летал, а сейчас собирался на пенсию. Говорил, что пойдёт в школу преподавать предметы по автоделу...

- Хитрит братец! – вернулся к своему разговору Доржи, - просто не хочет в родной улус показываться... Я сам как приеду – потом недели две болею.

- Отчего же так? – спросил я, глядя на почти двухметрового и стокилограммового Доржи. Я знал, что он считается одним из самых лучших народных борцов и на каждом празднике берёт призы. Монгольская борьба требует много силы и здоровья – борются только руками, и победитель исполняет танец орла. Доржи на праздниках столько исполнял этот танец, что по улицам ходил, двигая руками как крыльями.

- Ты же знаешь – у нас, если долго родню не видел, то должен у всех перебивать. Как приедешь, то все из твоего рода – ясу к твоему дому приходят, прямо спорят – к кому поведут сначала, а к кому – потом. А родня – весь улус. Сначала идёшь к родным, потом – к двоюродным, потом – к троюродным, а потом – хоть к чертям в ад. В каждом доме тебе дают *турсун*. После первого ведра – ещё ничего. После второго – уже тяжело, а после третьего – всё равно... *Турсун* хоть и из молока делают, хоть и крепость как в слабом вине – а всё-таки с ног валит. Я уж думал себе под мышку резиновую грелку вешать, чтобы в неё всю эту молочную водку выливать. Таких больших грелок не делают...

- Возьми кислородную подушку. Мои знакомые молдаване в кислородной подушке литров сорок вина привозили...

- Разве что подушку брать, - согласился Доржи, вырвав на глуховатую таёжную просеку, в которой только угадывались колеи.

- Куда это ты? – поинтересовался я.

- За дядей заехать надо, - коротко пояснил Доржи.

Дядя оказался почти такого же возраста, что и племянник. Его усадьба приютилась у подножия невысокого хребта, заросшего лесом. В ограде – поскотине стоял бревенчатый зимний дом русского типа, рядом с ним – юрта – летняя дача, как пояснил дядя. Он, однако, погладил Доржи по голове, как маленького, подал мне руку и понятным без слов жестом пригласил в юрту. В монгольскую юрту нельзя входить резко, стремительно. Если уважаешь хозяина, следует войти скромно, так сказать, застенчиво. Я так и сделал, а войдя, сразу же уселся на пол, на войлок – езда по бурятским дорогам, даже с таким шофёром, как Доржи, всё же выматывает.

Бурятская юрта – чудесное жилище. Юрта сама по себе очень изящна. Стены – невысокий цилиндр и потолок – полусфера представляют собой совершенной конструкции решётку из дерева, на которой отдыхает глаз. Войлочные кошмы, покрывающие её, также очень красивы. Это жильё одинаково хорошо защищает от холода, что от жары. И нет ничего приятнее развалиться в ней знойным летним днём, подоткнув под бока подушки.

От стенки отвалился и сел к нам в круг совсем старый, белоголовый человек, одетый в синий халат, шаровары и замечательно красивые бурятские сапоги жёлтой кожи с загнутыми носками. Он вынул из сапога железную трубочку – длинный чубук с латунной насечкой и маленькой чашечкой, набил её и закурил, приветливо покивав мне головой и перекинувшись с Доржи несколькими ласковыми словами.

- Отец жены, - представил его дядя.

По юрте сновали домочадцы дяди, уставляя низенький столик всё новыми и новыми тарелками. Перед нами росла гора мяса. Хозяйка принесла кушанье, которое я знал – подсушенные ломтики творога – *арул* и блюдо, которое я никак не мог определить. Оказалось, что бурятское лакомство – *умот*. Оно делается из толстой подсушенной молочной плёнки. Каким образом можно получить такую толстую пенку – я так и не узнал. Видно, это секрет бурят, у которых и в самом деле текут молочные реки. Молоко здесь идёт в пищу всякое – и кобылье, и коровье, и верблюжье и, само собой, овечье. А дядя угостил ещё и молоком яка и показал через открытую дверь в бинокль самих ячих, пасущихся на склоне горы. Овцы и прочий скот были в это время на верхних пастбищах.

- Плохо стало, - жаловался дядя. – Коней мало осталось. Кони – душа стада, самое сердце.

С лошадьми у нас и в самом деле намудрили. Их повсеместно стало мало. А кони у скотоводов-кочевников, действительно, сердцевина всего хозяйства. Они круглый год пасутся под открытым небом – они тебелят, разбивают копытами снежный наст зимой и после них до кормов могут добраться и коровы, и овцы... Лошадь – сама душа монгольских народов. Конь и питается благородно – верхушки схватывает. После коней вся скотина кормиться может. Надо всё восстанавливать...

- Поедим – и поедем, - возгласил дядя. Он отвернул от двери горло вместительного деревянного кувшина, чтобы добро в юрте не переводилось, - примета такая, - и щедрой рукой налил каждому по кружке *тарасуна*. Каждый вылил из кружки немного на пол, хозяин сходил наружу, чтобы совершить возлияние на семейный очаг – огонь был разложен рядом с юртой, и мы приступили к реализации его плана.

Я не уловил момента, когда дух мой покинул эту компанию. Проснулся я как от толчка в ребро и сразу же сел. Участники пиршества размещались уже по-другому. Они сгрудились возле того места, где я бесславно залёг после первого ведра. Я выглянул из-за внушительной спины Доржи и прямо перед собой увидел шамана в полной классической бурятской амуниции. С трудом я разглядел в нём того самого отца жены хозяина юрты, поразившего меня накануне невероятной красоты сапогами. Сапоги стояли за шаманом, и я догадался по ним, кто же играл роль кудесника.

Старик мерно бил в бубен, и это битьё действовало на меня самым усыпляющим образом. Я изо всех сил боролся с навалившейся дремотой и сквозь тяжёлые веки видел, как люди подходили по очереди и вставали перед шаманом. Они брали деревянную чашку и бросали её вверх. Чашка у всех падала вниз дном.

- Тээрэк! – возглашали с энтузиазмом все присутствующие.

Я знал, что если чашка падает вниз дном, то это хорошее предзнаменование. Значит – всё будет в порядке. Если же посудина ляжет вверх дном, то гадателя ждёт что-то нехорошее. Тогда все выражают

озабоченность, а шаман старается отвести несчастье. Все напряжённо следили за чашкой, а когда она приземлялась как надо, разражались мощным *Тээрэк*. Впрочем, они зря напрягались. Если чашка, как я знал, и падала дурным образом, то гадающий мог наполнить её молоком или *тарасуном* и кинуть ещё раз. Однако перед тем, как кинуть чашку, претендент должен был побрызгать из неё в главный костёр.

Стоп! А где же главный костёр? Вот он – горит прямо передо мной. А вокруг того места, где я, можно сказать, сижу, воткнуты *туурге* – священные берёзки! Чудеса. Убей бог – не помню, когда мы выбрались из юрты на воздух и как очутились на приготовленном для молебствия – *тайлагана* - месте.

Хозяева, зная, давно готовились к этому действию. А подготовка к такому семейному *тайлагану* не простое дело. Надо всё предназначенное для обряда очистить огнём и богородской травой, а также очиститься после выхода из юрты самим. А я не помню – как я очищался и очищался ли вообще. Наверное, очищался. Иначе не попал бы на *тайлаган*. А сейчас *тайлаган* как *тайлаган*. Горит костёр, на костре варится мясо – видно, уже принесли в жертву кого-то из животных. Шаман проводит *сасли* – вступление к главному действию. Поэтому и гадают люди. Гадание – конец *сасли*. Вот и Доржи встал на одно колено перед шаманом, ловко кинул чашку, и она уверенно шлёпнулась на дно.

- *Тээрэк!* – заорал я вместе со всеми.

Довольный Доржи сорвал щепотку травы *хэрхэ абаха* и сунул её себе за кушак. Мне было известно от Далбы, что эта трава считается символом богатства и счастья, даруемого землёй.

- Давай, теперь ты иди, - подтолкнул меня Доржи, когда плюхнулся на землю рядом со мной.

На неверных ногах я подошёл к тому месту, где шаман мерно бил в бубен, и взял чашку в руку. Она мне показалась непомерно тяжёлой. Я с усилием кинул её вверх и славная посуда взмыла высоко над местом гадания и, как мне почудилось опять, не спеша ляпнулась точно на донышко.

Публика проревела «*Тээрэк!*» Я сорвал щепотку травы *хэрэг абаха* и, за неимением кушака, сунул её в карман.

Доржи одобрительно похлопал меня по спине. Видно был рад, что у меня получилось как надо. Волновался за меня.

Успех всё же не вселил в меня бодрости. Я так и не знаю, что на меня нашло. Спал я или же бодрствовал. То ли это действовало шаманское наваждение – всё же я был на сокровенном семейном торжестве из чужого мира. Или же это всё надо отнести на счёт хозяина с его *тарасуном*.

Вроде бы потом шаман проводил кормление *онгонов*. *Онгоны* – это фетиши. Впрочем, так сказать было бы слишком примитивно. *Онгоны* – это живые существа совершенно разного порядка и происхождения. Они обладают разной силой и помогают своим хозяевам во всех случаях жизни.

Вот, например, есть целые улусные святыни – «спустившиеся с неба камни» и целебные источники. Есть семейные и улусные *онгоны* – «горные», хранящиеся в специальных ящиках и почитаемые большим числом людей. В Бурятском национальном музее, например, хранится камень *зада*, который вроде бы может вызвать страшную бурю. Никто не провоцирует его на стихийное бедствие.

В каждом улусе особенно почитаются места, где захоронены выдающиеся старики – шаманы. Они так и называются *убгэд* – старики. В том, в Верхнем мире, такие старики могут запросто общаться с самыми верховными владыками, если не на равных, то, во всяком случае, на весьма привилегированных основаниях. Стариков также можно стимулировать подношениями, различными жертвами для того, чтобы они не оставляли своим вниманием и грешных потомков.

А здесь были только семейные *онгоны*. Вполне приличным считается, если в семье у бурят имеется двадцать – тридцать фетишей. У нашего хозяина их было штук шестьдесят. Среди расставленных священных предметов я увидел целую коллекцию археологических сокровищ – каменные наконечники стрел, бронзовые ножи, различные бляхи так называемого «скифского стиля» – всё это, наверное, со временем вылезло из земли из старых могильников или поселений, а предки нашего гостеприимного хозяина и его супруги всё это посчитали священными живыми существами и взяли с собой. Были ещё и какие-то каменные *онгоны*. Это – самые почитаемые. У бурят к ним относятся особенно уважительно – это метеориты. Человек, который находит железный или каменный метеорит, сам становится шаманом, даже если у него в роду никого из жрецов не было. Космическая коллекция этой семьи могла бы повергнуть в зависть любое астрономическое общество. А большинство *онгонов* – рукотворные изделия преимущественно человекообразной формы. Эти *онгоны* олицетворяют различные силы, покровительствующие семье. Я огрубляю проблему. Я рисую самую примитивную схему. В жизни отношения бурят и *онгонов* куда как запутаннее, да и сами представления об имеющих душу фетишах значительно сложнее. Я впоследствии размышлял о том, как могли меня, чужого человека, пустить на такой интимный семейный праздник. Ничего путного придумать не мог, пока мне Далба всё деликатно не прояснил.

- Они считают тебя человеком, который имеет *буудал утха* – «спущённое с неба происхождение...». У тебя ведь есть пуговицы с одежды *Эсэрге малана тэнгри* и его жены *Эхэ Юурен*?

Так вот в чём дело! Пуговицами с одежды упомянутых персон считают железные метеориты. Сам *Эсэрге Малан тэнгри* и его супруга *Эхэ Юуран* занимают в бурятском пантеоне весьма высокое положение. У меня действительно был маленький железный метеорит с Таймыра, что-то вроде куриного бога, который я носил наподобие брелка при карманных часах. Воистину – неисповедимы пути Господни!

Я среди сверхъестественных вещей определил пенаты *Сахядай-нойона* с женой *Санха ла хатан*. Им, по всей справедливости, на мой взгляд, досталось более других и жертвенного молока, и *тарасуна*. Эти существа являются символами бога огня и домашнего очага. «Символы» – это слишком приблизительно. Я бы так назвал эти рукотворные предметы: это некие медиумы, через которые бог огня с супругой общается с этим семейством, и которые сами стали одушевлёнными оттого, что через них божества принимают подношения и изливают на людей свою благосклонность. Витиевато, но всё одно – неполно, по сущности.

Божества огня давали также достаток и плодородие хозяевам.

Если уж речь зашла о благостных силах для семейства, то сюда следует прибавить и *Холонгото-онгона* – «Хозяина хорьков», Великую *Дуде* и Всесильную *Алтантан*.

Онгон, олицетворяющий лидера хорьков, всегда висел у изголовья супружеской пары. Считалось, что он обеспечивал паре детородные силы и вообще подвигал их размножаться не лентяй. «Плодятся, как хорьки», – говорят, по-моему, все народы, не только буряты. У русских такое сравнение точно существует.

Женщины также должны были сделать *онгоны Дуде* и *Алтантан*. *Дуде* – это чисто женское божество. Она даёт женщине желание общаться с мужчинами, а потом терпеть их – пьяниц и нерях, а также делает её плодovitой. Тут *Дуде* действует в одном направлении с Хозяином хорьков. *Алтантан* – милое божество детей и телят. Это добрейшая и заботливейшая богиня, любящая всех малышей. У бурят, собственно, женщина занималась изготовлением *онгонов*, обеспечивающих появление детей, что становилось причиной для изготовления *онгонов*, помогающих перенести без потерь последствия.

В ряду всяческих вещей стояло и деревянное ведро с торчащей из него стрелой. Это – классические *онгоны*, которые должна иметь каждая бурятская семья. Стрела была не простая. Она имела вильчатый наконечник и была украшена множеством ленточек. Становилось сразу видно, что в обществе *онгонов* она занимает непростое положение. Эта стрела символизировала мужские качества: смелость, силу, достоинство и могущество рода, который она представляет. А ведро было символом суетных успехов семьи. Предполагалось, что оно будет вечно наполняться мясом и вкусными молочными продуктами и что семья всегда будет богатой и обеспеченной.

Наконец, в некотором отдалении, привязанные к великолепной коновязи, стояли бык и козёл. Это – живые *онгоны*. Буряты постоянно посвящали различным Великим Богам живых животных. О них особенно заботились, их хранили как имущество Божества. Сам хозяин здесь становился как бы сторожем божественных богатств, что предполагало, в свою очередь, заботу со стороны заоблачных жителей о своём верном хранителе обычно семья ограничивалась одним посвящённым животным –

конём, быком или козлом – по рангу Бога. А здесь держали сразу двух живых *онгонов*. С моей точки зрения – так надёжнее. Пусть боги думают о своём имуществе. Пусть они и сами забирают души этих скотов. Бренные тела их всё же перепадут людям.

Я не знаю бурятского языка. И мог вполне ошибиться, уловив в разговоре присутствующих во время антрактов в процедуре слова *утха-зууртаа* – приношение духам предков. Момент для приношения духам предков был самый подходящий: шаман налицо, желание – тоже. Вообще никогда не вредно вспоминать о предках и сделать что-либо приятное для них. Обычно устраивают специальные семейные молебствия – *жэлэй хаялга* – один раз в год. Раз в год – минимальная мера. Благодарные потомки устраивали такие молебствия каждый месяц. Шаман на них был главным. Именно шаман может потом сходить к предкам и спросить их мнение о молебствии, все эти обряды устраивались тихо, по-семейному. Шаман не впадал в экстаз, не шумел, и вообще всё было мирно. Как сейчас у нас.

Шаман негромко пел и бил в бубен, а присутствующие повторяли то, что он пел. Плохо без языка! Но и без него было понятно, что жрец приступил к специальному молебствию в адрес новобрачных, хотя они находились отсюда далеко. Там свой шаман установит священные *туурге* – берёзки возле дома жениха, он же проведёт обряд поклонения жениха *онгонам* невесты – отныне они будут охранять их союз. Он освятит новую юрту для молодых, он разожжёт в ней очаг, он проведёт обряд поклонения жениха со стороны невесты и приобщит её к *онгонам* нового рода.хлопот у шамана на свадьбе больше всех. А после свадьбы у него забот ещё более прибавится. Шаман всё время, пока женщина будет ходить беременной, станет прислеживать за ней и отгонять от неё не в меру любопытных и назойливых духов. Перед самыми родами он будет камлать, чтобы призвать божеств женской половины человечества помочь родительнице. Шаман же должен совершить сложные и ответственные обряды с плацентой, надёжно спрятав её от злокозненных сил. А уж потом он будет заниматься очищением роженицы, и укреплением колыбели и целым рядом священных действий, которыми отмечали путь человека от этой самой колыбели до могилы.

Шаман тихонько пел и бил ритмично в бубен. В этом ритме содержалась завораживающая, успокаивающая сила, действующая на меня усыпляющим образом. Этого про присутствующих сказать было нельзя. Они-то постоянно находились в напряжении, следя за действиями шамана и постоянно подключаясь к ним. В этом не было ничего импровизированного. Все люди отлично знали весь ритуал, и каждый имел в этом порядке своё место. Не было ничего похожего на то, что иногда встречается у бурят по совершенно непостижимым причинам. Это *найгуры*.

Причин, конечно, можно отыскать множество. Это, как считают некоторые, может быть следствием потрясений большого числа людей при неординарных событиях, а может быть, просто случайное стечение людей,

неустойчивых психически. Как бы там ни было, коллективные помешательства у бурят – обычная штука.

Я один раз видел это в отдалённом Хоринском улусе. Толпа молодых людей с совершенно отрешёнными лицами бродила от семейства к семейству, ведя себя как заведённые болванчики. Юноши дёргались и ритмично двигались, непрерывно кланяясь все разом, и пели при этом распространённые молитвенные песни, посвящённые разным духам.

- Шаманят хором, - пояснил мне Доржи, с которым мы и ездили тогда.

- С чего шаманят?

- Понимаешь, у них тут недалеко хоронили одного старого шамана. Сильный был старик, - и Доржи выплеснул из стакана пальцем несколько капель водки этому самому старику, точнее, его духу. – Он у них тут самым сильным шаманом был. Он всех этих вот чудаков берёг... А потом ребёнка утащил орёл. Прямо среди дня из колыбели. А за ним сразу же умер один певец, на которого здесь молились – очень красивый голос был, да и сам он был очень красивым парнем! Вот эти и стали шаманить. Они намолились, напелись и стали *бээлээшен* – шаманящие. Их ещё *найгуры* зовут, значит – «касающиеся». У них скоро и *минааши* – предводитель объявился... Вот так и пошли по улусам... На меня в шестнадцать лет тоже один раз такое нашло. Я не помню, как стал так же вот раскачиваться и петь вместе с толпой. Где мы шатались – также почти не помню. Психоз какой-то. Эти пока не отшаманят своё, по домам не разойдутся... Не скоро разойдутся. Им в каждом доме *тарасуна* дают, кормят. Они всё время под *тарасуном* ходят... Когда вымотаются, тогда и разойдутся старики говорят, что это *зайсаны* – боги решают, как этим себя вести...

Мне тогда и в самом деле показалось, что все эти люди находятся в состоянии коллективного помешательства. Такая отрешённость и синхронность действий без определённого руководства просто так быть не могла. Но! Богам виднее!

Когда я проснулся в очередной раз, то увидел, что уже установлен длинный шест, на который надета конская шкура. Значит, совершили *Захил*!

А я всё проспал.

Форм шаманских молебствий у бурят множество. Самые распространённые действия, обязательные для каждого человека, – это *духаалга*. Буквально, означает – брызганье. Это простое дело. *Духаалга* – ритуальное возлияние. Оно делается по любому поводу. Если есть открытый огонь на вольном воздухе, то в него кладут немного богородской травы или пихтовой коры и жгут, брызгая немного водкой или же ещё каким-нибудь напитком того же рода. Сойдёт для сожжения и можжевельник, если нет под рукой ни пихты, ни богородской травы. В городских квартирах зажигают свечку, или же запалют газ. Видел я, как брызгают и на электрическую плитку, правда, по пьяному делу. Этим занимается каждый – и шаман, и не шаман. Особенно хорошо это помогает, когда есть какая-нибудь забота – невозвращённый долг или же неприятная поездка, сварливая жена и

непослушные дети. Это действо всем хорошо – дёшево и доступно по техническим возможностям.

Более сложный обряд жертвоприношения – *хаялга* – «бросание». Это дело выполнял только шаман. Он предварительно очищал всё, что предназначалось для передачи духам, огнём и благовониями – вино, водку, тарасун, кашу-саламату, ленточки, ветки берёзы, табак, деньги, патроны и многое, многое другое. Шаман строго соблюдал субординацию. Он сначала приносил всё это в жертву местным, не очень значимым духам, а также предкам. Ублажив этих, так сказать, ближних родственников, он переходил к более значимым – *эжинам* и прочим божествам, а потом уж он обращался к самым Верхним Богам и этим-то и надоедал своими просьбами о благополучии дарителей. Только так. Считалось совершенно недопустимым делом перескакивать через богов разных категорий. Они хоть и были слабее самых Верхних, но обид не прощали и при случае не оставались в долгу.

Захил – жертвоприношение было чистой прерогативой шамана. *Захил* – дорогое удовольствие. На это жертвоприношение предназначались отборные животные. Кони, например. Такого рода коня определённым образом умерщвляли и снимали с него шкуру вместе с хвостом, головой, копытами и вешали её на шест. Устремлённый кверху. Шаман при этом работал в полную силу, стремясь привлечь внимание главных богов к щедрой жертве. Такое жертвоприношение совершалось только при весьма неординарном случае.

Значит, наш хозяин считал женитьбу своего племянника архиважным делом.

Если жертва совершалась не по правилам, то духи уведомляли об этом шамана. И тот делал *захил* – повторный обряд. И опять требовалось отборное животное.

Все эти *хэрэги* (затеи) сопровождают каждого бурята всю его жизнь каждый день, а также всех подвернувшихся бурятам бродяг, вроде меня. Но ни я, и никто из присутствующих не мог без шамана произносить *дуралга*, строго канонизированные молитвы, известные с детства каждому, а мне – по книгам. Вне обряда, даже шутливое произнесение *дуралга*, влекло за собой самые тяжкие наказания. Уж во всяком случае – со стороны свидетелей. Грех.

А шаманская молитва – это великолепное произведение. Шаманы, как правило, являются прекрасными певцами и выразительными декламаторами. Фантастический звук бубна, звон подвесок шаманского костюма, чудесный запах богородской травы и несколько литров *тарасуна* в желудке... через некоторое время и не верится, что ты сам во всём этом участвовал...

Но язык! Плохо без языка, если даже и знаешь по литературе и пояснениям, что происходит. Надо знать язык.

С этой мыслью я и уснул в очередной раз. И тут произошло чудо. Я стал понимать по-бурятски. Перед тем, как окончательно перестать видеть происходящее, я совершенно отчётливо понял такую строфу:

...Трёхлетние коровы, которых ты доишь,
Да наполнят тридцать загонов.
Возвращённые тобой потомки в третьем колене
Да оставят сполна тридцать колчанов.
Возвышайся высокое,
Удаляйся далёкое...
Айя минии, айя да!

- Это он Верховного Бога-громовержца хвалит, – напоследок дошло до меня, и я уснул. И в самый последний момент всё никак не мог сообразить – как же я понимаю по-бурятски. Правда, позже я отыскал все эти слова в записи А. Поздеева, книга которого мне подвёртывалась до этого, но стихов из неё я, естественно, никогда не заучивал.

Шаманом у бурят надо родиться. Прежде всего нужно иметь предка шамана. Если среди предков по мужской части были шаманы, то можно смело считать, что их таланты перешли к потомку. Родство по отцу с шаманами считается самым сильным и беспрюгрышным. Впрочем, это так же, как и талант кузнеца. Считается, что если у тебя в предках был кузнец, то и сам ты способен овладеть кузнечными тайнами. Здравая идея. Все кузнецы у бурят так и считались шаманами. А если кто и не хотел совершать шаманских обрядов, то люди полагали, что это – от лени. Шаманский дар мог перейти к человеку по женской линии. Однако он считался слабее. Даже если у матери в роду были шаманы сильнее отцовских. Этот феномен мне не могли объяснить самые изошрённые улусные мыслители. Чаще всего этот вопрос ставил их самих в тупик. Я предлагал простую задачу: если у мальчика дедушка по отцу шаман средней категории, то он имеет какие способности?

Отвечали «Средние». Далее следовали рассуждения о том, что этот самый мальчик может развить свои способности, а если он ещё и понравится *эжинам*, то он вообще может быть вхож в мысли Богов, как в свою юрту. Я пресекал эти рассуждения, останавливаясь на самой идее: передаются от среднего шамана средние способности по мужской линии. А если у этого мальчика по матери был предок – выдающийся шаман, то какие же возможности будут у него? Выше, чем у среднего шамана по отцовской линии, или такие же, или же меньше? Собеседники, не задумываясь, в горячке выпаливали, что меньше.

- Почему?
- Через женщин всё ослабляется.
- ?

Ответа не следовало, а следовало раздумье. Но, как бы там ни было, здравый опыт говорит, что по женской линии передаётся дар менее сильный.

А ещё можно получить шаманский дар свыше. Могли Верховные Боги подбросить человеку что-либо близкое к своим особам. Например, его молнией. Если счастливец выживал, то он сам становился шаманом. Я с

таким случаем сталкивался у нганасан. При мне как-то летом молния ударила в чум, где сидел Бенитаси Чунаычар, отличный человек, философского склада. Мой большой приятель. Он с этого момента включился в жизнь духов, которых ранее не ощущал, и стал во всю шаманить в зрелом возрасте.

У бурят же, если сам, отмеченный Богами таким варварским образом не выживал, то полные шансы стать шаманами приобретали его потомки, и они становились шаманами рано или поздно. Мне показывали такого шамана, дедушку которого шарахнул электрическим разрядом сам Айя.

А иногда выбирали боги шамана гуманным способом, послав ему пуговицы от своих халатов – метеориты.

Разбудил меня Доржи, сказав, что надо ехать.

Мы влезли в его колымагу, и она не рассыпалась. Сам батыр так рванул по дороге, что рассыпаться опасались мы сами. Это он перед роднё хвастался своей удалью.

Прикатили сравнительно быстро, и даже эта ужасная гонка не смогла выдуть из нас весь хмель. Да и дорога была не из заурядных. Каких только колдобин и препятствий на ней не встретилось. Даже отчаянный Доржи не удержался, чтобы не покритиковать её.

- Весь зад болит, - пожаловался он, - сойдя с водительского места.

- А ты бы лучше головой думал, - огрызнулась тётка.

- Нет у тебя совести! – выговаривал дяде отец жениха Хоца. – Они же теперь ничего на свадьбе есть не смогут...

- Будет тарасун – смогут, - коротко возражал дядя.

Его жена выложила подарки невесте. Тут были тончайшего шёлка штаны, синий махровый халат с аппликационными узорами на полах, шитая золотыми нитками безрукавка и бурятские желтокожие сапоги, украшенные тиснением. Дядя приложил к этому самодельные серебряные украшения – массивные медальоны, в которые были вложены буддийские молитвы – Далба писал.

Невесту я увидел только тогда, когда её толпа молодёжи выводила из дома и сажала на коня, чтобы везти к жениху. Перед этим молодёжь платила родне невесты выкуп – от шуток и смеха сотрясался дом. Свадебная лошадка была типичной бурятской породы – невысокая, крепконогая, лохматенькая. Женское седло с окованной серебром передней лукой и потниками, расшитыми орнаментами и украшенными раковинами каури, - уж какими дорогами они добирались сюда, - как-то очень шло этой коняге. Невеста была прелестна – тоненькая, лёгонькая студентка прославленного балетного училища в Улан-Удэ. Жених, аспирант университета столицы Бурятии, в своих очках французского производства, с модной стрижкой, видной из-под бурятского малахая, с выражением некоторой интеллигентной озадаченности, и худобой вызывал у многочисленной родни сочувствие.

- Поправим, - уверила меня какая-то молодка, - он у нас месяц будет жить.

Свадьба прошла как свадьба. Было и введение невесты в дом родителей жениха, где она приобщилась к родовому огню, совершив ему поклонение. Был и пир гостей, где сказатели наперебой распевали родовые предания – *улигеры* от маленьких в 2-3 тыс. строф до больших – в 25-30 тыс. строф. Старики экзаменовали жениха – спрашивали его о предках, и он не посрамил рода – назвал всех на десять поколений по именам. Был настоящий *тайлаган* – праздник, на котором и боролись, и состязались в скачках, и стреляли из лука, но каждый своими стрелами, и танцевали *йохр-хатархо* – хоровод. Сил хватило как раз на три дня.

- Наверное, последнего барана внесли в Красную книгу, - сказал я Доржи, когда опять гнал к Дацану свой ковчег, и его героическое прошлое на свадьбе мало отражалось на выражении лица его. Этаким невозмутимый Будда, только слегка припухший.

- Ну, уж и последнего! – обиделся за родню Доржа. – На сто таких свадеб хватит. Эрдэни, вон, машину подарили и деньги на кооперативную квартиру. Ещё и детям Эрдэни осталось...

- Потихе гони, - попросил я, видя, какие он виражи закладывает.

- За нас Далба молится, - возразил Доржи.

Далба, в отличие от нас, бы свеж и невозмутим.

- Как себя чувствуете? – вежливо спросил он, глядя то на меня, то на брата.

Мы оба промолчали, не высказывая чувств. Дацан заражал своими манерами.

- У меня нет того, что вас бы вылечило, - задумчиво сказал Далба. – Я могу вам предложить только кумыс.

Он достал из резного шкафчика, стоявшего у него в келье, две бутылки из-под шампанского, две чистых чашки и поставил всё это перед нами. Кумыс был почти прозрачный, вкусом и крепостью он превосходил шампанское.

- На таком кумысе можно и ламой быть, - сказал мне на прощанье Доржи, когда я провожал его до машины. – Ох, и хитрый этот лама! Так я и поверил, что он из-за большого моления на свадьбу не ездил! Здоровье бережёт!

Видящие во сне

- Шаманский дар наследуется по отцовской линии через поколение, - утверждали такие высокие специалисты, как Тубяку Костёркин, Сейме Турдагин и Ньюля. – Шаманский дар наследует внук или внучка шамана.

С этим положением связан у нганасан целый ряд представлений. Так, среди прямых кровных родственников на одном стойбище не может быть сразу несколько шаманов. Когда Тубяку, например, узнал, что он обладает шаманским даром, то его отец запретил ему шаманить, пока он сам жив и владеет силой. Этот запрет Тубяку объяснил именно естественным установлением, когда среди трёх живущих поколений действует только один шаман. В самом деле, из фольклора известно, что обычно шаманит на стойбище представитель старшего поколения – дед, а его внук при живом отце, не шамане, становится полноценным шаманом только после смерти деда. Запрет шаманить при своей жизни отец Тубяку – Дюходе установил именно по этой причине. Он считал, что наследование дара его сыном – феноменальный факт, связанный со сбоем в предшествующих старших поколениях, в которых проявлялись шаманы подряд в линиях отец- сын.

Наследовать шаманский дар могут равно от бабки и от деда как мужчины, так и женщины. В этом случае передаётся качество матери отца, но не матери или отца матери. Сбои типа случая с Тубяку происходят тогда, когда шаман женится на дочери шамана. У них тогда может родиться шаман или шаманка, как это было с Тубяку и его сестрой.

Основная и самая главная задача шамана – обеспечение благополучия своих единокровников на этой Земле и в Бодырбо-Моу (Земле Мёртвых), а также содействие их появлению на эту Землю из Верхнего Мира, – говорили те же Тубяку Костёркин, Сейме Турдагин и Ньюля.

Отсюда все действия шамана бывают определены именно этим обстоятельством. Когда шаман имеет дело с кем-нибудь из нганасан, он практически всегда может счесться с данным человеком родством какой-то степени. Родство по отцу при этом имеет характер бесконечной цепи, а родство по матери ограничивается поколением её родителей и сиблингов третьей степени. Для этой категории людей действия шамана имеют обязательный характер, и они не должны чем-либо платить шаману за его действия.

Если же к шаману обращается посторонний человек, скорее всего, нганасан, то шаман обязан взять с него плату, даже если она имеет чисто символический характер. Это установление объясняется тем, что шаман тратит силу, принадлежащую кровным родственникам его самого, и вызывает приязнь духов, также предназначенную данной группе людей. Плата в этом случае рассматривается в качестве компенсации за предполагаемые потери.

Действия шамана имеют двоякий характер: обязательные сезонные службы, призванные обеспечить благополучие всей родни, а также специальные акты, вызванные ситуацией.

Достоверно известны три сезонных обязательных камлания шаманов: зимнее, именуемое «Праздником чистого чума», весеннее, называемое авамскими нганасанами *Аны о-дялы* – «Большой день» (двадцатые числа июня) и «Первый снег» – осеннее время появления первого снега.

Камлания в эти периоды носят совершенно направленный характер. Только в эти дни шаман посещает всех из своих семи духов и последовательно договаривается с ними о том, чтобы они не чинили вреда людям шамана – посылали им дичь, не покушались на их жизнь и пр. На этих же праздниках шаманы спрашивают плодородия для людей. Все эти действия сопровождаются строго регламентированными ритуалами. Сами празднества включают целый ряд обязательных действий как шамана, так и простых людей.

Требы – действия шамана специального характера вызываются нуждами его родственников.

Прежде всего шаман должен помогать женщинам – собственным кровным родственницам, жёнам и жёнам родственников при родах.

Если у замужней родственницы в родне мужа есть свои шаманы, то обязанность родовспоможения лежит на них. Если же таких шаманов нет или есть люди, не обладающие соответственной силой, то шаман обязан им помогать, несмотря на то, что они вышли замуж в другую общину. Участие же в родовспоможении по отношению к собственным жёнам и жёнам своих сибсов начинается ещё с момента оплодотворения. Тубяку, к примеру, ещё до появления признаков беременности у жены своего брата Бориса или же у жены своего сына Леонида, определял действенный факт зарождения потомка, пол будущего ребёнка и его имя. Он предсказывал приблизительное время рождения своих внуков и племянников, а также протекание будущих родов. В соответствии с этими предсказаниями он совершал нужные действия во время самих родов. Если женщина рожала в больнице, то он совершал у себя в чуме действия, направленные на облегчение родов и свободное появление нового человека на свет. Если же роды происходили в его присутствии, то он устраивал камлание по полной программе в специальном костюме и пр. У его отца Дюходе также был специальный шаманский костюм для камлания при родах.

Если у его родственниц не было долго детей, то он отправлялся, камлая, к существам Верхнего Мира, чтобы испросить у них плодородия для этих женщин. В этом случае шаманские действия сопровождались жертвоприношениями этим существам. Нганасанский шаман мог испросить плодородия и не для родственниц. Известен случай, когда Тубяку просил духов, чтобы они позволили душе предполагаемого ребёнка некоей женщины-литовки спуститься в этот мир и вселиться в её тело. И сам он, и

приезжая женщина-литовка вполне серьёзно верили в то, что именно действия Тубяку освободили её от давнего бесплодия.

Именованье шаманом будущего ребёнка рассматривалось в качестве чрезвычайно важного акта. Предполагалось, что человеческие души совершают некий круговорот, последовательно находясь в Верхнем, Среднем и Нижнем Мире. Рождение человека в этой связи рассматривалось как возвращение души.

От точного определения шаманом имен зависело здоровье и вся дальнейшая судьба ребёнка. Предполагалось, что шаман может по каким-то причинам ошибиться, – тогда допускалось переименование человека. Перемена же имени человеком вообще была заурядным явлением и никогда не осуществлялась без участия шамана.

Имя человека оценивалось как важнейшая субстанция, по отношению к которой был целый ряд специальных установлений. Имя было не только маркером, но и заместителем данного человека, которое могло меняться изменением души. Считалось, что человеческая душа может изменять свои качества после болезни, опасного события, длительного голода, испуга, контакта с представителями Верхнего и Нижнего Миров. Изменение души неизбежно влекло и переименование, что производилось исключительно шаманом.

Если человек заявлял шаману о своём особенном состоянии, тот был обязан войти в контакт с духами и с их помощью определить характер изменения души данного человека.

Любое заболевание рассматривалось, как нападение болезни-*коча* на человека. Прерогативой шамана было изгнание этого сверхъестественного существа и его уничтожение.

Самым распространённым действием шаманов в этом отношении были чисто физические поступки – высасывание болезни из человека.

Тубяку зачастую высасывал из больного места человека нечто злокачественное, червякообразное и поедал это, или же выплёвывал в огонь. Известно, что его брат Дюмнуме высосал у своего внука Игоря большого червяка из заднего прохода, когда мальчик был близок к смерти, и этим спас его. Игорь также стал шаманом в детском возрасте.

По мнению нганасанских шаманов, *кочи* являются обитателями Нижнего Мира. Они нападают на человека и стараются утащить его душу в Нижний Мир. Самочувствие человека зависит, в какой мере *кочам* удаётся приблизить душу к Нижнему Миру. Если *коча* принесла душу близко к некоей реке – границе этого и потустороннего миров, то шаман бывает вынужден просить особого духа, чтобы он набросил *маут*-аркан на душу и оттащил её подальше.

Все эти действия шаман может производить и по отношению к неродственнику. В этом случае он должен принести более богатые подарки своим духам-помощникам, а это, в свою очередь, должно быть компенсировано просителем. Всё же считается, что возможности врачевания

шаманом неродственников имеют более ограниченный характер, и успех лечения предполагается меньшим.

Обязательными являются действия шамана по устройству покойных людей в Нижнем Мире. Каждый шаман сам устанавливает для себя тот лимит «отпущенных в Нижний Мир людей», который соответствует его силе. Тубяку сообщал автору этих строк, что его основная сила кончилась со смертью его жены. После этого он продал свой костюм в Дудинский музей и перестал шаманить в полную силу. Таким образом, предполагается, что шаманская сила имеет определённый объём, расходуемый в течение жизни шамана. Этот мотив проходит по всему шаманскому фольклору нганасан.

Обычное финальное заключение о шаманских действиях: «Сила кончилась» (буквально, - «вся израсходовалась»).

Пока шаман был в силе, он должен был постоянно «смотреть вперёд дороге» для своих единокровников. Это было связано как с повседневной деятельностью, так и с военными предприятиями. Шаман должен был гадать о том, что ожидает промысловиков в данный день. Обычно шаманы замечательно предсказывали погоду и поведение промысловых животных. Многие опытные охотники постоянно спрашивались у шамана о рациональности тех или иных действий.

В фольклоре шаманы выступают в качестве спасителей людей – они замораживают внезапно вскрывшиеся реки и образуют переправы для людей и домашних оленей. Они вызывают стада диких оленей к местам поколок и рыбу к стойбищу.

Шаманы играли важнейшую роль в военных действиях. Обычно шаманы входили в состав военных отрядов и обеспечивали разведчикам успех – помогали им определить силы врага, обнаружить наиболее опасных воинов и т.п. Сами же шаманы вступали в единоборство с вражескими шаманами и дрались не на жизнь, а на смерть. Одоление вражеского шамана могло происходить не только в человеческом облике – шаманы были способны принимать вид шаманских птиц, драться на земле и под водой и т.п.

Шаманы были обязаны находить пропавшие вещи, главным образом, утраченных оленей. Обычно такие гадания не сопровождались специальными актами. Подготовка требовала от шамана сосредоточения, после чего он определял, где находится тот или иной жизненно важный предмет.

Шаман был обязан посещать и Нижний Мир – *Бодырбо-моу*, куда уходили его сородичи. Там он встречался с душой недавно умершего человека и узнавал у неё о её нуждах в непривычном поначалу месте. Душа говорила шаману о своих нуждах – оленях, собаках, продуктах и т.д., после чего родственники усопшего приносили жертвы, точнее, – отправляли в Нижний Мир нужные вещи – кололи оленей, сыпали табак, «убивали» нарты, чтобы создать дорогим людям хорошие условия для существования в Земле мёртвых. Шаман на этой земле должен был определить, жив ли потерявшийся человек, и какая помощь ему требуется.

Шаман, наконец, был обязан не допускать контакта разных зловредных и нейтральных сверхъестественных существ со своими людьми – Баруси, Намтару’о и другими. Он должен был также препятствовать контактам живых людей и душ умерших.

Всё перечисленное есть самый приблизительный круг прерогатив настоящего шамана.

Считалось, что потеря шаманов той или иной группой людей делало их совершенно беззащитными и вызывало необходимость их соединения с теми, у которых были сильные люди, способные общаться с духами разных сфер.

Но кроме сильных *нго* – шаманов, были и другие люди, обладающие сверхъестественными способностями. Они тоже могли предсказать поведение диких животных или же свою собственную судьбу. Нганасаны называли их *дючи́лы*. Очень приблизительно это название можно перевести как «Видящие во сне». В шаманской иерархии, если принять за солдата простого верующего в духов человека, а за старшего офицера истинного шамана, *дючи́лы*, примерно, соответствовали сержантам. Однако, как известно, на унтер-офицерах держится вся армия.

Вот про такие *дючи́лы* я и расскажу.

Кая

Классическая физика различает три состояния воды: газообразное – пар, жидкое – собственно вода и твёрдое – лёд. Нганасаны знают четыре состояния воды. Четвёртое состояние – снег считается нганасанами наиболее жизненно важным. Во всяком случае, в нганасанском языке имеется более двух десятков терминов для разного снега или, точнее, - снегов. В нганасанском нет понятия снег вообще. Когда переводят с русского, то слово снег называют «сыр» - белый. Однако этим самым «сыр» называют и соль, и муку. Нганасаны делают просто уступку русской безграмотности в отношении снега. Они же различают отдельными понятиями, например, снег только что выпавший осенью, который растает в отличие от первого настоящего снега, который останется лежать на зиму, снег пушистый, как лебяжьи перья, и снег крупинчатый, снег, упавший с неба, и снег, сметённый с наста, снег сухой и снег сырой. У нганасан существует целая наука о снегах, и её в нескольких словах не передать. Этой науке дети учатся с рождения до самой смерти. От этой науки часто зависит сама нганасанская жизнь здесь, на самой северной материковой оконечности Старого Света – Таймырском полуострове.

Сегодня, в самой середине июня снег, по-нганасански, называется так, что на русский язык можно перевести только описательно: «Тёплый, превращающийся в воду, которая уйдёт навсегда...»

Тёплый и превращающийся в воду снег только на макушке холма, где мы сидим со стариком Кая. Снег пропитан солнцем. Солнце шпарит днём и ночью. Сейчас вроде бы ночь. Не знаю. Часы у меня остановились недели две тому назад. Я их не стал заводить за ненадобностью. Вроде бы ночь, потому что солнце немного сползло с неба, и тени стали подлиннее. Глаза всё равно побаливают даже в тёмных очках. Только глянешь на тёплый снег – сразу же заливаются слезами. Старик Кая нацепил старинные снеговые очки. Они сделаны из кости – из мамонтового бивня, из которого здесь много что делают – оленью упряжь, наконечники для хореев – шестов, которыми погоняют оленей, и всякое другое нганасанское имущество. Мамонтовая кость здесь самый обычный поделочный материал, вроде дерева. Очки представляют собой обручи из оленьей кожи, надетой на голову. На глазах – костяные кругляшки с прорезями. Удобная штука. И волосы держит, и глаза защищает. Правда, волосы у старика Кая аккуратно разделены на две косички. В каждую вплетён тонкий ремешок с бусиной на конце. Старик Кая – щёголь. И кожаный обруч очков покрыт изысканным орнаментом – это уже заслуга старухи Ситтымьяку, бессменной подруги Кая.

Снеговая шапка, возле которой мы расположились, звучала самым фантастическим образом. Бесперывный серебряный голосок ручья, катившегося по ледяному жёлобу вниз, к озеру. В эту постоянную песню иногда вплетался шорох и шипение космического тембра – звук сползающих снежных пластов и фантастическое бульканье.

На плоской вершинке снежника сидели турухтаны. Они напоминали группу клоунов в антракте. Между ними не было ни одной похожей пары. Поразительно, насколько разны эти птицы. Общими были только распущенные жабо. Турухтаны наблюдали, как внутри их круга ходили друг за другом двое – ни дать, ни взять коверные репетируют. У турухтанов так происходит весенний ток. Так они меряются силами. Поглазеют друг на друга, немного попрыгают друг перед другом и вежливо уступают место другой паре. Я встал, и моя голова оказалась на одном уровне с турухтаньей ареной. Толщина снеговой нашлёпки осталась метра с полтора – немного больше, может быть. Птицы не обратили на меня никакого внимания. Я посмотрел на них и опять подсел к Кая.

Обращённая к нам сторона снега была ровной, как стенка – эта часть обвалилась ещё вчера, и глазам открылось нутро снежника. Он напоминал слоёный пирог. Полосы снега были разного цвета.

- Снег один, а цвет разный, - показал я рукой старику Кая.

Он на минуту перестал возиться с лодкой – маленьким двухметровым судёнышком на одного человека.

- Одного снега нет, - сказал он назидательно, и мне стало стыдно за то, что старику приходится втолковывать мне такие простейшие истины.

- Вот, - показал он рукой, - этот самый первый был снег. В этом году он упал ещё, когда дети в школу пошли.

- В сентябре, - отметил я про себя.

- Он долго лежал один, может быть, от луны до луны, - продолжал Кая.
- Надо посмотреть, какие фазы, когда были осенью, - подумалось мне.
- Он долго лежал на голой земле, и его гонял маленько ветер, - Кая отвернулся от снега и снова принялся конопатить лодку – «ветку» по-местному. – Поэтому он маленько тёмный, чёрный... Потом упал другой снег, мягкий. Он лежал-лежал, и его тоже ветер мял, мял. Он тогда такой стал крепкий, плотный. Потом маленько тепло пришло, и опять снег падал. Это другой снег...

Старик совершенно не смотрел на снежную летопись, точно передавая все коллизии со снегами, которые произошли в этом году. Память на это у него была автоматическая. Если в пургу нганасан сбивается с дороги, он вырезает пласт снега и по крошечным застругам – снежным волнам, заштампованным в пласт, определяет стороны света и нужное направление. Надо родиться и вырасти в тундре, чтобы, не думая специально, запоминать, когда и откуда ветер дул, и как снег ложился. Надо при этом учитывать и рельеф местности и то, как ветер заходил. Этого на глаз ни один метеоролог не сделает. А нганасанские старики выйдут утречком, посмотрят окрест и скажут погоду на неделю. А этого на Таймыре даже профессионалы по погодной службе делать не берутся.

Я следил по снежнику за рассказом старика и думал о том, что человечество много потеряло, придя к современной цивилизации. Сколько надо знать тундровику, одному из единственной тысячи нганасан, чтобы жить на Таймыре с удовольствием и комфортом. Как богат его внутренний мир и как мало он зависит от всяких моторов и ящиков, набитых электроникой. И как много он умеет сам. Он сам делает себе всё – добывает насущные мясо и рыбу, строит жилища, делает сани и лодки. Он и шаманит маленько, и песни сочиняет. Попробуйте представить себе в одном лице и крестьянина, и автомобилестроителя, и корабеля, и священника! Старик Кая умеет ещё и оленя копьём добывать и из лука стрелять. А стрельба из лука – искусство не менее совершенное, чем игра на скрипке. А могут ли у нас все быть скрипачами? А раньше все мужчины умели стрелять из лука...

Кая сосредоточенно возился с веткой. Она на этом холме провела всю зиму. Нганасаны – кочевой народ. Они зиму проводят на южных землях таймыра – в посёлках, а летом, по большей части, расходятся по тундре, поближе к северу. В посёлках они живут в обычных домах из деревянного бруса, а летом – в чумах. Мы с семейством Кая только два дня тому назад прибыли на это место оленьим *аргишем* – караваном, который и привёз всё для жизни, чум, маленько еды – муки, сахара, табаку, соли и круп. Мясо и рыбу мы сами промыслим. На диких оленей охотиться самое время, лёд с озера ещё не сошёл, не взломался. Как только лёд отступит от берегов, мы поставим сетки, и старик Кая начнёт ловить рыбу для себя и для совхоза. У нганасан здесь имеется совхоз. Совхоз специализируется на добыче дикого оленя. Дикого оленя на Таймыре почти полмиллиона. Было время, когда всё человечество жило охотой на диких оленей. Археологические памятники

каменного века свидетельствуют о том, что олень в рационе людей играл роль повседневной еды, не стало мамонтов – олень оставался основной едой. Практически человек вскормлен мясом дикого северного оленя. В разных частях земли человек перешёл на разную еду – семена растений, домашний скот и птицу. А нганасаны как были оленьедами, так и остались. Они и сохранили для нас многое из культуры древних охотников на диких оленей. Ведь в ледниковый период условия жизни на большей части территории, где обитал человек, были очень похожие на таймырские. Нганасаны так и живут, повинувшись приливам и отливам тундровой живности, главной из которой является северный олень.

Зимой олень уходит в леса, на северную границу тайги. Весной возвращается в северные тундры. Зимой нганасаны живут в южной части полуострова. Летом выбирают места, где можно рыбачить и ждать оленей у переправ. Мы как раз и сидим на том месте, где олени скоро будут вплавь пересекать реку Пясину. Поэтому Кая и оставлял здесь свою лодку. Он и в прошлом году летовал на этом месте. Здесь и отец летовал, и дед. Здесь из поколения в поколения, тысячелетиями дикие олени форсируют водную преграду.

Я смотрел сверху на тундру и угадывал далёкие места, где Дудыпта впадает в Пясину. Мы-то сейчас сидели на речке Пайтурме, которая впадает в Дудыпту, Дудыпта – в Пясину, а Пясина – в Северный Ледовитый океан. Туда и покатится водичка, которая сочится сейчас из нашего снежника. Исконная нганасанская земля. Страна озёр и озерцов, ручьёв и многих речек, никак не названных русскими. Есть тут и свои горные страны, типа Путорана, где стоит суперсовременный городок Норильск, есть и ископаемые ледники на плато Бырранга, есть и внутренние моря – вроде озера Таймыр. Здесь самая северная граница леса. Причудливо скрученные, покрытые нежным зелёным пухом лиственницы наполняют райским ароматом всю тундру почти до побережья. На озёрах гомонят многотысячные стаи уток. Несметные армады гусиных деловито мастерят на суше гнёзда. Всякая кричащая и пищащая мелочь копошится возле самых наших сапог – кулички множества видов, крачки, чайки, всяческие птички, для которых север – это родина. Гомон стоит такой, что дикий олень на это время лишается слуха. Он совершенно не реагирует на звуки. Можно говорить в полный голос рядом со стадом диких, и животные не будут бояться. Сейчас оленей спасает только нюх.

Я смотрю, как на снежной глади озера, лежащего на несколько километров от нашей сопки, рядом с которой притулился наш чумик, движется цепочка оленей. Они идут кильватерной колонной. Отсюда они кажутся бурными жучками на белоснежной глади.

- Комолые быки, - бурчит Кая.

Оленей, старик, кажется, затылком видит. Он ведь не отрывает глаз от ветки. Я нащупал животных в бинокль и только тогда понял, что это

действительно комолые быки. Как старик всё это разглядел без оптического прибора самой совершенной конструкции, понять невозможно.

- Хорошо перелиняли, – говорит Кая. – Надо пойти добыть. Иди, принеси карабины и тащи ирянку – маленькую нарту.

- Вот бродяга, – подумалось мне. – В путь пойдёт, даже не сказав жене «прощай». У нганасан нет в языке «здравствуй», «прощай», «спасибо». По мнению стариков, - это лишние слова.

Старуху Сиитымяку ничуть не поразила решению супруга.

- *Тэти* - правильно, - одобрила она. – Шкуры молодых комолых быков совсем нужны...

У диких оленей важенки теряют рога после отёла, а быки – много раньше. Они отстают от стельных оленух и шествуют самостоятельно на места летовок вместе с молодняком. Они и линяют раньше всех других оленей. Именно в это время жёсткая зимняя шерсть вываливается и остаётся нежная молодая поросль на коже, уже битой личинкой оводов. Особенно нежна шерсть на шее и лопатках – из этой части шкуры старики и поныне шьют себе бельишко – штаны, в частности. Штаны в тундре – вещь серьёзная. Если штаны сшиты не по человеку, то они натирают тело и плохо греют. Для каждой части одежды нужно особую шкуру. Весенние олени шкуры идут на летние парки. Вообще-то, раньше, - я ещё застал это время в шестидесятых годах, - для каждого сезона шилась своя одежда. Мужчины носили зашитые спереди парки с капюшоном, плотно облегающим лицо, короткие штаны – нож на бедре, пристёгнут к ноге, - и *бакари* – особенную обувь без подъёма, вроде мешка. Воздушная подушка на пальцах не даёт ногам мёрзнуть. Женщины носили меховые комбинезоны и разрезанные спереди шубки и шапки. *Бакари* похожи на мужские. На парки нашивались орнаменты. По ним, как по погонам в армии, можно было определить общественное положение человека: является ли мужчина полноправным охотником, есть ли дети у женщины, женаты ли эти люди и так далее. Полноправным членом общества мужчина становился только тогда, когда добывал первого оленя. Мне самому лет двадцать пять тому назад сшили первую парку с детскими охранительными орнаментами. Я так и щеголял, уподобясь сопливым мальчишкам, пока не принёс своего дикого оленя. Тогда старухи сняли с меня парку и торжественно вшили заранее приготовленный орнамент *чимилерак* - особый узор, показывающий, что женщинам отныне надо относиться ко мне, как к существу противоположного пола...

Всё-таки я погорячился и перегрузил *ирянку*. Она была сама по себе лёгенькой, её я поднимал без усилия одной рукой. Два карабина, топор, чайник, патроны, хлеб, соль, примус, брезент для устройства ветрового заслона, две оленьих шкуры для сидения на земле заставили санки резать тронутый теплом наст. Это выяснилось сразу же, как я прошёл с нартами по

снежной плите, лежащей в мелком овражке. Здесь тронулся от тёплого воздуха.

Старик Кая скрыл свою досаду от моего недоумения. Он остановил меня:

- Пойди принеси подполозки, что сбоку чума приставлены.

Я безропотно повиновался. Кая стал Барба – руководитель охоты и спорить с ним не полагалось. Когда я вернулся к нему с подполозками, он уже ножом отделил старые зимние подполозки и в считанные минуты «подшил» новые, широкие. Подшил он их с помощью деревянных втулок, заранее заделанных в полоз. Зимние полозья он воткнул в снег, передал мне ляжку, в которую я впрягся. Надо бы было впрячь вместе со мной и стариковского пса – Коротколапого. Однако, по людским меркам, этот пёс был старше самого Кая, и я снизошёл к его почтенному возрасту. Пёс, тонко понимая ситуацию, как только я садился отдыхать, лизал меня в ухо.

Ходьба заняла часа два. Старина Кая шагал, как заведённый, через чавкающие под ногами лайды – болотники, залитые водой, срезал заливы нашего безымянного озера. Лёд на заливах был чудной – смёрзшиеся, вертикально стоящие сосульки составляли его подводную часть. На льду были уже обширные промоины. Снег кое-где покрыла тёмная земляная пудра. Олени катышки под солнышком вталяли в снег, пробуравив глубокие дырочки. Мне ходить в тундре первые дни трудновато. Всё время меняется режим ходьбы – то снежная каша, то каменный лёд, то болото. А бывает и вязкая глина. Правда, редко. Кая предупредил, что лучше немного помесить глину, чем давать многокилометрового крюка. Он был, как всегда, прав. После двух часов ходьбы мы вышли на этакое плоскогорье. Мы поднялись на равнину через устье небольшого оврага, и прямо перед нами предстали расходящиеся линии вешек – палок, поставленных метров через сорок с одетыми на них пластинами дёрна. Это родовой, так сказать, охотничий участок Кая. Старик молча присел возле первого дернового столбика и помял в руке какие-то потемневшие полусгнившие ремни, лежащие рядом.

- Сеть, - догадался я. Раньше нганасаны устраивали многолюдные охоты. Они на несколько километров устанавливали вешки, расходящиеся из одной точки под острым углом. На эти вешки привязывали гусиные крылья, которые постоянно мотались на ветру. Если олени входили в широкую часть загона, или же их туда ловко направляли, то они уже не могли отсюда вырваться. Они пугались изгороди и бежали всё время к узкому горлу, где устанавливали сеть, сплетённую из ремней. В загоне добывали оленей много. Уже тогда, когда они переставали плавать через реки. Но всё же основную часть животных промышляли на воде. Стаду давали зайти в реку и тотчас в него врывались охотники на маленьких юрких ветках, с которых зверей кололи копьями. Охотник выбирал из стада самых упитанных взрослых животных. Сейчас оленей добывают точно так же. Только не с веток, а с моторок, и не копьями, а картечью. Добывают много – нужно кормить мясом металлургов и горняков Норильска и докеров Дудинки...

- Пошли, - предложил старик, и мы пошли через лайду к проходу между двумя горушками.

На охотничьем местечке старика ещё сохранилось прошлогоднее кострище.

- Русский охотовед палил, - пояснил старик. Природный нганасан никогда не стал бы разводить прямо на живой земле огонь и не стал бы забивать в неё колья или же ножом колоть. Земля, по нганасанским воззрениям, живое существо. Это она, огромная самка, Мать всему живому. К ней так и обращаются – *Моу-Нямы* – Земля-Мать.

Мы укрепили наш брезент, и он совершенно слился с мшистой почвой. Под брезентом угнезвился примус и очень приятно запел песню про чай.

- Олень-то скоро не придёт, - пояснил Кая. – Он теперь на лёжку остановился вон там, - старик показал рукой. – Он ещё сколько-то времени полежит и тогда пойдёт. Как сюда подойдёт, вон у того камня будет, то ты третьего оленя стреляй. – Коротконогий при этих словах поднял голову и внимательно посмотрел на меня – понял ли. Я погладил его, чтобы уверить.

- Как это ты знаешь? – поразился я.

- Во сне видел, - коротко ответил старик.

- Совсем старый стал, - сказал он про собаку. – Раньше бы мы не стали дожидаться. Раньше бы мы туда пошли, где олени лежат. Тогда он бы нам пригнал еду прямо к ногам. Коротконогий в прошлом был, действительно, выдающимся охотником. Если собака гоняет оленя, то он старается забежать ей под ветер, чтобы определиться ноздрями. Он, впрочем, так ведёт себя по отношению к любому движущемуся предмету. Нганасанские учёные лайки бегут при этом так, что не позволяют оленю оставить их на наветренной стороне. Собака бежит так, что олень в запале сам наскакивает на то место, где сидит охотник. Кая раньше из-под Коротконового добывал оленя копьём.

Чай после ходьбы подействовал как снотворное. Будильником сработал Коротконогий. Он лизнул меня в нос, и я мгновенно проснулся. Кая сидел на корточках и смотрел прямо перед собой. Он почувствовал, что я не сплю, и сделал мне знак рукой.

- Давай карабин, - понял я.

Старик передёрнул затвор и опять застыл в ожидании. Я уселся возле нарты и приготовил свой карабин, чтобы стрелять с упора.

Олени появились неожиданно. Неожиданно для меня. Кая уже давно выцеливал не видное мне. У меня с глазами совсем было плоховато. Я и прицелиться путём не успел, как увидел бегущих оленей и услышал оглушительный выстрел старика. Олени ринулись между сопками и исчезли. Один лежал на тропе, будто молнией сражённый. Рука у старика была ещё – дай Бог! И глаз тоже.

- Чего не стрелял? – повернул ко мне смеющееся лицо старик. – Ждал, когда прямо в котёл прибежит?

- Я и подумать не успел.

- Значит, олень быстрее тебя думает.

Большой комолый бык был ещё в теле. В эту пору все олени сильно тощат. Только быки сохраняют ещё немного жира. Старик вынул свой ножик – односторонне заточенный напильник, всаженный в грубую рукоять из лиственницы, и приступил к добыче. Движением опытного хирурга он вынул сначала глаза, отошёл в сторону, положил их в мох, на землю, и сказал:

- Вот, Земля-Мать, тебе обратно отдаю. – И постоял немного на коленях перед жертвой.

Я-то знал про этот старый нганасанский обычай. Жизненная сила, по нганасанскому катехизису, концентрируется в глазах у животных. Это Земля-Мать наделяет глаза такой сутью. Это она носит в себе глаза, как рыба икру, и вкладывает их в тело самок, где они и обрастают мясом. Старик взял только мясо. Он не взял жизнь. Жизнь повторится.

Сяйбамяку

Сяйбамяку изумила меня в очередной раз.

- Жаль только, что этот раз – последний, - подумалось мне тогда.

Вчера вечером я притаился в чум после всех. К тому, что моя основная работа – этнография, здешние старики относились несерьёзно. Глава стойбища старый Хонсу, правда, никогда даже не намекал мне, что на стойбище работает лишний рот, но простаивают лишние ноги, и бездействуют лишние руки. Рот и конечности – мои.

Сяйбамяку приходилась Хонсу старшей сестрой матери. И уж если он считался вполне законно стариком, то старшая сестра его матери, по-нганасански – «коту» - принималась обществом за суперстаруху, за всеобщую праматерь, для которой не обязательны светские условности. Сяйбамяку по этой причине распоряжалась мной, как считала справедливым.

- Чего будешь целый день узоры рисовать? – приблизительно так можно близко к смыслу передать нганасанское понятие «писать». – Вон, парни к Ушкан-камню пойдут дикого искать...

Намёк я понял. Идти, по правде, сильно не хотелось. Были последние дни весны, и наст уже подломился. Неистовое полярное солнце шпарило днём и ночью. Наше стойбище располагалось на последней стоянке перед летовкой. Семейство Линанчера повторяло путь своих предков с севера на юг, из зимы – в лето. Летовать эти люди будут на Дудыпте, в местечке, через которое всегда переправляются дикие олени, когда осенью идут от кромки Ледовитого океана в лес, в горы Эвенкии, пересекая весь Таймыр. Нганасаны – исконные охотники на дикого оленя, как и много столетий тому назад, шли теперь за зверем. Весна бешено набирала ход. Уже появились чёрные

прогалины у речных берегов, открылись забереги. Тучи птицы навалились на тундру. Прямо рядом с нашим стойбищем одни гусиные стаи меняли других. Утки гомонили со всех сторон, а куличье и прочая птичья мелочь вообще не обращали внимание на людей, приводнялись в любой луже.

Главный дикий олень уже прошёл. Ушли на север, в отельные места, важенки. В потаённых урочищах они произведут на свет оленят. Эти места хорошо известны нганасанам. Однако ни один не решится потревожить диких оленей – источник человеческой жизни во время святого акта. Даже волки, пасущие диких оленей, не бесчинствуют на отёле. Они уже ранее насытились до предела. Во время весенних переходов всяких увечных доходяг хватает. Да и сами волки заняты больше собственным потомством. На отёл сходится и слетается вся тундра: песцы, вороны и прочие разбойники. Они и выметают всё, что остаётся после этого – последы, родильную кровь, мертворожденных телят. А важенки уже бредут со своим потомством на север. Туда, где арктический ветер отгоняет насекомых-кровососов. Там они выкормят молодняк и пойдут обратно в лес, на зиму.

Мимо нас тянется охвостье полумиллионного стада диких оленей Таймырского полуострова. Идут олени прошлого года рождения, а в арьергарде движутся комолые быки. Они и тело сохранили в этот период. И мясо у них пожирнее. Тошачков, однако, больше. Осенью этих самых тошачков не узнаешь. Лихие станут олени. Тундра всех поправит.

Парни пойдут скрадывать этих самых комолых быков. А мне идти не хотелось, наст уже тронулся. Нганасанские парни лёгонькие, выносливые, природные ходоки. Пока они будут порхать над землёй, мне придётся грести снег ногами до полного изнеможения. К тому же, если промысел будет удачным, мне придётся также невесело. Грузоподъёмность у меня поболее, чем у них. Стало быть, на мою долю груза придётся больше. Сам навалю.

К тому же у меня было моральное право поломаться. Я в прошлые недели так натруился, что на старом стойбище вешала трещали от мяса. Надо бы его сушить. Мясо весенней сушки до следующей весны живёт. Однако отличился барба Хонсу. Точнее, отличились безымянные вертолётчики. Мы с парнями ушли промышлять – и на старое стойбище прилетел вертолёт. Он протащился сбоку от нас, явно нас видел в дороге, но сел возле чумов. Наверное, геологический вертолёт. Видел вертолёт, что большинство мужиков дома не сидят, но сел всё-таки возле чумов. Мне это сразу не понравилось. Я сказал парням, чтобы повернули *бакари* назад по следу, и мы двинулись обратно. Однако вертолёт ждать не стал и отлетел, как душа безгрешная, за полчаса до нашего возвращения. Вешала оказались пустыми. Старики – пьяными. Даже Сяйбамяку хмельная пела в чужом доме. Нас утешили бутылкой водки. Вторую выпили до нас. Назавтра выяснилось, что шустрые вертолётчики получили мясо в «подарку». По бутылке они дали за песцов, которых у Хонсу оказалось только два. Стало быть, вертолётчики рассудили, что песцы денег стоят, а оленина – она вроде ничейная, божья.

- Может быть, *дюrome*-сказку про то, как мир начинался, допишем? – попробовал вывернуться я...

- Сказку потом говорить буду, - утвердила старуха.

Я молча натянул *бакари* – нганасанские меховые сапоги без подъёма и пошёл вон из чума собирать охотничью нарту. Если я сейчас и мог быть полезным – только в качестве тягловой силы.

Старина Хонсу, сопя от сочувствия, отрегулировал на мне длину постромки, и я тронулся вслед его сыновьям.

Прибыл я, если так можно сказать, к мясному разбору. Мужики увидели издалека небольшое стадо комолых вперемежку с молодыми и выбежали им наперерез. Стадо поторопилось с переходом. Обычно в это время диким полагается проводить время на лёжке, а двигаться позже. План у охотников был соответственный: сесть на оленьей дороге в склад и дожждаться, когда какое-либо стадо пойдёт мимо. Ждать не пришлось. Они увидели, как цепочка животных пошла с недалёкой сопки, выбежали наперерез и удачно затаились, дав зверям подойти на выстрел. Ветер был счастливый – на них.

Я напрасно погорячился, торопясь скорее придти к парням. Всё равно пришлось ждать, пока они разделают туши и вскипятят чай. Первобытный азарт всё же заставил меня ломиться через глубокий снег напрямую, и когда я подтащил свою нарту к месту разделки быков, ноги согнулись сами, я плюхнулся на снег.

Быки в общем перелиняли. Зимняя шерсть попросту стиралась рукой или спинкой ножа. Под ней открывался бархат, бобрик, плюш, - я не знаю, как назвать ещё, - новой шерсти.

На разделку можно смотреть бесконечно, поражаясь виртуозному мастерству нганасанских мужичков. Они этому делу учатся с измальства. Уже мальчишкой любой охотничек столько пациентов пропустит через свои руки, сколько иному хирургу за жизнь не выпадет.

Парни орудовали небольшими ножиками, - заточенный кусок капканной пружины, забитый в листовенничную рукоять, - над огромными быками, а в небе уже тревожились чайки. Большие, как гуси, белые морские чайки с красными клювами.

- Мясо не спрятать, - обронил, наконец, один из охотников...

Реплика относилась ко мне. Если чайки видели добычу, её уже не спрячешь. Обычно, когда птицы не навязывались охотникам, можно было закопать одну тушу в снег, или же часть мяса спрятать в снег – всё одно, что в холодильник положить. При чайках этого делать нельзя. Только отойдёшь от своей добычи, как ей сразу же овладевают тундровые разбойники. Они поганят тушу – вытягивают кишки, выклёвывают глаза, печень, выливают в брюшную полость содержимое желудков, и туша быстро протухает. Стало быть, нужно тащить всё мясо на стойбище.

Моя нарта получилась тяжеловатой.

- Идите вперед, - сказал я парням, - не ждите. Я не спеша пойду.

Они молча согласились. Впряглись в свои нарты и пошли «по снегу, яко по земли». А я посидел ещё малость, поразмышлял и тронулся, когда они скрылись в ближней лощине.

Сяйбамяку ждала меня возле чума. Я её издалека увидел. Крошечная фигурка возле тёмного конуса. Старуха, видно, пожалела меня.

- Вот твой пай, - сказал я небрежно, останавливая нарты возле неё: эти слова – часть нганасанского ритуала. Я считался таким же добытчиком, как и охотники. Добыча была моей только до того места, где находятся женщины. Теперь всё это – уже не моё. Моё дело передать мясо даме сердца и идти в чум. Мне теперь было бы просто неприлично глядеть, как разделяют добычу. Охотник при разделе во внимание не принимается. Ему могут самый плохой кусок мяса дать, если есть более нуждающиеся.

- *Эбэй*, - заулыбалась старуха, - *четома няга* (четырежды хорошо)!

У нганасан нет слова «спасибо». Если есть необходимость – говорят русское слово. Если имеют дело с понимающим человеком, то обходятся и без этого.

Чайник в чуме ещё не остыл, и жена Хонсу, тоже не молоденькая женщина, налила мне кружку, прежде чем идти наружу делить добычу.

Нганасанский чум обычно состоит из двух частей – правой и левой. Вход – вырез в крышке – *нюке* с южной стороны, за ним очаг – *тори*, священное место, а за очагом ещё более священное место – *сиенг*. Там хранят одежду, посуду и некоторых идолов.

Справа – жильё хозяев, слева – жильё дальних родственников и гостей. Справа жил старина Хонсу с супругой, а слева – я с Сяйбамяку. Наши спальные мешки были расстелены рядом. У меня, как у мужчины, - подальше от входа, а у старухи – поближе к нему.

Я с наслаждением растянулся на своём мешке и принялся читать старые записи в дневнике. Сюжеты были все экзотические. Старые мифы о творении Земли и всё такое прочее. Это я всё от Сяйбамяку записал. Вчера старуха начала излагать грандиозный сюжет о *Дейбангуо* – человеку-боге, который стал равным небожителем и устроил Землю так, чтобы на ней могли жить люди. Сюжет совершенно неведомый в нашей полярной этнографии, королевский сюжет.

- Завтра допишу, - решил я, - устал больно.

Всё равно работать было слишком поздно. По-местному – часа три ночи. Только люди не обращали на это внимания. Жили по вдохновению. Устали – спать, сила есть – двигаются.

- Буду спать, - решил я и полез в мешок.

Спать не удалось.

- Нянту-парень, - услышал я сквозь дрему голос Сяйбамяку, - давай вставай, сказку говорить буду.

- Завтра давай, - сквозь сон пробормотал я.

- Завтра нельзя, - тормозила меня Сяйбамяку. – Завтра не успею...

- Экое неугомонное создание!

Спать, однако, не приходилось. Возражать Сяйбамяку немногие решались. Она ощутима на фоне нганасанской массы, что ли. Не знаю, как правильно сказать. У нганасан нет широких народных масс, на свете нет нганасанской толпы. Их всего тысяча человек. Нет и эффекта толпы – многоногого чудовища с одним лицом. Если тысяча человек выглядит как самостоятельный народ, то личность – каждый.

- Ладно, согласился я, вылез до пояса из мешка и достал дневник.

Диктовка длилась долго. Старуха побледнела от усталости, когда мы подошли к концу сказки – *Дейбангуо* отправился на Солнце.

Старуха проговорила последнюю фразу и притихла.

- Ну, чего написал? – спросила она после краткого отдыха.

Я по заведённому порядку прочитал ей последний кусок.

- *Тэти* (правильно), - утвердила старуха.

- Куда спешила? – укорил я её. – Вон как устала. Лучше бы завтра дописали...

Она слабо улыбнулась:

- Завтра в Бодырбо-Моу – Землю Мёртвых *аргишу*. А то мой старик там уже без меня совсем соскучился. Как тебя не было, он ко мне опять во сне приходил, говорил:

- Ко мне скорее приходи. Скучно одному.

- Ладно, - прервал я её. – Такие сказки я знаю. В следующий раз скажи ему, что ещё не все сказки мне рассказала.

Я знал эту манеру нганасанских стариков с явным удовольствием рассуждать о том, что они скоро *аргишат* в *Бодырбо-Моу*. Там они опять становятся молодыми и начинают там заниматься всем тем, что у нас считается пороком, а у нганасан – добродетелью: танцевать на бесконечном празднике, у мужиков, естественно, драться из-за девок, заниматься любовью с теми, с кем при жизни не удалось, и всё такое. Любят старики порассуждать о своём счастливом будущем в *Бодырбо-Моу*...

- Лучше спи давай, - предложил я.

Старуха посмотрела на меня как-то искоса и спрятала голову в спальник.

Утро, как всегда, начиналось с подковырок.

Жена Хонсу что-то съязвила в наш адрес. То, что мы со старухой спали на одной половине, было предметом постоянных шуток. Я же говорил, что наши грехи у нганасан почитаются добродетелями.

Жена Хонсу беззлобно подтрунила над тем, что Сяйбамяку ещё спит, когда сама только вылезла из семейного спального полога. Потом она затихла, снова полезла в полог и стала о чём-то шептаться с Хонсу.

- Иняку, - позвал я соседку, легонько толкнув её мешок.

Старуха не отзывалась. Стало как-то тревожно и мне. Я сам не понял, что изменилось в чуме. И вдруг меня осенило:

- Собаки!

Не было слышно ни одного собачьего голоса. А полагалось, чтобы собаки в это время уже всю шумели в чуме – лаяла многодетная сука, скулили щенки, и мой любимый старый кобель уже давно должен был толкать меня носом в бок, требуя ласки.

Собак не было слышно.

Я вылез из мешка, тихонько отогнул полу старухиной постели и увидел незрячие глаза.

Всё-таки ушла.

Вот тут-то я вспомнил вчерашний разговор.

- Всё хорошенько делайте, - наставлял старина Хонсу... Душа-то теперь тут стоит пока, смотрит, как делаете...

Это было ни с чем несообразное толкование. Совсем старый одичал без шамана. Невесть чего несёт. Впрочем, его простить можно. Их родового шамана прибрали в сороковых годах. Куда делся – неизвестно. Сидел в тюрьме в Красноярске, где и климат получше, и условия покомфортнее. Один из шаманов, которого тоже забирали в сороковых, очень хвалил. «Тепло, - говорил, делать ничего не надо...»

- Душа ещё не ушла, будто, - бормотал Хонсу.

Мне не с руки было его поправлять. Он здесь главный – *барба*. А я – его гость. Всё же, по нганасанским канонам, душа старухи была уже далеко от нашего грешного Среднего Мира. Она уже *Бодырбо-Моу*, а Нижнем Мире, в Земле Мёртвых. Старухина душа давно уже пробежала длинной дорогой через невидимую дыру в теле Земли-Матери, перешагнула через три заструга, - отсюда толковый шаман мог бы вернуть её обратно, - и пересекла на льдине нганасанский Стикс, живой и мир мёртвый, мир потусторонний. А там уже... Даже воображения не хватает. Там её уже ждал, наверное, верный Нялымтыси и ещё много парней, которым она не досталась при жизни. А дальше её ждали чумы всей родни, о которой она ещё слышала. Древняя-то родня могла и опять *аргишить* на эту Землю. Так что душа Сяйбамяку не глядела на собственные похороны. Может быть, прибежали какие-то склочные души проверить, есть ли совесть у потомков, но это дело другое.

- Здесь пока посиди, – сказал мне старина Хонсу, усаживаясь рядом.

Чувствовалось, что ему было не по себе.

- Э! – согласился я кратко. Выходить из чума мне было нельзя.

Я был *нгадюма* – опоганенный. Тут подходящего русского слова не сыщешь. Я побыл рядом с мертвецом и стал вроде бы сам источником этой трупной ипостаси. То же самое и все, кто в это время находился в чуме.

Теперь мне нельзя выходить из чума и одаривать мир этой опасностью до того, как старуху повлекут к месту успокоения. Потом меня очистят дымом от горящей собачьей шерсти и я буду как все. Уже и собаку белую привели. Большая белая сука жалобно смотрела, главным образом, в небо. Глянет в чум – снова глаза вверх. Подымет морду и издаст звук, на вой совсем не похожий.

В чуме было уже не протолкнуться. Собрались все женщины. Они мигом развязали запасную нарту старухи, где лежала её «смертная парка», она же свадебная. Достали всё, что старуха давным-давно приготовила на этот случай, и принялись за дело.

Похоронный *кокуль* – меховой мешок не зашивается с одного края. Женщины уложили на свежую шкуру маленькое тельце покойницы, разрезав её спальник. Нганасаны спят голыми. Снимать с неё ничего не пришлось.

Она, даже по нганасанским меркам, была миниатюрной. На русский глаз – с десятилетнюю девочку. Из этого крошечного тела вышло ещё восемь человек. Сейчас в живых только двое. Баланс. Родилось восемь, а на земле осталось жить по человеку за каждого.

Смертная одежда у нганасан необычайно красива. Меховой комбинезон, *бакари*, сама парка украшена множеством латунных навесок, колец и колокольчиков. Когда женщина в таком наряде идёт – её далеко слышно. В правую руку дали огромную трубку из мамонтовой кости, необкуренную – тоже полагается на тот свет с собой брать.

Бренные останки уложили на бок, скрутили в крошечный клубок неживую плоть, связали ремешками – получился эмбрион. Эмбрион уложили в похоронный *кокуль* и принялись его зашивать.

Шить женщинам было непривычно. Они-то с детства учатся делать всё крепко, а тут надо мастерить всё наоборот. Узелков на оленьей нитке – жилке не завязывать, швы делать грубыми. На том свете, ведь, всё наоборот. Слабо сшитое – значит – крепкое, мало – значит, много и так далее. Дать покойнику мешок табаку – значит, ничего не дать, а дать щепотку – снабдить табаком надолго. Это не практицизм. Это философия.

Как только *кокуль* был зашит, принялись за нас. С большой белой собаки нарезали ножом шерсти с заправка. Она со скорбным достоинством вытерпела процедуру. Шерсть кинули в огонь, велели мне встать над ним и «растопыриться», чтобы дым от священной собачьей шерсти смыл с меня всё нечистое. Так, весь в дыму, я и вышел из чума и сел подле на свою нарту. Белая собака подошла ко мне и подала лапу. Я с благодарностью пожал её. Так же вышел в сам *барба* – хозяин и все, кто принимал участие в похоронной работе.

Женщины принялись разматывать завязки чума. Будут разбирать старухину половину. Нганасанские женщины – независимые люди. У них всегда всё своё. Если старуха даже и живёт с кем-то в чуме, то *нюки* на её стороне – свои.

Женщины уложили эти *нюки* на специальные нарты, где были и другие детали покрышки, шесты – целое жильё для Сяйбамяку.

Парни разобрали постройки грузовых нарт старухи и потащили весь *аргиш* за покойницей. Тут были и нарты с одеждой – на высоченных санках с высокими спинками, - были грузовые санки с дровами и всякой утварью. На том свете всё пригодится.

Ледовку – захоронку поставили на невысокой сопке. Пока рубили лиственницы для погребального чума – *маталирма* – облезлый тощий песец с предельной наглостью облаивал нашу процессию. Знал, хитрюга, что летом он никому не нужен.

Парни составили брёвна чумом, втащили в него нарту с покойницей и расставили нарты похоронного *аргиша*. Они изрубили полозья и сиденья, упряжь, пробили кастрюльки и разложили мясо, взятое в гигантских количествах – угощение всем в *Бодырбо-Моу*.

Наглый песец прямо из своей драной шкуры выскакивал, заходился от лая.

- Ну вот, - сказал я, когда дело было сделано, - закуски навалом, а с выпивкой плоховато...

И тут старик Хонсу отмочил, на мой взгляд, несуразицу:

- Старуха тоже с собой бутылку унесла, - заявил он. – Как к своим дойдёт – подарок давать будет...

Я глянул на Хонсу с недоверием не потому, что обычай был другим. Не верилось, что на нашем стойбище могла долго прожить нераспечатанная бутылка.

Хонсу понял мои сомнения.

- Бутылка-то у неё была, - мотнул он в сторону могилы-ледовки.

Я опять посмотрел максимально вопросительно.

- бутылка-то в сундуке лежала, где её посуда, с собой которую брать хотела... Значит, и бутылку брать хотела...

Я успокоился. Стало быть, старик был в здравом уме и полной памяти при всех его известных мне наклонностях.

Мы шли медленно, маленько не туда, куда вышли. Оставшиеся женщины должны были перекочевать с этого места и поставить новые чумы. Захоронка уже исчезла из глаз, а мы всё шли и шли. Погорячились дамы, уже очень далеко отъехали от рокового места.

Как только углядели чумы – вроде бы сил прибавилось. Дым над каждым пристанищем сулил еду, если только женщины всю её не положили старухе. Уж то-то теперь кипит тризна на Сяйбамякском холме. Сбежались на свежее жертвенное мясо все – и мышьяная мелочь всякая, и тот самый недопёсок с семейством, что нагло тьякал. Не приведи Бог, правда, медведя. Этот обязательно разорит могилу, а покойника по-своему перепрячет. Медведей ещё пока видно не было. Рано.

Жена Хонсу и все его родственницы сияли, просто лопались от чего-то неожиданного.

- Однако на русский закон поминать будем, - наконец, небрежно бросила спутница Хонсу.

И тут женщин прорвало. Это только слухи такие идут про северян, что они молчуны и скрытны. Послушали бы вы женщин, когда посторонних нет.

Выяснилось следующее. Когда мы ушли, а эти стали готовиться *аргишить*, то в том месте, где хранится общая посуда за очагом, обнаружились две бутылки спирта.

Стало быть, уже после нашего ночного бдения старуха дождалась, когда я усну, вылезла из мешка, вышла наружу к той самой заветной нарте и достала запас, о котором никто не знал. Это она из-за меня. И русский обряд учла. Без меня всё бы унесла в *Бодырбо-Моу*.

- Это – моя коту-старшая сестра матери, - гордо заявил Хонсу и сел к огню первым.

Мамонтовый бубен

Замечательный этнограф Борис Осипович Долгих лет тридцать тому назад рассказывал мне, что в 1926 году, прибыв на Таймыр для проведения Приполярной переписи, он обнаружил там новый народ. Будучи человеком пунктуальным, Борис Осипович немедленно погрузился в изучение языка неведомого народа и сильно преуспел в этом. Несколько позже Долгих установил, что он овладел якутским языком или, по крайней мере, одним из его диалектов, а новый народ, судя по литературе, был известен уже А.Ф. Миддендорфу и А.М. Кастрену.

Администрация Енисейской губернии во время путешествия А.Ф. Миддендорфа прислала в Российскую Академию наук *бумани*, в которых упоминались долганы. А.М. Кастрен называет долган в «Путевых ответах и письмах» во время своего знаменитого путешествия. Он был на Таймыре в 1846 г. О том, что известия о долганах на научную общественность особого впечатления не произвели, говорит хотя бы тот факт, что отличный знаток Сибири Борис Осипович Долгих и в 1926 году посчитал долган за вновь открытый народ. Во время создания Таймырского национального округа в тридцатые годы долганы были упомянуты в его названии. Второе название Таймырского округа – Долгано-Ненецкий.

Я попал на Таймыр, когда округу исполнилось четверть века, и в том, что долганы самостоятельный народ, уже никто не сомневался, кроме некоторых старых долган.

- Ты сколько времени здесь в тундре будешь? – спросил меня славный оленевод Аким Лаптуков. Наш разговор произошёл на стойбище на таймырской реке Пайтурма, в чуме нганасана Хосю Момде в мае 1961 г.

- Думаю, в конце июня уйти к Ушкан-камню, на стойбище к Танделю, а потом спуститься по речкам в Пясину и в августе через Кресты уйти на Валек к Норильску.

Аким задумчиво посмотрел на меня поверх вместительного блюда, отхлебнув крепко заваренного чаю, и задумчиво сказал:

- Однако так-то не будет.

- Почему? – изумился я.

- Однако в конце июня, как говоришь, этот год дороги не будет. На оленях или как пешком на Ушкан-камень не попадешь... Эту неделю далее совсем тепло придёт...

- Аким Иванович, как же это ты так уверенно погоду предсказываешь?

- Роман Бархатов учил, - гордо заявил старый долган. – Я ещё мальчишкой у него в помощниках был, повторял его слова, когда он шаманил... Он один раз и попросил духов, чтобы они мне глаза дали погоду вперёд смотреть. – Аким Иванович задумался: видно, вспомнил старые годы, когда жив был неистовый долганский шаман Роман Бархатов.

Борис Осипович рассказывал о нём, что бархатов был человеком большого оленного счастья. Сыновей у него было семеро от разных жён. Видом Роман был светлый, раскосый. Он не принял советской власти и поднял восстание. Со своими сподвижниками захватил Хатангу. Однако там его взяли красные и пустили в расход.

- У Романа даже мамонтовый бубен был, - промолвил Аким Иванович.

Я сосредоточился. Из-за этого самого бубна я и торчал здесь.

А Лаптуков принялся пространно ведать о грядущей погоде. Он настоял, чтобы я взял дневник и пунктуально записал, когда что будет. Он с уверенностью определил время первых тёплых дождей, бурный паводок, короткое время большой воды и резкий спад её, быстрое усыхание речек и всё то, что создавало непреодолимую преграду моему плану. Он практически определил погоду на треть года вперёд с точностью до одного дня. У меня тогда не хватило ума поверить в этот прогноз, и я застрял в Авамской тундре на всё лето. Тогда же Аким Иванович задал мне этнографическую задачу, которая и является сутью происхождения долган:

- Вот, однако, на нас говорят – долганы. Долганы – это что такое? Старики говорят, что это такой у тунгусов род был. Сами-то себя называем саха. А саха – это будто якуты. Моя-то бабушка, говорят, была от русской матери. Как сюда попала? А ещё мы, говорят, крещёные, и шаманы у нас есть. Говорят, что и у русских шаманы были...

Тогда ещё не была опубликована работа Бориса Осиповича Долгих о происхождении долган и я, естественно, ни на один вопрос Акима Ивановича, старого долгана, ответить не мог.

Как-то старый приятель-нганасан прислал мне письмо следующего содержания:

Здравствуй, Юрий Борисович!

Пишет тебе письмо Хосю. Как ты у нас был, то говорил, что тебе интересно, какие шаманы раньше были. Я потом на Пайтурме рыбачил. Там ходил по речке, смотрел пески. В одном месте посмотрел спрятанные шаманские паркы и мамонтовый бубен. Никому не говорил про это. Боялся – старики ругаться будут. Скажут, не надо чужого трогать. Мамонтовый бубен совсем хороший. Там тоже колотушка есть мамонтовая. Я бубен и колотушку в лужу положил, чтобы не трескались. Ты приезжай. Мы туда ходим и всё посмотрим. У нас все хорошо здоровые. Мы опять летом рыбачить на Пайтурме будем. Пришли трубки курить, а то нет. Привези с собой патронов готовых двенадцатого калибра на гуся. Приезжай. Напиши письмо.

Хосю.

Известие было ошеломляющим. Для любого этнографа-северника увидеть подобные вещи – большая удача. Кажется, сам по себе факт незначительный – старинное шаманское барахло с бубном, сделанным из мамонтовой кости. Однако, насколько известно, ни один музей этнографии не может похвастаться тем, что в его коллекциях есть подобные вещи. Мамонтовый бубен! Только в фольклоре встречается изредка упоминания о том, что тот или иной могущественный шаман орудовал с бубном из мамонтовой кости. В фольклоре выступают при этом не реальные личности, а сказочные люди. Камлание с мамонтовым бубном, по древним поверьям, было под силу поистине необычным шаманам. Познакомившись с шаманским кладом, который нашёл Хосю, можно было бы очень многое понять из прошлого самых северных охотников на дикого оленя.

Всё дело было лишь в этнографическом начальстве. В этом году экспедиции на Таймыр планом не предусматривались. Идти и говорить о том, чтобы дали денег сверх плана только потому, что некий нганасан нашёл бубен из мамонтовой кости, было делом безнадёжным. Этнографическое начальство такими штучками, как мамонтовый бубен, не проймёшь. Даже если придти с письмом о том, что в таймырских дебрях кто-то обнаружил людей с двумя головами, то и это навряд ли приведёт к отступлению от плана работ. Даже на двуглавых антропоидов начальство бы не клюнуло. У нас в Санкт-Петербурге, в музее антропологии и этнографии, в кунсткамере немало двуглавых младенцев. Так что мамонтовый бубен ни в коей мере нельзя поминать в качестве причины поездки. Дело казалось безнадёжным, и поэтому я отправил Хосю весьма туманное письмо:

Дорогой Хосю!

Большое спасибо тебе за находку. Пожалуйста, никому не говори о ней. Как бы какая-нибудь экспедиция этот шаманский клад не

растащила. Трубки я послал. Пока не пришлю тебе другое письмо, не уходи далеко в тундру. Постараюсь приехать.

Ю.Б. Симченко

Но тут же на выручку пришла судьба в лице сотрудника Комитета народов Севера. Он, курируя таймырское промысловое хозяйство, занимающееся добычей диких оленей, возымел нужду в том, чтобы этнограф съездил в эти края и дал заключение – в какой степени соответствуют возможности этого хозяйства нуждам национального развития. Самая обычная работа, которая выполняется именно этнографами. На это, естественно, у этнографического начальства деньги всегда наготове.

Произошёл соответственный обмен официальными бумагами, и этнографическая экспедиция собралась в рекордно короткий срок. Хосю я направил очередную депешу:

Хосю!

Не уходи далеко от Волочанки. Выезжаю.

Ю.Б. Симченко.

И вот мы идём смотреть шаманский клад, который нашёл Хосю. Вышли в ночь. С собой взяли ружья, брезентовый баул, спички, табак и прочее дорожное снаряжение.

Хосина жена, Катерина, помахала нам рукой на прощание, а с озера прокричала белоносая гагара. Глас гагары – поистине глас небесный. Таинственный и недобрый. Шаманская птица.

Как только начинаешь идти, то не надо торопиться. Первая тропа – самая тяжкая. Еле-еле бредём безо всякого усердия и радости. Ноги за ноги цепляем. Помалкиваем. Дорога идёт сначала краем озера, а потом приходится выходить на лёд. Лёд состоит из вертикально поставленных и спаянных между собой кристаллов.

В озере видно много проталин. Дырки имеются и в разводьях, и просто на чистых местах. Кое-где вода выступила на льду. Санные дороги оказались глубоко под водой. Следы диких оленей так и опускаются в лёд. Чёрные катышки помёта пробуравливают льдины насквозь, образуя глубокие колодцы.

- Вот, посмотри, - показывает Хосю, - сколько здесь *бетянга* – чиров кормилось.

Он видит эти рыбьи следы и может сказать, кто здесь был: чир, пелядь или же сиг. Какие-то библейские мудрецы изрекали, что нельзя увидеть след рыбы в воде, змеи в камне и мужчины в женщине. Или что-то в этом роде. Чуть ли не самому Соломону эти словеса и принадлежат. А всё оказывается неправдой. Северные ихтиологи опровергают этих библейских мудрецов.

Хосю идёт нганасанской походкой. Ноги чуть-чуть согнуты, носки смотрят в разные стороны. Эта походка вырабатывается при ходьбе по снегу и болоту. Ногу надо ставить, чтобы не проваливаться, на всю ступню. Нельзя, чтобы тяжесть приходилась на носок или же на пятку. В этом случае нога ломает наст или же глубоко вязнет в глинистом месте.

С озера доносится голос белоносой гагары: хохочет, как кикимора, с переливами и стонами, кулдычит, как кликуша.

Хосю показывает рукой в сторону небольшого склона: метров сто до него. Здоровенный хор – дикий олень – гложет сброшенный рог. Рядом стоят *тощаки* – мелкие, прошлогоднего рождения, олешки и терпеливо ждут, когда предводитель натешится. Кажется, не его это компания – мелкие олешки. Ему бы двигаться со своими комолыми быками, однолетками.

- На край моря идут, - бормочет Хосю... - На край. Далеко. Ты спрашивал – откуда слово Таймыр. По-нашему, «отгороженная земля». Может, Таймыр отсюда, от наших слов называют... Вот, положи себе в мешок... - он протянул мне *дема* - кровяную похлёбку в «книжке».

«Книжка» - один из отделов объёмистого оленьего желудка. Величина – с футбольный мяч. Когда добудут дикого оленя, то вырезают «книжку», выворачивают и моют. Эта деталь желудка зелёного цвета. Снаружи она оказывается покрытой жилками, как сеткой-авоськой. Кровь из «книжки» черпают прямо ладонью. Если прибавить ещё немного зелёной массы – полупереваренного содержимого того же желудка, то кровь не свёртывается очень долго. Такая похлёбка считается едой мужчин перед охотой или тяжкими походами. Когда Хосю прихватил эту похлёбку с собой – я и не заметил.

В эту пору раньше только дикого оленя и ели. От дикого почти ничего не остаётся на выброс: мясо съедали целиком, из полых костей мозг выбивали. Все кости после этого вываривались – костный мозг наливался в мешки из гагарьих шкур и убирался впрок. Ливер весь съедался. Отдельно собирали жир с кишок. Его сушили отдельно. Он считался лакомством – вкусен необычайно.

Прямо на месте охотники насыщались печёнкой. Печёнку протыкали в нескольких местах ножом (чтобы кровь стекала) и съедали ещё тёплую. Силы сразу же восстанавливались. Выедали и подглазный жир, и хрящик носовой перегородки. В эту пору носовая полость бедных оленей заполнена личинками овода: копошатся жирные черви как в неживом. Съедали охотники и только что отрастающие рога. В это время они мягкие, пронизаны кровеносными сосудами. Кожа, бархатная и нежная, снимается с них, как пенка с молока, кончики рогов хрустят, как репа. Вкус не мясной.

Ценится в этот короткий период, когда олень линяет, и шкура. Шерсть, грубая ость, падает и остаётся тоненький, как бархат, подшерсток. Эта шкура идёт на женскую одежду: нежное – к нежному.

Долганы-старики особенно любят подкисшее мясо. Добудут оленя и не разделяют его сутки. Только скроют от чаек. Тогда закисает зелень в

брюхе оленя. Брюхо раздувается как шар, кишки становятся толстыми, и запах из брюха тянется именно кислый, а не тухлый. Старики наедаются такого мяса допьяна. Образуется какой-то процент спирта при закисании. Старикам этого вполне хватает. Говорят, чтобы согреться, надо наестся кислого мяса. Вроде бы, как по нашим понятиям, рюмку пропустить. А ещё старики говорят, что можно запьянеть, если наестся заячьих желудков. Это правда. У зайца в желудке настоящий самогонный завод. Старики утверждают, что заячьим желудком можно старую кровь подогреть.

Идём дальше. Хосю уже вошёл в норму. Он движется равномерно и без напряжения. Теперь он может идти, не останавливаясь, хоть до Северного Ледовитого. Я же ещё не втянулся, не вошёл в ритм.

- Отдохни, - предлагаю Хосю.

Но Хосю не остановить. Он не обращает внимания на моё предложение, идёт легко и с каким-то удовольствием.

А берег Дудыпты всё поднимается и поднимается. Сотня метров по сухому месту – и щель, забитая снегом. Опять сотня метров по твёрдому и опять – снежный мост. Наст уже сел. Хосю и то проваливается по пояс. Обходить же такие места ещё накладнее. Щели в вершинах заросли тальником, в нём снега ещё больше.

- Вот, уже видно, - показывает Хосю.

Недалеко от края обрыва растёт дерево. Возле самой земли две толстых, разлапистых ветви. Они похожи на две руки, прикрывающие что-то от постороннего взгляда. Эти прекрасные ветви и послужили причиной выбора дерева в качестве хранителя шаманского клада. Под ними сложена кладь – выгорожено тонкими жердинками местечко. Там темнеет нечто, прошитое травинками и стеблями хвоща. Сбоку этой странной массы лежат две обечайки – жёсткой основы бубнов. Одна деревянная, она развалилась, распрямилась и теперь напоминает простую ветхую дощечку. Только прорези свидетельствуют о том, что это действительно обечайка старого бубна. Другая обечайка молочного цвета, в полной сохранности. Беру её в руки – тяжёлое сооружение. Остались на ней и петли, за которые привешивалось перекрестье – рукой держать. Это и есть тот самый мамонтовый бубен, которым меня Хосю приманивал ещё весной.

Бубен не такой формы, какие бытовали у нганасанских жрецов. У нганасан бубны были всегда овальные, а этот совершенно круглый. У нганасанских духоборцев на бубне делалось семь колков – шишек на внешней его поверхности. Здесь же около мамонтовой обечайки лежат четырнадцать пирамидок, которые выполняют роль колков. Около деревянного каркаса также лежат четырнадцать колков. Мощный был шаманище. То, что у него имелся мамонтовый бубен, говорит о его силе. В фольклоре те шаманы, которые используют мамонтовый бубен, всегда очень рискуют. Они должны быть весьма сильными, чтобы грохотать на всю Вселенную в мамонтовый бубен. Ведь мамонт – подземный олень, который только рога высовывает наружу. Он совсем в теле Матери-Земли живёт, да

близко к Матери Подземного льда – зловещей *Сырада-Нямы*. Если его кости для бубна использовать, то голос шаманского сигнала становится очень громким. Бубен гремит так, что множества *дямада* – духов и *Кочей* – болезней к этому месту могут устремиться. Тогда надо очень могучим быть, чтобы с ними справиться.

А вот и колотушки. Целых семь штук. Одна особенная. На широкой части, которой бьют по бубну, три ряда маленьких идольчиков. Они, как толстые гвозди, забиты в колотушку. Всего двадцать один идол. О таких я и не слыхивал. У всех шаманов обычно насчитывается только по семь *дямада* – звероподобных, «имеющих горло» помощников. Какой бы силы шаман ни был, он берёт на себя смелость командовать семью духами – помощниками, заставляя их исполнять собственную волю. Обычный шаман вроде отделённого командира. А у этого шамана в подчинении были три отделения духов.

Однако колотушки также совсем не нганасанского образца. У них и рожи на рукоятках совершенно в другой манере выполнены, и накладки всякие не по-нганасански сделаны. В одной деревянной колотушке вмонтированы царские серебряный рубль и серебряный гривенник: совсем не нганасанские аксессуары. Однако этим шаман себя и выдал. Это серебро в колдовстве русского происхождения. Точнее, европейского. Стоит вспомнить хотя бы распространённое поверье о том, что колдуна можно убить только серебряной пулей. Привидение тоже. Некоторые горячие головы считают, что таким путём наши предки боролись с коварными инопланетянами. Дескать, если ударишь по летательному аппарату или же роботу с электронными потрохами свинцовой пулей, то шансов повредить космического дьявола мало. А если запустить ему вовнутрь серебряный снаряд, то он с лёгкостью разрушит всякие там провода, контакты, вызовет короткое замыкание и так далее.

- Однако, нет, - согласился Хосю. – Может быть, русский, а может, и долган.

- А есть долганы, что без русской крови родились? – спросил я.

- Однако все они старым русским родня, - отвечал Хосю. – Когда-то говорили, что это, может быть, какого-то Бархатова, шамана здесь вещи, а может, не его, - задумался Хосю.

- Потом выясним, - решил я и взялся за остальное.

Я не знаю, как назвать эту вещь, которая осталась от шаманского клада. Ближе всего по смыслу слово прах. Более тридцати лет тому назад на это место положили шаманскую одежду из оленьих шкур. Более тридцати раз это место заносилось снегом, и снег таял, пропитывая кожу. Она потом высыхала под солнцем и снова вымачивалась дождями. Мороз и вода превратили шкуру в какую-то спекшуюся массу.

Я присел рядом и стал ножом срезать слой за слоем. В этом прахе попадались пятна ржавчины железа. Очень выразительные следы – отпечатки железных шаманских гусей и гагар. Они были здесь трёхглавые. Были и

зелёные пятна медной окиси. Такие разные фигурки. И весь этот пирог был густо начинён бисером и бусами. Всё как у порядочных шаманов. Вот как выглядит список вещей, найденных в этом кладе:

1. Обечайка бубна деревянного	- 1 шт.
2. Деревянные шпонки к бубну	- 14 шт.
3. Обечайка из мамонтовой кости	- 1 шт.
4. Шпонок из мамонтовой кости	- 14 шт.
5. Колотушки шаманские	- 7 шт.
6. Клюв орла	- 1 шт.
7. Когти орла	- 4 шт.
8. Клюв гагары	- 1 шт.
9. Когти медведя	- 4 шт.
10. Кости чайки
Хосю)	- 4 шт. (определил)
11. Медные изображения человечков	- 21 шт.
12. Железные трёхглавые гагары	- 4 шт.
13. Железные двуглавые гагары	- 4 шт.
14. Изображение медвежьей лапы	- 1 шт.

Всё. Однако нет вещи, которая должна присутствовать в порядочном шаманском кладе – рогов от шаманского головного убора. Шаман без рогов не бывает. То ли самого наголовника сюда не положили, то ли вообще совсем особенным специалистом был этот шаман.

... Долганы. Как название тунгусского рода известны на берегах Охотского моря ещё в XVII веке. Однако эти охотские долганы были предками ламутских – эвенских групп. К нашим таймырским долганам отношения не имеют. Предками таймырцев явились тунгусы долганского рода, которых русские застали на Лене в XVII веке между её притоками – Вилюем и Алданом. На этой территории было несколько тунгусских родов. Но они постепенно слились в единый род, за которым закрепилось название долган. Эта группа сначала прикочевала на Оленек, а потом перешла в пределы Мангазейского уезда уже в XVIII веке. Долганы этого времени имели как якутские, так и тунгусские имена. Видимо, постоянный контакт с якутским населением привёл к тому, что в ходу был якутский язык. Вторым компонентом будущего народа долган послужил тунгусский же род донгот. Ещё в XVII веке в верховьях конфлюэнта Хатанге-Котуя, по Вилюю и верховьям Оленека, по реке Кочечумо и её притоку Туре из бассейна Нижней Тунгуски кочевал обширный тунгусский род *баягир*. Эти *баягиры* в те времена представляются некоей тунгусской федерацией, объединявшей множество родов, патронимий и территориальных групп. Наиболее известным ответвлением *баягиров* были тунгусы рода донгот. Достоверно известно, что донготы перешли Таймырские пределы между 1768 и 1816 гг. – это следует из ясачных документов. В начале XIX в. эпицентр донгонов

находился возле озера Кита, южнее Норильска. Уже здесь они были двуязычными и состояли в теснейших контактах с якутами. Другим компонентом долган тунгусского происхождения явились эдяны. Они тоже в конце XVIII столетия перебрались из Якутии на Таймыр, где влились в долганские ряды. Именно в это же время здесь появились люди, составившие в XIX в. боганидо-тунгусскую родовую управу, под общим названием Каранто. В 20-х годах нашего столетия потомки людей этой группы ещё помнили генеалогии своих «князей» - представителей харитонкова рода. Люди этого рода в начале XVIII в. пришли на устье Хатанги, пережились на нганасанках и образовали группу вадеевских нганасан. Тунгусское происхождение их в этой связи весьма сомнительно. Предки их рисуются как дикие люди, которые с русскими менялись пушниной, подавая её на конце копья и отвергая дары цивилизации. Позже все они были крещены и переселились на Таймыр. Я всё-таки полагаю, что все эти группы с чудными названиями родов, вроде харитонкова, тунгусами не были. Они имели и имена не тунгусские, и языкового барьера с самоедами не чувствовали. Да и самоеды не считали их за чужаков, отдавая им дочерей в жёны. Скорее всего, это были остатки какого-то юкагирского, уралоязычного населения, которое именно в устье Хатанги на старых картах именуется самоедоюкагирами.

А самой большой составной частью долган были «затундренные якуты». В XVII в. на Хатанге и Хете было всего двенадцать якутов мужчин, в начале XVIII в. – 16 человек, в середине века человек триста мужчин, а в XIX в. до полутысячи. Это только мужчин. Как ни парадоксально, русская доля в составе долган наиболее старая и Таймыре после нганасан и энцев. Все эти тунгусские и якутские группы появились на полуострове значительно позже русских. Русские обжили эти места ещё в XV в., когда вместе со служилыми пришли и промышленные люди. Многие фамилии современных долган ведут своё происхождение от русских поселенцев. Переселение на Таймыр усилилось с упразднением Мангазеи. Северяне ринулись далее на восток. Если посмотреть на карты XVIII в., то Таймыр обрисован лучше и подробнее, нежели более близкий Ямал, тем более Гыдан и вообще вся Западная Сибирь. Русские промышленные люди без особого афиширования обжили многие места бывшей Пясины – исконной земли нганасан, они образовали своими станками так называемый Хатангский тракт, по которому можно было проехать из Дудинки в Хатангу, из Туруханской провинции в Якутию. С первых десятилетий XIX в. на Таймыре фигурирует Нижнезатундринское крестьянское общество, где были посадские, мещане и крестьяне. Некоторые фамилии, как Рудинские, например, вели своё происхождение от «детей боярских», младших военных чинов. Русские промышленные люди практически пробили возможность пересечения как для тунгусов, так и для якутов на Таймыр. Обычно все тунгусские и якутские группы тяготели к русским станкам. Всё это привело к довольно быстрому одолганиванию русских. Уже в середине прошлого века все они говорили на долганском диалекте якутского языка, который так поразил Бориса Осиповича Долгих,

но понимали ещё и «русскую говорку», некий жаргон на русской основе. Для услышавшего в первый раз эту речь, сама «говорка» явилась некоторым откровением. В ней существовали достаточно строгие грамматические правила, поражавшие слух, и широко распространённые обороты прямо из языка XVIII века. Например, чтобы сказать: «Такого-то я знаю в лицо», говорилось: «Меня (т.е. «я») такой-то люди рожа – место знай». Так и приходит на память казённый оборот из приказных бумаг XVII столетия: «Я я-де того человека рожей знаю». Таких оборотов можно привести множество. Эта самая «говорка» сохранилась достаточно полно ещё до конца шестидесятых годов нашего столетия.

К этническому вареву, результатом которого явились долганы, в качестве приправ можно прибавить ессейских якутов-оленеводов, некоторые группы илимпийских эвенков и совсем немного самоедов-энцев. Этот этнический котёл, собственно говоря, и заработал. Хозяевами же полуострова были нганасаны и энцы, природные воины, столетиями сдерживающие экспансию ненцев-оленеводов и восточных тунгусов. Уже в исторические времена самоеды-аборигены стали играть роль той же посуды, в которой формировался новый народ.

Итак, новый народ взял себе название тунгусского рода, стал объясняться на диалекте якутского языка и смешал кровь русских, якутов и тунгусов в причудливых пропорциях.

Культура же долган сформировалась по своим правилам. Русские и тунгусы на этой земле занимались промыслом. Нганасаны и энцы потому и не конфликтовали с ними, что пришельцы не конкурировали с ними в главном занятии – охоте на дикого северного оленя. Русские распространили здесь культуру тундровой охоты на песца. Песец – главный объект товарного хозяйства в тундре. Русские ввели лов *пастниками* – деревянными ловушками. Из плавника в определённых местах ставились выгородки, над которыми настораживалось бревно. Охотник кормил прямо в пастях песцовые выводки всё лето, приучая держаться зверей возле прикормочного места. А зимой он вылавливал часть зверей, оставляя маточное поголовье, и повторял цикл. На Таймыре сформировалась культура промысла, в которой человек играл роль просвещённого охотоведа. Человек определял урожай песца, решал, какое количество зверя он может выбрать, и старался поддержать плодовую часть животных. Это было разумное хозяйство. Линии пастей тянулись на сотни километров. Охотники должны были запастись огромным количеством рыбы для привады, для собственной еды и для собак. Езда на собаках, кстати, пришла на Таймыр с русскими. Так же обстояло и с рыбной ловлей. Охотники-промысловики находили наиболее уловистые угодья, чистили нерестилище от наносов и коряг. Они ловили рыбу так, чтобы запасы её не иссякали. Именно рыба сначала была объектом обмена между охотниками на дикого оленя и осёдлыми пришельцами. Если посмотреть на карту Крайнего Севера, то старорусские поселения возникали там, где коренное население не жило рыбой. В недрах обществ рыболовов

русские почти не селились. Русские принесли на Таймыр навыки строительства срубных жилищ и хозяйственных помещений, распространили плетение сетей.

Привилась и православная религия, но в самой фантастической форме, где есть место и для многих духов эвенкийского и якутского пантеонов, и для самоедских божеств, и для шаманизма.

Метисное происхождение долганского народа сказалось и на его оленеводстве. Здесь, наряду с летним способом верховой езды, зимой олени запрягаются в нарты, но передовой олень ставится справа. По этой примете всегда можно отличить долганскую упряжку от самоедской. Каюр сидит слева – значит, нганасан или ненец, справа – долган.

То же самое с одеждой – здесь меховые шубы эвенкийского покроя соседствуют с самоедскими *сокуями* и прочими принадлежностями тундрового промыслового костюма – и с чумом, и с утварью, и со всеми элементами материальной культуры.

В общем долганский народ формировался на наших глазах. Некоторые поговаривают, что на примере долган можно представить себе, что ждёт всё остальное человечество, если люди перестанут противостоять друг другу, сплетутся расовые ветви, и не будет ни европеоида, ни монголоида...

Альмости

Я никогда подобного не испытывал – ни до, ни после этой зловещей ночи на Абхарв-даре. Я решительно не помню, что мне снилось до того, как я очнулся. Проснулся же я от какого-то ужаса, погрузившего меня в полный паралич. Когда я засыпал, то сквозь дырявую крышу летовки – хижины из дикого камня, перекрытую сучками арчи и плитками сланца, - видел весь бездонный Космос и непривычно ярких Блинецов. Эти чудесные звёздочки кажутся особенно милыми на Памире. А сейчас тьма была густой и непроглядной. Никаких звёзд. И воздух даже отвердел. Вздохнуть невозможно. Руки, ноги – совершенно чужие, словно чугунные, а сердце бьётся где-то в горле. Еле проталкивает кровь в мешок с костями, который ещё с вечера служил послушным телом. Ужас. Неодолимый ужас, в котором всё же обнаружилась какая-то щель, трещина, как в горной пещере. В неё я и устремился духом. Сначала робко, а потом всё отчаяннее. Вязкая, клейкая тьма отступала нехотя. Мотор в груди застучал из последних сил и, наконец, наваждение сползло. Опять появились на небе дрожащие Блинецы, и уже не душил подлый страх. Я пошевелился в спальном мешке и обнаружил, что лежу совершенно мокрый от испарины. Я сел, расстегнул мешок и сбросил его с плеч. Толстая байковая рубаха была такой мокрой, как будто я в ней слазал в реку. Таким же был даже простынный вкладыш, и сам мешок

изнутри. Спать в нём далее не представлялось возможным. Я вылез из мешка и меня сразу же охватил озноб. Порывшись в рюкзаке, нашёл новую рубашку и свитер, натянул брезентовые штаны и толстые носки – *джурабы* и принялся накачивать примус. Без глотка горячего питья можно было и ноги протянуть. Ночи на Памире и в разгар лета холодноватые. Вода в ведре замерзает.

Зашевелился в своём мешке и мой проводник Ашурмамат. Памирец. Родом из кишлака недалеко от устья Абхарв-дары – речки, по долине которой мы путешествовали. Сейчас мы были довольно высоко возле места, которое называется Деболо, что в переводе с местного таджикского означает «Верхнее селение», «Верхняя деревня». На самом деле здесь уже давно никакого селения не было. На этом месте в развалинах летних строений сейчас останавливались на временное стойбище таджикские пастухи. Точнее – пастушки.

Ашурмамат также как и я, сбросил с плеч мешок и стал быстро стягивать рубашку.

- Совсем промок, - бормотал он, стуча зубами. Стук зубов был так явственен, что казался неправдоподобным. Я и после такого ни у кого не наблюдал...

- Вспотел что ли? – спросил я как можно небрежнее...

- Промок, - ответил Ашурмамат... - Чуть не умер.

Мне тогда это заявление показалось совершенно естественным. И я не стал задавать никаких вопросов, вынул свою шерстяную рубашку, в которую можно было завернуть троих таких Ашурмаматов, и протянул её проводнику. Тот без околичностей схватил её, содрал с себя всю нижнюю амуницию и погрузился в рубашку, как в халат. Он также быстренько натянул дневные штаны и носки, даже надел *трикони* – горные ботинки, выданные ему по случаю высокогорного маршрута, влез в штормовку и подсел к примусу.

На высоте всё греется плоховато. Литровый алюминиевый котелок долго-долго казался ледяным и лишь через вечность стал проявлять признаки жизни – потеплел. Мало-помалу он всё же запел песню Чаю, и мы с Ашурмаматом, обжигаясь, наглотались из кружечки горячего. И только тогда захотелось говорить.

- Гость приходил, - сказал Ашурмамат, переводя дух после чая, чтобы оправдать, как я понял, проявление некоей слабости.

- Гольбияв? – невольно вырвалось у меня.

Ашурмамат молча замкнулся, демонстративно запахнув на груди штормовку. Произносить ночью имя Снежного человека у горцев не принято. Я допустил бестактность. По таджикским поверьям, всякие сверхъестественные создания способны материализоваться от названного имени. «Снежный человек» на этот раз не материализовался от произнесённой мной клички.

Я залил ещё водички из брезентового ведра, предварительно разбив ледяную корку, и снова раскочегарил примус. Ашурмамат достал табакерку – тыковку и заправил в рот хорошую порцию *насвая* – жевательного табака.

Говорить не хотелось. Ситуация не располагала.

На археологической карте Памира Абхарв-дара в пятидесятые годы нашего столетия была белым пятном. Археологи работали всё больше вокруг, а на такие высоты в Бадахшане не забирались. Об этой самой Абхарв-даре ходили в основном легенды, связанные с именем Эскандера Великого – Александра Македонского и не менее знаменитого «снежного человека». Меня, студента, привлекала как археологическая неизученность Абхарв-дары, так и надежда встретиться со «снежным человеком», о котором тогда много говорили и писали.

Про саму же Абхарв-дару местные таджики рассказывали массу таинственных и привлекательных вещей. Говорили, что там полно всяких непонятных мест, что там есть и гроты со следами жизни человека, и древние строения и, главное, много следов *дэвов* – духов. Насчёт следов *дэвов* никто ничего членораздельного сообщить не мог. В отношении «снежного человека» действовал мощный эффект свидетеля, а пещеры и гроты указывались достаточно чётко. Смысл эффекта свидетеля следует пояснить. Это означает явление, когда ты встречаешь массу людей, которые видели человека, «который это видел», но никогда не видишь того, «кто видел это» сам.

Я попросил тогдашнего негласного кази советской части Западного Памира сеида Форрухшо помочь мне с проводником, и благороднейший сеид обещал мне.

Я до сих пор не очень понимаю, что привлекло в юном студенте учёнейшего, образованнейшего и умнейшего человека, который, прежде чем стать главой исмаилитской общины Бадахшана, совершил ряд хаджей – паломничеств ко всем главным святыням мусульман, включая Мекку, и учился в ряде выдающихся мусульманских научных центрах. Он жил одиноко и очень скромно в Ишкашине, занимал просторный родительский дом. Его отец был на Памире выдающимся ирригатором и оставил после себя замечательные сооружения – линии арыков и другие водоразборные системы. Сеид Форрухшо держал самую большую на Памире библиотеку старинных книг, сам был книгочей и эрудит, великолепно знал и любил поэзию. Хорошо владел русским, но предпочитал всем языкам фарси. Когда меня представили ему как переводчика, то он спросил:

- Каких персидских поэтов любишь?

- Хафеза, - ответил я.

- Что ты знаешь из хафеза?

И я пропел ему прелестное стихотворение «Когда бы та, ширазская турчанка...», за которое поэту влетело от Тимура.

- Ты исфаганец? – спросил меня тогда сеид Форрухшо.

- Я из Москвы.
- Почему ты говоришь с исфаганским акцентом?
- Мой учитель был исфаганец.
- *Бале!* – подытожил сеид, - ты просто хороший попугай. И рассмеялся.
- Как пожелает уважаемый, - смиренно ответил я.

Он ещё раз коротко посмеялся и бросил:

- Приходи ко мне вечером. Поговорим о Хафезе.

Я с тех пор каждый летний сезон много вечеров провёл у сеида. Мы говорили не только о Хафезе. Сеид Форрухшо по натуре был скептиком и кристально правильным человеком. Авторитет в Бадахшане по обе стороны границы был у него непререкаем.

- Пришлю, - пообещал он мне относительно проводника.

Ашурмамат появился на следующий день перед рассветом. Мой проводник оказался сорокалетним невысоким мужчиной с очень крупными чертами лица. Родом он был из кишлака Рын. Рынцы говорят на языке, который к таджикскому просто так не отнесёшь. Специалисты находят в нём огромное количество элементов из санскрита и хинди. Ашурмамат, кроме рынского, говорил на классическом арабском, фарси и по-русски.

Ашурмамат, как деловой человек, прибыл сразу с двумя ишаками, чтобы тут же идти на Абарв-дару. Я побежал к пограничникам за машиной и немедленно её получил. Мы, буквально, забросили ишаков в грузовик и помчались в предрассветном сумраке по дороге к устью Абхарв-дары. Возле начала ущелья, на конусе выноса, солдаты выгрузили нас, ишаков и наше барахло, и мы приступили к навьючиванию. Ишачки были чёрно-бурой масти с глазами персидских красавиц. Самый маленький достался мне. Ашурмамат сказал, что он наиболее сильный. В гору везёт килограмм шестьдесят, а с горы – все девяносто. Я намёк понял. Вместе с грузом я всё же составлял менее девяносто килограмм. Тогда мой ишак по имени Эсен к тому же, как оказалось, умел считать до трёх. Он безропотно тащил два вьюка, которые ему полагались, как он считал, по закону, но немедленно вставал, если ему на спину клали третью вещь, даже если это был простой полевой дневник или же малокалиберная винтовка.

Вьючные сёдла здесь делают из крепкого дерева – из урюка. Они состоят из двух дощечек, кладущихся по обе стороны позвоночника животного, и двух деревянных дуг, которые эти дощечки соединяют. Рачительные хозяева подкладывают под жёсткие конструкции потники из старых кошм, а большинство нерадивых водружает эти сёдла прямо на спину. Мне такое отношение к ишакам всегда казалось несправедливым. И погонялки для ишаков – палки с гвоздиками также представлялись варварством.

Чтобы поклажа не сползала вперёд, под хвостом у животного пропускают верёвку, закреплённую на боковых досках. А чтобы конструкция вообще держалась на скотине, её притягивают другой верёвкой, проходящей под брюхом. Эта верёвка на одном конце имеет деревянный крюк.

Когда Ашурмамат зацепил этот крюк за одну боковину и пропустил верёвку на другую сторону, ишак зримо надул брюхо, а Ашурмамат пресёк выпад, стукнув по брюху носком ботинка и сразу же затянув завязку. Видимо, это был стандартизированный обряд. Он неизменно повторялся потом каждое утро.

На седле с двух сторон были уложены вещи – рюкзаки и спальные мешки, а также шанцевый инструмент для раскопок и геодезическое оборудование. Ашурмамат навьючил так и второго ишака, благословил обоих палкой по бокам, и те нехотя тронулись в гору по едва видимой тропе. Ашурмамат ещё несколько раз напомнил им об обязанностях, и ишаки бодренько пошли вверх, к верхней тропе, по которой наш маленький караван движется к каменному завалу в верхнем течении реки, где и водятся проблематичные «снежные люди» и реальные *дэвы*.

На середине подъёма мы спугнули стаю горных индюков – *уларов*. Они в показной панике побежали вверх по склону, а затем с некоей проверенной точки спрыгнули вниз и стали планировать вдоль горы. Ашурмамат сказал, что это хорошая примета, и что немного повыше ещё остались ловушки – палки с петлями, которыми раньше ловили уларов.

Все местные жители – отчаянные охотники. В кишлаках до сих пор хранятся кремнёвые *карамультуки* – однозарядники, с которыми совсем недавно ходили не только на горных баранов и козлов, но и на ирбисов – снежных барсов.

Мы миновали мазар – священное место, связанное с одним из основателей исмаилизма Памире – Пири Фахмамадом. Он на этом месте, по преданию, отдыхал по дороге в Юмган, к матери за молоком. Шёл он из Рош-калы. Мазар – единственная пирамида из гладких камней, на котором лежат подношения – монеты, тряпочки и сломанные фибулы – застёжки. Лежат здесь и гильзы от современных патронов. Видно, русские ребята-пограничники также питают уважение к славному идеологу мусульманства.

Недели полторы ушло на то, чтобы пройти через несколько стоянок до завала. Место это называется Худуск.

Завал впечатляет. Землетрясение, которое наворотило столько камней, было, конечно, выдающимся. Некоторые камешки величиной с двухэтажный дом. И летели они километра три по воздуху, прежде чем приземлились в этом месте ущелья. Поражает и точность, с какой Бог перебросил всю эту каменную массу. Кажется, что сказочный великан построил эту плотину, которая всё же не сдержала реки. Река так и течёт под завалом. А на Сарезе – там камни создали такую запруду, что образовалось сказочное подоблачное озеро.

Мы с Ашурмаматом оставили своих ишаков на пастушьем стане в Деболо и обследовали завал налегке. В одном месте я обнаружил явную кладку – так здесь возводятся стены вообще. Было только непонятно, зачем люди заделывали проём между камнями довольно высоко на почти отвесной стене.

Ашурмамат мрачно наблюдал, как я ползаю возле этой кладки, снимаю план по всем археологическим правилам, бью шурф на тоненьком слое нанесённой ветром почвы.

- Пойдём отсюда, - попросил он.

- Почему?

- Пойдём, - ответил он, не вдаваясь в объяснение.

- Подождёшь, - запальчиво возразил я, продолжая работать.

Ашурмамат не стал спорить и уселся поодаль, отвернувшись. Он всем видом демонстрировал, что не участвует в деле.

Кроме этой кладки, на завале оказалось несколько местечек, которые явно служили пристанищем людей. Почему только на этом завале? Временные пристанища?

Мы никак не могли найти грот, который знал Ашурмамат, и он явно нервничал.

- Давай передохнём, - предложил я.

За чаем Ашурмамат траурно заявил, не глядя на меня:

- Не найдём этого грота. Не надо было трогать той стенки...

- Почему же?

- Говорят, что её *дэвы* ставили...

Вот это новость! Материальное подтверждение существования духов.

- Как же можно жилище *дэвов* не посмотреть? – возразил я легкомысленно.

- Вот теперь мы этот грот и не найдём... *Дэвы* не дадут.

Дэвы всё-таки передумали и, маленько помучав нас, всё же вывели к гроту. Грот находился в немыслимо хаотичном набросе гигантских скал. Он был весь доверху наполнен чистейшим голубым льдом.

- Вот, видишь, - торжествующе сказал Ашурмамат. – Они его льдом заложили. Когда я был здесь двадцать пять лет назад, никакого льда не было.

Я не стал спорить.

Мне нужно было всё нанести на план и хорошенько рассмотреть. Подо льдом очевидно просматривались *дуконы* – лежанки, ориентированные, как и в других местах на Памире, головой на Север. Я ползал по зеркальной поверхности льда, пытаюсь проникнуть взглядом под толщу. Мне всегда казалось, что во льду можно найти что-нибудь значительное – первобытного человека или хотя бы воина Александра Македонского. Здесь всё сваливают на Александра Македонского. Ашурмамат и сам говорит, что этот грот делали люди Эскандера Великого.

Мы ещё немного попрыгали по завалу и пошли вниз, в Деболо. Там нас и застала ночь. Спать мы расположились в летовке – каменной хижине, части небольшого лабиринта из каменных же стенок, между которыми всегда прятались пастухи, ходившие со скотом на летние пастбища. Всё было нормально. Но этот Ужас...

- Говорил тебе, что не надо было на этом завале лазить, - ворчал Ашурмамат утром, собираясь в дорогу. – Это *дэвы* приходили... Теперь что-то делать надо.

Что – не уточнял. Мне и самому было немного не по себе. Поэтому я взял малопульку и отправился походить перед дорогой, посмотреть на зайцев. Зайцев была тьма. Они безбоязненно залезали на камни и садились неподвижными мишенями.

Сколько по молодости лет и по азарту довелось расстрелять патронов! Слава Богу! Судьба не дала пролить кровь и на этот раз. Расстреляв почти обойму по зайцам и не попав ни в одного, я помог Ашурмамату собрать оставшиеся вещи, и мы тронулись в Деспайон – «Среднее поселение». Там были те самые пастушки, которые перешли из Деболо в Деспайон, пока мы таскались в Худуск. С ними ушли и наши ишаки.

На Памире издавна существовал обычай, по которому на лето женщины забирали скот и поднимались из кишлаков на летние пастбища. Памирские коровёнки и поныне немногим крупнее наших коз. Они невероятно неприхотливы и сказочно ловки. Эти коровёнки лазают по скалам, как архары – горные бараны, или кики – горные козлы. Кучи рогов архаров и киков громоздятся возле каждого мазара и вообще возле приметных мест – перевалов, поворотов, троп, переправ. Но нигде вы не найдёте кучи рогов коровёнок. Они удачливее и осмотрительнее диких соседей. Под женским руководством эти коровёнки пасутся всё лето в горных ущельях, женщины их доят и готовят местный сыр – пэнир, без которого жизнь горного таджика так же немыслима, как жизнь русского человека без хлеба. Памирские коровёнки обладают совершенно независимым нравом и, бывает, покидают пастбища тогда, когда сочтут нужным сами. Видимо, такой случай и приспел. Мы договорились с женщинами, что они нас подождут, но нас не стали ждать не люди, а коровы.

Дорога вниз всё же труднее дороги вверх. Мы вернулись в Деспайон совершенно измочаленными. Вернее, я был измочален, а Ашурмамат – слегка утомлён. Во всяком случае, немного посидев, он предложил:

- Пойдём, я тебе человеческую летовку покажу.

Спуск был совершенно великолепным. Прямо от летнего пристанища пастушек до середины ущелья тянется осыпь из мелких камешков и песка – метров четыреста – четыреста пятьдесят. По ней мчишься как по слаломной трассе. Следует лишь точно входить в повороты, а то можно напороться на торчащие снизу камни или же влететь в скалу. Внизу, возле осыпи, Ашурмамат показал мне одну штуку. Это был огромный валун, торчащий из земли сантиметров на тридцать. В спине этого камня рядом были два идеальных полированных отверстия диаметром сантиметров в двадцать пять и глубиной сантиметров тридцать пять. Дно – идеальная полусфера.

- Никто не знает, кто это сделал, - сказал сумрачно Ашурмамат.

- Эскандер Великий? – предположил я.
Ашурмамат только глянул укоризненно.
Всё это походило на ступу. Очень большую.

Пещера оказалась рукотворной. Она была метров на пятьсот выше стойбища, и вход виднелся на вертикальной стене в пяти метрах над землёй. Залезть в него серьёзное испытание. Наверное, люди карабкались по лестнице, которую втягивали внутрь. Она обращена к реке и оттуда замечательный обзор вверх и вниз по Абхарв-даре. Потолок и пол пещеры были обмазаны глиной. Обмазка сверху упала на пол, и я заложил шурфик, чтобы посмотреть, что в культурном слое.

- Не копай, - сказал Ашурмамат.
- Я немного, - успокоил я проводника.

Однако он не стал смотреть на мою работу. Он вылез наружу и уселся под стенкой с явно неодобрительным видом. Мои действия ему были не по душе.

- Опять про *дэвов* думает, - решил я.
- Я вперёд пойду, - сказал, наконец, Ашурмамат, - сам доберёшься.
- Давай, давай, - согласился я.

Вид недовольного проводника начал раздражать уже и меня.

Ашурмамат побрёл в Депойон, а я продолжал своё дело. Подобрал черепки посуды, которая обнаружилась в культурном слое, и, вынув оттуда обработанные кремешки, я упаковал их в свой берет и тронулся в Депойон.

Вся женская команда пастушек была в сборе. Памирки никогда не носили паранджи. Они и с чужими всегда общаются совершенно свободно, хотя и с некоторой застенчивостью, которая их очень красит. Женщины на пастбищах занимаются совершенно не женским делом, - они, например, вытачивают из жёлтого камня, который называют «Узардмора», себе бусы. И даже сверлят их. Камень этот совершенно мягкий и при полировке становится гладким и красивым, с переходом в зелёный. Всех женщин было семеро. Правда, одна женщина оказалась стариком такого преклонного возраста, что если он ещё и не стал женщиной, то мужчиной уже не был. У него от старости и борода вылезла, и космы торчали как у старухи. Он светился уже как младенец, и постоянно улыбался всем своим морщинистым лицом, кутаясь в не по росту большой халат. Я его принимал за старуху и всегда здоровался с ним первым. Это оказался отец самой старой пастушки. Она просто не могла оставлять его одного. У других мужья должны были по традиции присматривать за детьми и, главное, прясть шерсть и вязать носки – *джурабы*, которые здесь совершенно необходимы.

Двое женщин оказались совсем молодыми. Они и выполняли самые трудные работы. В частности, сбивали молоко. Сбивали его в деревянном ушате. В ушате – невысоком бочонке на дне был установлен деревянный подшипник, в который вставлялась сбивалка. Сбивалка представляла собой деревянную ось, на конце которой имелись узкие прорези. В прорези вставлялись деревянные же дощечки. Конструкция напоминала вертушку. На

верхний конец оси одевалось деревянное же кольцо на верёвке. Верёвка закреплялась за каменную стенку. Ось обматывалась другой шерстяной верёвкой с ручками. За эти ручки бралась женщина и тянула их попеременно. Ось вращалась, и масло сбивалось.

Старик сидел рядом и создавал хорошее настроение, постоянно улыбаясь.

Вот и всё было производство. Колобки сыра были разложены повсеместно. И сохли. Высохшие убирались в мешки.

Таджики здесь преимущественно ели хлеб. Лепёшки и чай – основная еда. Про них есть такая притча: «унтер-офицер спрашивает таджикановобранца:

- Ты почему такой длинный?

- Чай пил.

- Всё-таки вода...».

Мясо здесь чрезвычайно ценится. Поэтому в особой чести были охотники, которые могли подстрелить или козла, или барана. Мясо здесь все очень любят. Ощущается явный дефицит плотоядной еды. Я сразу же выставил весь свой запас консервов к некоторому неудовольствию Ашурмамата. Он при мне отъедался мясом. Я всё-таки и архара добывал – тогда он уносил его в кишлак, к родне и для собственного семейства. А в поход брал у пограничников консервы.

Правда, говяжьих консервов на складе было маловато, зато свиных – всегда полно. Я соскабливал с банок рисунки украинских свинок и пускал консервы для личного употребления. Все они ели «говядину» и похваливали. Иногда спрашивали, что за другое мясо ем я. Тогда, кривя душой, я говорил, что это баранина. Хоть памирцы и исмаилиты, но всё же мусульмане. Я ел, таким образом, свинину без их ведома.

Мы мирно трапезовали после моего возвращения из пещеры, но я постоянно замечал на себе какие-то необычные взгляды наших хозяек.

После еды старуха, дочь нашего Мафусаила, протянула мне верёвочку из шерсти с камешком *зардмора*, двумя палочками с вырезанными знаками на четырёх гранях и соединённые кожицей когти орла.

- Надень, - сказала она.

- Что это? – спросил я.

- Это тебе, чтобы *дэвы* не приставали...

Она давала мне фетиши. Я безропотно надел их на шею и тогда только заметил, что у всех женщин точно такие же нитки были обвязаны вокруг кистей и вокруг горла.

- Ашурмамат рассказал? – спросил я лаконично в восточной манере.

- Рассказал, рассказал, - подтвердила старуха. – Теперь тебя очищать надо.

- А кто же приходил ночью? *Альмости*?

- Узнавать надо, – пробормотала старуха уклончиво. – Может быть, *альмости*, а может быть, *жиндурв* или *войт*...

- Это кто такие?
- Такие женщины. Здесь живут. К мужикам приходят.
- Они женщины *гольбиявана* – «снежного человека»? А мужчины *жсндурв* и *войт* есть?

Старуха досадливо поморщилась:

- Это такие женщины волосатые в горах живут. Они дикие совсем. Они *дэвы* – духи. Они могут просто мужчину к себе позвать и увести его неизвестно куда. Они могут также лечь с ним, а потом он будет *дэвона* – сумасшедший. Они могут на него болезнь наслать. Ашурмамат рассказал, как они к вам ночью приходили...

Вот те раз! Ашурмамат уже решил, что к нам приходили эти дамы. Все сразу или только одна? И почему у них только женщины в этом качестве, если они «снежные люди»? Может быть, «снежный человек» – это одно, а *альмости* и *жсндурв* – это совсем другое?

Вечер наступил, как всегда в горах, внезапно. Солнце зацепилось за дальний хребет и сразу же стало темнеть.

Женщины затевали что-то необычайное. Если раньше одна из молодых неумоимо таскала разные обломки веток арчи.

Сами арчи виделись с этого места. Ашурмамат говорил, что раньше эти арчи были братом и сестрой. А потом сестра побежала от брата вниз по реке. Почему – он не стал уточнять. Может быть, после того, как нарушили закон о кровном родстве? Брат превратился в арчу и засох, а сестра, тоже став арчой, продолжает зеленеть.

Красивая сказка. Арча – это можжевельник. В горах арча бывает невероятны размеров. Здешние деревья – огромные. Они считаются священными. Я бы любое дерево на такой высоте считал священным существом.

Молодая наносила дровишек на хороший костёр, я завалился рядом, а Ашурмамат устроился неподалёку. Через огонь уселись женщины, и старшая взяла в руки медный таз, в котором готовили молоко. Она взяла его как бубен и начала бесконечное: «Дан, диги-диги, дан! Дан, диги-диги, дан!»

Старуха пела, и все внимательно слушали. Что она пела, я разобрать не мог. Рынский диалект таджикского или, как считают некоторые, отдельный язык, мне не был внятен. Я различал только некоторые слова из тех, что повторяли другие женщины за ней.

Получалось как бы сольный запев и повтор хором. Однообразный ритм и монотонное пение сделали своё дело. Сказалась и бессонная ночь накануне. Ашурмамат разбудил меня, когда костёр давно прогорел, и женщины, весело переговариваясь между собой, собирались расходиться спать.

Мы с Ашурмаматом залезли в свой угол в лабиринте каменных стен и затихли в мешках.

Не знаю почему, но мне не спалось. То ли вчерашний Ужас всё ещё давлел надо мною, то ли сегодняшнее камлание. В ушах стояло «дан, диги-диги, дан» да заунывное пение. Я так и промаялся до утра. А ещё и не

рассвело, как захрустели камни под чьими-то ногами. Я выбрался из мешка и пошёл наружу.

- Ты куда? – остановил меня Ашурмамат.

- Пойду, похожу.

Он также сел и стал выбираться из мешка. Не спал.

Старшая из женщин и её древний родитель уже сидели возле закипающего чайника.

- Только сейчас ушли те, кто за вами пришёл из Деболо, - проворчала старая. – Надо уходить отсюда...

Мы не стали ждать, когда вся команда пробудится и начнёт собираться в путь. Я помог старухе вытащить огромные вьючные корзины, в которых возили весь скарб и дряхлого старца, и пошёл вслед за Ашурмаматом, который направил на тропу вниз наших ишаков. Наши славные альпинисты охотно затрусили по едва различимой тропе в направлении устья Абхарв-дары. Следить за ними было не обязательно. Они сами спустятся вниз и сами придут в кишлак. По моим наблюдениям, это стремление ишаков разделял и Ашурмамат. «С компанией не спорят», - решил я и тронулся самым скорым шагом вниз.

Тот год вообще был отмечен всяческими чудесами.

Пока мы с Ашурмаматом бродили по Абхарв-даре, у альпинистов, как водится, случилось несчастье. Любое несчастье у альпинистов всегда дорого обходится окружающим. Их приходится спасать, тратить на них большие средства и силы людей. Но! Уж так заведено. В тот год где-то на Заалийском хребте погибли люди. Двое пошли в маршрут и не вернулись. Тогда их начальник помчался вслед им, чтобы поискать следов. Следов на камне не остаётся. Он попросил, чтобы ему вдогонку прислали радиста и спасателей, а сам пошёл до непроходимого места, где на хребте сидели «жандармы». Они так называются потому, что сидят верхом на хребте и никого не пропускают. Стенки у них отвесные – сверху не обойдёшь, а сбоку – только путём тяжёлой альпинистской работы с помощью скальных крючьев и всего подобного. Начальник решил, что пропавшие тоже пошли в обход и улёгся в темноте спать. Высота там не меньше пяти километров, воздух разряженный и холодище лютый. Он уже сквозь сон услышал, как заскрипел снег под чьими-то шагами и спросил сквозь палатку:

- Кто идёт?

Ответил совершенно незнакомый голос, что пришёл радист, которого вызвали с базового лагеря. Начальник успокоился и сказал, чтобы тот шёл спать в любую палатку. «Радист» ответил, что будет спать на свежем воздухе. Уже это должно было насторожить начальника, но тот впал в странное дремотное состояние и не включился в суть. Он не отреагировал и на то, что базовый лагерь был за пятьсот метров от этого места, и что ночью по горам за такое короткое время досюда снизу не дойти. Он не среагировал

и на последнюю реплику «радиста», которую очень хорошо запомнил: «Внизу сказали, что надо искать под четвёртым жандармом»...

Утром никакого незнакомого человека, тем более радиста, не обнаружилось, а размытые следы вели к первому «жандарму» и терялись там на отполированном ветром камне. Никто из спутников начальника ничего не слышал и не видел ночью.

Тогда начальник решил «проходить» жандармы. Он был всё-таки классным альпинистом и шёл первым, вбивая скальные крючья, и нанизывал их предварительно на капроновый шнур. Потом он цеплялся кошкой за стенку и двигался дальше, а вся остальная компания уже тащилась за ним. Они так миновали все три «жандарма», и команда заворчала, что надо поворачивать. Между третьим и четвёртым «жандармом» снег был затёрт до зеркального блеска, и никаких следов на нём не было. Начальника всё-таки точили слова ночного «радиста». Хоть он и подумал, что ему всё это пригрезилось, сказанное всё-таки торчало в голове. Он скомандовал идти на четвёртый «жандарм». Пошёл первым. И через некоторое время он увидел цепочку крючьев и капроновую жёлтую верёвку, которая свисала с одного крюка. Верёвка была вроде бы обрезана, а под «жандармом» виднелся занесённый снегом холмик. Спустились туда и нашли одного погибшего бедолагу, который сжимал в руке другой конец, который был тоже вроде бы обрезан. Другого нигде не нашли. С великими трудами тело одного перетащили через «жандармы» и на этом остановились. Следственная часть не могла дать вразумительного заключения – перерезаны ли верёвки или же это просто так лопнул капрон на морозе. Начальник маленько тронулся умом, стал панически бояться гор и вообще покинул Памир.

В числе участников этого события был мой большой приятель, геоботаник, впоследствии ставший профессором. Этого будущего профессора здорово взвинтило случившееся. Он смутно толковал о потусторонних силах и небрежно предложил мне «прогуляться с ним по ближайшей горке», собирать всяких травок. Мне также хотелось «погулять по этой горке», так как там, как мне говорили разные люди, когда-то кто-то видел всё того же «снежного человека».

Я принял предложение геоботаника, и мы пошли на «горку». Ходили суток с двое, собирая всякие колючки и осматривая приметные места. Потом решили возвращаться и заночевали последний раз на маленьком даште – плоскогорье, поставив рюкзаки на естественном выступе метрах в двух от изголовьев мешков. Спали мы, как убитые в жестокий ветер, перегонявший через *дашт* и через нас мелкие камешки, а наутро проснулись и... шутить расхотелось. Рюкзаков не было.

- Снесло, что ли, – мрачно предположил мой спутник.

Я зашёл за ближайший останец и обомлел. Наши рюкзаки валялись тут. Они оказались выше по склону, чем мы их ставили, и находились за камнем. Ветер их так не мог унести.

Геоботаник впал во временный транс и только повторял вполне неприличное слово.

Мы с опаской взяли свои рюкзаки и рысцой тронулись вниз. Там, на дороге, которая шла у подошвы горы, нас подхватила пограничная машина, и мы, менее чем через час, были уже в Хороге, в столице Памира. После таких передрыг было просто необходимо зайти к друзьям. И мы пошли к коллеге нашего геоботаника, будущему таджикскому академику. Тот происходил родом из Хорога, у его отца в столице был свой домик с садом, а сам будущий академик торчал здесь всё лето, делал вид, что работает в ботаническом саду.

Будущего академика дома не было. Он как раз находился в ботаническом саду, где, как мы знали, играл в шахматы с его директором, знаменитым биологом Анатолием Валериановичем Гурским. Раньше семи часов вечера он домой не мог придти.

Папаша будущего академика быстренько спроворил нам чай с лепёшкой и стал расспрашивать, что мы видели в горах. Я не удержался и простодушно поведал старику о приключении. Старик даже в лице переменился. Он ушлёпал во внутренний дворик и долго там возился. Скоро оттуда потянуло ароматным дымком.

- Идите сюда, - позвал нас старик.

Мы простодушно сошли с террасы и двинулись во двор. Там в жестяном тазу дымились головешки и на земле ещё трепыхалась казнённая курица. Её отрубленная голова валялась рядом.

- Иди, перешагивай через огонь, - велел старик.

Я шагнул через огонь, как велел старший, и он прямо из курицы побрызгал на меня тёплой кровью.

Ошалелый от этого зрелища геоботаник безропотно дал проделать ту же операцию с собой.

- Теперь идите за *дастархан*, - велел старик и принялся ощипывать курицу.

Я вспомнил, что сам Великий Авиценна считал курицу самой полезной едой, и пошёл обратно на террасу. Туда же двинулся и мой приятель.

Как только мы уселись за низенький столик, явился сам будущий академик. Он выслушал наш повторный рассказ и заявил легкомысленно:

- Отец теперь будет из вас чертей выгонять.

Старик, тем временем, явился с пучком длинных ивовых ветвей, невесть откуда припасённых. Он сначала похлестал ими меня, а потом и геоботаника. Процедура не заняла много времени. Как раз столько, чтобы свариться лапше и недовариться курице. Мать у будущего академика давно умерла, и всё хозяйство вёл старик.

Как только трапеза была окончена, старый принёс *рабоб* – струнный инструмент из тыквы – резонатора и палки – грифа. С помощью этой штуковины он поднял такой шум, что, по словам желчного геоботаника, «от такого концерта, точно, все черти разбегутся». Старина после сольного

выступления ушёл спать, а мы остались сидеть в ночи. Будущий академик притащил бутылку лабораторного спирта, а будущий профессор с большим удовольствием разбавил его водой. Через полчаса они уверяли меня, будто ветер в горах такой, что любой предмет закатит вверх по склону за любой камень, и что старик просто погорячился, лишив курицу жизни, чтобы согнать с нас злые чары. Потом будущие светила науки исполнили хором туристскую песню Московского университета и велели мне убрать следы греха, порицаемого Пророком, чтобы не увидел правоверный мусульманин – папаша и завалились спать там, где сидели. А я ещё долго слушал журчание арыка и шорох оползней на ближнем склоне.

С этого вечера у меня установилось какое-то двойственное отношение к памирским «снежным людям». Верилось и вроде бы и не верилось. С этим чувством я и прибыл в соседний с Хорогом кишлак Поршнево, где я должен был помочь антропологам взять у таджиков кровь на анализ. Антропология была представлена двумя весьма юными девицами – аспирантками всё того же Московского университета. Они состояли в крайнем унынии, потому что таджики категорически отказывались давать им кровь. Во-первых, они были женщинами. Во-вторых, «неверными» женщинами. Вся экспедиция этих несчастных созданий висела на волоске.

- Помоги, ради бога, – попросили они меня.

Я не мог не придти на помощь. Прежде всего я отправился к сеиду Форрухшо. Благородный философ выслушал меня, посмеялся над предрассудками своей паствы и распорядился давать кровь... но только мне.

Мы поставили в Поршневе палатку недалеко от мазара знаменитого Насири Хисроу и принялись за дело.

Дисциплинированные поршневоцы выстраивались в очередь ко мне. Я, вооружённый суповой тарелкой и иглой Франка, принимался за пациента. Я пробивал иглой безымянный палец, покрытый ороговевшей от кетменя кожей. Пациент вздрагивал и начинал смеяться вместе с соседями. На пальце появлялась кровь, и я ставил пальцем на тарелке капельку в тех местах, где было написано восковым карандашом «А», «Б», «О», «М», «Н» - кровавые маркеры. После этого я из соответствующих ампул наносил пипетками сыворотки в эти капельки и показывал пациенту агглютинацию – где быстрее кровь свёртывалась. Потом я на его глазах мыл тарелку в арыке, клал её сушиться, а сам брал другую, уже высохшую и всё повторялось сначала. Клиент убеждался, что его кровью колдовать не собираются и проникался уважением к процедуре и моей личности.

Я механически пробивал один палец за другим и отвлёкся только тогда, когда перед моими глазами появилось нечто невиданное – связка амулетиков, таких как были у меня вперемешку с различными предметами, непонятного назначения. Все эти необычайности висели на шее маленькой и бесконечно обаятельной старушечки, которую тоже, видно, привёл сюда авторитет сеида

Форрухшо. На переднем плане висела довольно большая, со спичечный коробок, пластмассовая полулунная подвеска.

- Что это такое, уважаемая *ханум*? – спросил я, выделявая манипуляции с тарелкой.

Дама, как и все женщины, равнодушная к виду крови, сказала небрежно:

- Ноготь *Альмост*.

Её слова ударили меня, как молния. Однако, поднаторевший в отношениях с азиатами, я взял себя в руки и сказал как можно небрежнее:

- А не найдётся ли у доброй женщины ещё пары таких прекрасных туфель?

Старушка смешливо взглянула на свои ноги. Она была обута в обычные для памирских таджиков обувь – деревянные башмаки типа сабо на трёх шипах и с загнутыми носками. На мой глаз, они были крайне изысканными. Но в те времена это был столь обычный элемент одежды, что внимание к нему не оправдывалось ничем, кроме того, что я был нездешний чужак.

- Есть, – ответила старушечка. – Приходи вечером и я уступлю пару твоей возлюбленной.

Таджики в очереди одобрительно засмеялись. Они знали, что русские дамы не носят таких башмаков. Я ответил ей на своём лучшем фарси:

- *Мархамате шома зийад!* (Милость Ваша велика).

Старушечка более тепло глянула на меня.

- А как звать благословенную *ханум*?

- Дурсултан, – ответила она не без кокетства.

В этот день мы заработались допоздна и о визите не могло быть и речи.

Девочки свалились усталые, а мне не спалось, и я вышел из палатки посумерничать. Наша палатка стояла впритык к заборчику, за которым был мазар святого Насири Хисроу. Поэт, по преданию, здесь когда-то отдыхал. Местные благородные жители выложили каменные стенки вокруг двух древних ив и образовался крошечный дворик – двадцать на двадцать метров. Весь этот двор бы накрыт густой зеленью, которую не пробивало свирепое горное солнце. Мазар Насири Хисроу и приставлен к одному из деревьев. На этом мазаре стоит камень с надписями на фарси, и лежат выдающиеся по размерам рога архаров и киков.

В центре святилища огромные самородные плиты чёрного камня, заполированные руками паломников, и покрытые надписями на персидском и арабском языках. Между плитами – *хауз*, бассейн два метра на полметра и глубиной до семидесяти сантиметров. Вода здесь как будто стоит. Чистейшая, прозрачная, страшно холодная, голубоватого оттенка. Снизу бьют ключи. Видно, как в водяной толще вихрятся хрустальные потоки, отливая всеми оттенками лазурита и серебра.

Зримо представляется, как утомлённый караван ишаков и маленьких горных лошадей, не видных из-под вьюков, останавливается возле святого

места. Белобородые величавые ишаны в зелёных чалмах и почтительные ловкие молодые люди цепочкой подходят к мазару и дотрагиваются до него рукой, целуют руку и рассаживаются на маленьких ковриках...

Водопадик из *хауза* аккомпанировал мудрым речам и стихам, - ведь собирались здесь фанатичные почитатели поэзии, - Хафиза, Саида Джафара, Фирдоуси и, конечно, Насири Хисроу...

Ночную тишь вдруг пререзал уже знакомый ритм: «Дан» Диги-диги-дан! Диги-диги-дан!»

- Где это?

Я автоматически потрусил на звук. Он шёл со стороны мазара. Вот и мазар. Там никого нет. Ноги понесли меня мимо на звук бубна. Как на голос маяка, я вышел к усадьбе, где и звенел буден.

Тёмный проулок змеился вверх, на гору, отмеченный жиденской цепочкой тополей.

Бубен приглушённо доносился со двора. Отсюда, от дороги, он был даже слабее слышен, чем от мазара, - видно, глиняные стенки мешали. И вдруг я услышал шаги на дороге.

Мне стало настолько тревожно, что я просто замер посреди улицы и сколько не вглядывался в темь, ничего различить не мог.

Шаги звучали всё ближе и ближе. В тяжёлую поступь взрослого человека вплетались совсем лёгонькие шажки, невесомого, видно, существа.

- Саламон алейком, Джура-азиз! – услышал я знакомый голос.

Палвонов! Местный учитель!

- Алейком вассалом, азиз дорогой! – облегчённо вырвалось у меня.

Палвонов был не совсем, по местным меркам, обычный человек. Фамилия у него звучала грозно. На русский переводилась, как «Богатырёв». А был он горбатеньким от рождения и очень больным. К тому же он как-то растаджичился – ходил в европейской одежде, не носил тубетейки, не любил восточных поэтов.

За руку Палвонов держал крошечную девочку. У неё было совершенно неземной красоты личико. Огромнейшие глаза, которые на Востоке всегда называют «газельими», и очень густые волосы, которые, несмотря на тугие косички, облаком обрамляли небесный лик. Волосы были, вдобавок, светлыми, а глаза чёрными.

- Лечиться идём, - пояснил Палвонов, виновато улыбаясь. Видно, думал, что я буду порицать его за недоверие к официальной медицине.

- У неё всё время что-то животик болит, - продолжал он, глядя на дочку. – Никто не верит, что она моя дочь, - добавил он почему-то с безнадёжной грустью...

- Очень на Вас похожа, - поспешил я утешить его. – А кто же лечит?

- Местная женщина лечит, - доверительно прошептал Павлонов. – Вечерами лечит, чтобы *раис* – председатель не ругался.

Раис здесь был зверь – следил, чтобы прежние предрассудки неукоснительно искоренялись.

- А мне можно пойти? – спросил я наудачу.

- Отчего же нельзя? – заулыбался Палвонов. – Все знают, что вы здесь простых людей через кровь лечите...

Вот те раз! Уж такого оборота от моей деятельности на ниве антропологии я не ожидал.

Палвонов толкнул старую, висевшую на ременных петлях, дверь, украшенную такими же прорезями, что и на моих амулетах, и вошёл в обычный горнотаджикский дворик. Я шагнул вместе с ним.

Шёл, видимо, сеанс врачевания.

На *дуконе* сидела женщина с бубном и исполняла на нём известное «дан! диги-диги, дан!» и пела, слегка гнусавя. Всё тот же рынский язык! Мне понять было ничего невозможно.

Перед врачевательницей лежало тело, накрытое с ног до головы белой простынёй.

- А может, здесь покойник, - пронеслось у меня в голове.

Я тихонько прошагал вслед за Палвоновым и его девочкой к кучке людей, сидевших на кошме по другую сторону «покойника», и опустился рядом с ним.

Женщина ещё немного постучала в бубен и попела. Потом она стукнула три раза отдельно – было понятно, что финиш. «Труп» зашевелился и сел, покрывало свалилось с его головы и груди. Это оказался знакомый мне шофёр из Хорога. Женщина что-то поискала на этом шофёре и вытащила что-то. По толпе зрителей пронёсся вздох удивления. Женщина что-то быстро заговорила всё на том же рынском языке.

- Нашла то, чем человека заколдовали, - пояснил мне шёпотом Палвонов.

Женщина взяла это, что заколдовало шофёра, и положила в огонь – костёрчик, который был разожжён в жестяном тазу на террасе. Колдовская вещь ярко загорелась, и шофёр засмеялся.

Облегчённо смеясь, он встал и занял место среди зрителей, недалеко от меня.

- Где девочка? – спросила женщина.

Мне показалось, что она что-то держала во рту.

Палвонов торопливо встал, поднял дочку и провёл её вперёд. Он уложил её перед чародейской и накрыл с ног до головы тем же белым покрывалом.

Камлание на этот раз не заняло долго времени. Женщина с полчаса пела различные заклинания, после чего прекратила сеанс, пошарила вокруг лежащей девчурки и вынула тоже что-то. Я уже знал – это и есть сосредоточие колдовства, которое напущено на этого ангелоподобного ребёнка. Женщина что-то долго говорила шёпотом Палвонову, внимавшему с крайним почтением. Отпустила она его только после того, как на огне сожгла сосредоточие зла.

Палвонов сошёл с террасы, держа девочку за руку, и направился ко мне. Перед этим врачевательница похлестала девочку гибким пучком веток.

Остаться далее мне показалось неприличным. Я пришёл без спроса, вроде бы с Палвоновым. С ним я и должен был уйти. Так я и понял его действия.

На улице мы распрощались самым витиеватым способом, и горбун побрёл со своей красавицей к дому. Я тронулся в палатку за мазар.

Утром подул «афганец». Кто не знает, что это такое – блаженный человек. Казалось, что заработал адский кондиционер, отлаженный по нормам преисподней. «Афганец» тащит с собой совершенно неземной песок, гораздо тоньше самой что ни на есть французской пудры. Этот песок лезет во все отверстия тела и оседает на всех краях одежды. Веки окаймляются тонкой наждачной коркой, и глаза начинают нестерпимо болеть. Ноздри также покрываются изнутри каменной оболочкой. Руки растираются об рукав и так далее. «Афганец» - это местное наказание Аллаха за грехи, совершённые и будущие.

Работать в эту пору было невозможно. Я побрёл к старушечке Дурсултан. Ноготь *альмост* стоил любых лишений. Даже путешествия в разгар злодеяний «афганца». По дороге пришлось перевести дух в мавзолее родителей сеида Форрухшо. Для них местные благодарные жители не пожалели трудов. Мавзолей глинобитный. В нём два глиняных надгробья, напоминающих половинку футляра от скрипки, расширяющиеся к голове. Головой покойники лежат на восток. На потолке в плафоне изображена пара голубей, а не стене – пара львов. Нарушают мусульманские заветы, изображают реальный мир. Все стены и потолок покрыты арабской вязью – божественный почерк *куфи*. Здорово потрудились местные люди. Они даже выбили изображение рук ирригатора Форрухшо на камне близ центрального арыка.

Усадьба Дурсултан стояла недалеко. Обычные каменные стены, обычные строения внутри и всё это – в пыльном тумане жёсткого «афганца».

Меня пригласили внутрь жилища.

Первое впечатление – ковры, ковры и коврики. Всё в коврах. И стоит станок с натянутыми нитями – ковры ткёт сама хозяйка. Для Памира это нечастое явление. Здесь у женщин и без ковров дела хватает. И за этим станком какое-то вообще неземное создание, - оказалось мамаша старушки Дурсултан. Вот везёт мне на долгожителей. То святой старичок на Абхарв-даре, то вот эта старушка-ковровщица...

- Я пришёл за башмаками, - заявил я довольно фальшиво, не отрывая глаз от ногтя *альмост*, который так и красовался посреди связки амулетов на шее Дурсултан.

- Выпей воды, *ашна*-друг, и поешь нашего хлеба, – прервала моё неустанное выступление старуха. Видно – была строгая ревнительница обычая.

Лепёшку и пиалу с водой поднёс мне юный красавец, как выяснилось позже, студент Душанбинского университета, Хоелбек, внук Дурсултан.

Я ритуально отщипнул лепёшки и выпил от души прохладную воду. Памирский ритуал был соблюден. Здесь, если просто остановишься возле забора-*дувала*, в ту же минуту поднесут и воды, и лепёшки.

- Принеси, - коротко велела старуха внуку.

Тот вышел на минуту и вернулся, держа в руках деревянные башмаки. Мне эта самая обувь памирских таджиков представляется столь же эстетичной, что и скрипичные грифы Страдивари. Вырезанный изысканнейший изгиб носков, треножник подошвы с железными шипами! Всё – совершенство! Красота.

Я забормотал слова благодарности и передал парню деньги – много выше рыночной цены и стал не спеша заворачивать башмаки в принесённый с собой платок. Здесь, как и везде в Средней Азии, подпоясываются платками.

- А можно ли мне взглянуть на ноготь *альмост*, уважаемая?

Но тут взглянуть на ноготь *альмост* мне пришлось прямо в его действии.

Раздался топот торопливых ног и в дом ввалился здоровенный дехканин, держащийся за щёку.

- Помоги, скорее, *ана*-сестра, – просипел он, едва раскрывая рот из-за гигантского флюса. От природы узкий глаз совсем утонул в распухшей щеке.

- Скорее к хирургу! – подумалось мне.

- До Хорога не доеду, – сказал он, как бы угадав мои мысли, больной. – Болит выше человеческих сил.

- Садись, *ашна*-друг, – велела старуха.

Пациент сел, а она сняла с себя волшебную связку и отцепила ноготь *альмост*. Старуха просто приложила этот ноготь снаружи на самое больное, воспалённое красное место, и пациент затих. Он так и сидел, как загипнотизированный, вслушиваясь, как уходит боль. Потом он вздохнул, выдавил, улыбаясь одной стороной:

- Аллах акбар!

Дурсултан снова привязала ноготь к связке охранителей и повесила её на шею. Исцелённый достал из-за пазухи лепёшку, завернутую в чистый платок, положил на стол – гонорар, и вышел.

- Можно я ноготь сфотографирую? – спросил я робко.

- Нельзя, - твёрдо ответила старуха. – Ослепнешь...

Спорить не пришлось. Я поклонился, прижав правую руку к сердцу, а в левой держа узелок с башмаками, и вышел, сопровождаемый парнем.

- Ты скажи, что хочешь сфотографировать ноготь *альмост*, сеиду Форрухшо... - прошептал мне доверительно студент Душанбинского университета, видимо, не разделявший заблуждений своей бабушки.

- Попробую, - шёпотом ответил я.

У сеида было уютно и в «афганец». В очаге неспешно горело арчевое бревно. Возле приткнулись многочисленные чайнички с кок-чаем. Сам сеид полулежал на кошме. Ноги его для тепла были укрыты выделанной бараньей шкурой, а в руках он держал *рабоб*. Сеид тихонько перебирал струны, совсем как восточный философ прошлых веков, и приветствовал меня простым взглядом и коротким «Салам» в ответ на полную форму мусульманского заклинания.

Я долго вытряхивал в тамбуре свою шерстяную рубаху, подняв тучи пыли, мылся из кувшина и скоро был готов.

Мои приношения – китайский чай и консервированная пастила были приняты благосклонно.

- Ты что-то хочешь попросить, - прозорливо заметил сеид.

- Вы видите насквозь... У Дурсултан из Поршнева есть ноготь *альмошти*.

- Знаю...

- Все не верят, что *альмошти* есть...

- Я сам не верю...

- Можно, я возьму этот ноготь и покажу его учёным... А потом я верну его Дурсултан...

- А твои учёные тогда скажут, есть ли *альмошти*?

- Скажут.

- Вези.

«Афганец» дул три дня. На четвёртый день он кончился. И это уже было праздником. Праздник усугубился и тем, что к мазару, где я опять пробивал таджикские пальцы иглой Франка, пришёл внук Дурсултан, студент Душанбинского университета Хоелбек, и таинственно сообщил мне:

- Джура-азиз, Юра, дорогой, бабушка велела тебе придти.

Я нёсся в гору к усадьбе Дурсултан, как на крыльях.

Старуха была пасмурна.

- Клянись, что приплёшь обратно ноготь *альмошти*, - приказала она.

Корана в доме не нашлось, и я поклялся на русско-таджикском словаре, что не позже этой осени верну ноготь.

Старуха со вздохом отцепила ноготь от связки амулетов и долго заворачивала его в платок.

Я понимал причины её недовольства. С дантистами в кишлаке было плохо, а зубы болели у многих...

У меня не хватит красок, чтобы описать, какой переполох вызвало прибытие ногтя в Москву. Это был самый разгар интереса к «Снежному человеку». Раз в неделю в центральных газетах появлялись самые фантастические сообщения об этом самом «снежном человеке». Но одно дело – слова, а другое – вещи. Всем этим шабашем руководил известный историк Борис Фёдорович Поршнев. Он в горячах хотел дать пространные сообщения в прессу, но я умолил его не делать этого.

Тогда Борис Фёдорович собрал самую авторитетную комиссию, куда входили специалисты из криминальной службы, работники КГБ, антропологи, анатомы и ещё всякие любители. Авторитетнейший ареопаг установил, что этот ноготь, да пошлёт ему Аллах сил для исцеления зубов, был изготовлен из копыта ишака. Автор остался неизвестен.

Компьютер для шамана

Как-то к нам в Институт приехал американец с шаманским бубном из синтетических материалов и весьма правдоподобно продемонстрировал «как это делается». Сама похожесть его действий на работу настоящего шамана и послужила последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Неподдельный восторг моих сослуживцев, большинство из которых знали о шаманах только понаслышке, добавил ощущения реальной опасности. Собратья-этнографы принимали имитацию за настоящее, копию, пусть даже и отличную, – за подлинник. И это учёные! Чего же ждать от людей, которые занимаются не столь экзотическими делами, как изучение культуры разных народов? Настало время действовать.

Случай не заставил себя ждать. Было объявлено, что летом 1988 г. состоится Всемирный фольклорный фестиваль, на который соберутся исполнители народных песен, танцоры, сказители, мастера традиционных ремёсел и прочие искусники. Мне подумалось, а что если пригласить натурального нганасанского шамана в амплуа сказителя. В общей массе номеров он может и проскочить. Показать хотелось шамана Тубяку, потому что он сохранил классические формы своего сложного жанра, будучи и сыном, и внуком великих шаманов Таймыра.

Но об этом впереди.

В качестве первого барьера предстояло убедить чиновников по ведомству культуры в том, что шаман на фольклорном празднике необходим.

- Но ведь он будет шаманить, колдовать, - взволновался чиновник, - ведь его это самое пение будет своего рода колдовским служением.

- Мы же хотим, чтобы Тубяку выступил как народный сказитель, - начал я примирительный манёвр. – Вы знаете, сколько он знает фольклорных сюжетов?.. В прошлом году в Новосибирске с ним занимались фольклористы. Они истратили весь годовой запас магнитофонных плёнок. Когда подсчитали, сколько он выдал мифологических сюжетов, оказалось, в двенадцать раз превысил размеры «Илиады» и «Одиссеи», вместе взятые. В двенадцать раз помнил больше Гомера, а Гомер в этом деле – рекордсмен...

- Ладно, - твёрдо сказал чиновник. Он уже принял решение, и лишние рассуждения не требовались. – Ладно. Оформим его как народного сказителя и демонстратора старинных шаманских обычаев...

Нас устраивала любая формулировка. Следовало развивать успех.

- Пожалуйста, - попросил я, - распорядитесь, чтобы из Дудинского музея дали Тубяку на время шаманскую амуницию.

- Не понял! – насторожился чиновник.

- Видите ли, у Тубяку год назад умерла жена. Он очень расстроился и передал в музей все свои шаманские атрибуты – нагрудник, парку, шапку, бубен, - в общем, все... Теперь, если он придет, то ему нечего надеть...

- Это ведь всё для настоящего шаманства, эта одежда, – насторожился чиновник. – А он будет как сказитель...

- Вы только представьте себе, что выдающийся певец выступает без реквизита...

- Пусть возьмёт, – решил чиновник.

И вот пришёл день, когда Тубяку прибыл в Москву. Приезд был пышным, как того и заслуживал выдающийся шаман. Вместе с ним прибыли: его брат Борис, который должен был выступать в качестве помощника шамана – толкователя его слов; сын Лёня, который также должен был помогать шаману в устройстве особого шаманского чума; дочь Надежда, взятая в качестве переводчицы вместе с четырёхмесячным сыном и мужем.

Это была, так сказать, приближённая свита Тубяку. Кроме неё, в Москву явились две служительницы Дудинского музея, привезшие шаманские вещи Тубяку, и совершенно не запоминающийся администратор, осуществлявший общее руководство. Всего эскорт Тубяку составлял восемь человек разного пола и возраста.

Я застал Тубяку в гостинице. Старик, ему около семидесяти, ничуть не изменился за те пять лет, которые мы не виделись.

Одет он был в простецкий городской костюм, и это разрушало его природную манеру держаться. Он всегда держался значительно больше других, как-то твёрже, что ли. В тундре, постоянно одетый в роскошную меховую *парку*, белоснежную, украшенную аппликацией из чёрной и белой кожи и красных вставок, Тубяку выглядел много импозантнее. Городской костюм не то чтобы портил, но как-то приземлял.

Наше знакомство со стариком уже насчитывает лет тридцать. Я с ним встретился, когда он ещё стариком не был. Случилось это на маленькой фактории на Таймыре. Я приехал к нганасанам первый раз и многого не понимал. Тогда я верил в зловредность шаманов и отнёсся к Тубяку с подозрением.

Его отец Дюходэ (с ним работал в 20-е годы мой учитель – Борис Осипович Долгих) считался на Таймыре самым великим шаманом. Про него рассказывали невероятные вещи, впрочем, рассказывают и сейчас. В пору сватовства Дюходе камлал у своего тестя и в знак собственного могущества разрезал себе живот от грудины до лобка, вынул селезёнку, воткнул её в снег, чтобы она заледенела, а потом строгал её и ел, как едят обычное мороженое мясо и ливер... Дабы шаману верили, нужно, по словам самих нганасанских

шаманов, чтобы люди напугались, чтобы они боялись. Люди должны прежде всего воочию видеть сверхъестественные возможности шамана. Например, способность с помощью духов наносить себе тяжёлые телесные повреждения безо всяких последствий.

Я бессилён это комментировать как за давностью годов, так и зная совершенную неспособность к вымыслу старика, который обо всём этом рассказывал...

- Может быть, гипноз сильный, – как-то высказался старший сын Дюходэ, брат Тубяку по имени Дюмнюме. Он тоже шаманил, но Тубяку считал его шарлатаном.

Мир духов для старого нганасана так же реален, как для москвича, скажем, Управление московского городского транспорта. Большинство людей никогда его не видело и не увидит, это управление, но в его существовании не сомневается.

Шаман – посредник между миром духов и собственной кровной роднёй. Шаман – медиум, через которого человек может общаться с духом. Шаман – посредник между этим миром и миром мёртвых. А всё вместе составляет целое, несмотря на противоположность качеств. Бренные людишки зависят как от верха – солнечного мира, так и от низа – сферы Холода. Известным образом от этих самых людишек зависят и все эти духи, которые питаются ими, которые живут в них так же, как и человек живёт в мире воздуха и воды. Разумеется, представления даже самых обычно мыслящих нганасан, гораздо тоньше и сложнее, чем я сейчас говорю. Но для того, чтобы всё это рассказать, и двух книг не хватило бы. Приходится огрублять, да простят мне мои друзья – нганасанские шаманы.

Каждое шаманское действие глубоко обосновано и предопределено. Все вместе они также строги, как и богослужение в любой из великих религий.

- Теперь как работать? – спросил меня Тубяку, - как духов просить, что сказать?

- Ты-то сам духов видел, как сюда идти?

- Конечно, ходил к ним сперва. Сказал, что Москва – люди хотят с ними маленько говорить... Самый главный-то, *Быдытангу*, сказал, что не пойдёт просто так, не зная чего делать. Сказал, что пускай я приду к Фаторэ, позову ещё десять *Коу-копто* – Солнца – девок и ещё пусть какого-то русского духа звать буду.

Быдытангу, главный дух шамана, рассудил резонно. Ему, шестиногому могучему духу, не пристало просто так шататься по желанию неведомых организаторов фестивалей. Двуликий Фаторэ, дух Нижнего мира, конечно, мог отреагировать на какие-то нужды москвичей. Однако с русским духом было неясно.

- Ты какой русский дух-то хочешь звать? – поинтересовался я, полагая, что у Тубяку могут быть свои соображения.

- Нужно звать *Микулуска-Басадинта*.

Ага! Ему потребовался самый популярный православный святой – Никола-угодник, святой Николай Мирликийский, главный заступник всех ходящих по земле и плывущих по водам, а с начала этого века – и летающих на аппаратах тяжелее воздуха. Это ещё в XVII в. нганасаны убедились в могуществе *Микулуски* – Николы, под покровительством которого отчаянные русские мужики прошли сквозь весь Таймыр в соседние земли. Его нганасанское прозвище *Баса-динта* (Железный лук) – говорит само за себя.

- А какие дела надо сделать, чтобы *Микулуска* с тобой говорил?

- Надо койка приносить.

Сперва и не поймёшь. *Койка* – это идол, который сам по себе является одушевлённым предметом. Однако нганасанские идолы всегда относятся к каким-нибудь могущественным стихиям. Есть Огня-идолы, есть Земли-идолы, Грома-идолы и так далее! Наверно, он имеет в виду икону?

- Ты правильно понимал, - обрадовался Тубяку.

Учёная дама, опекавшая нашего шамана, была срочно отправлена в ближайшую Крестовскую церковь, чтобы купить там бумажную иконку с изображением святого Николая Мирликийского.

- Теперь думай, какую работу духам давать надо, - потребовал Тубяку.

- Пусть они стараются, чтобы всем хорошо жить было, - предложил я.

- Совсем пустое дело, - возмутился Тубяку. – Как они будут сразу всем хорошую жизнь делать? Давай, пусть какому-то человеку помогают.

- Ладно, - сказал я, вспомнив, что один из моих приятелей очень страдает от радикулита, - пусть одного человека лечить будут.

- Теперь ладно, - согласился шаман.

Праздник устраивали в Измайловском парке, а он представлял собой зрелище необыкновенное. Здесь буквально бурлила сказочная толпа.

Тубякин чум из шестов, накрытый белой палаточной тканью, притаился в маленькой рощице позади центральной площади парка. На шаманском месте у задней стенки чума положили оленью шкуру. Перед ней зажгли костёр.

Костёр потихоньку вошёл в силу. Настало время оживлять бубен – греть его. Сын шамана – Лёня принялся вертеть над огнём заслуженный инструмент, плевать на него и растирать слюну колотушкой – мамонтовой кости лопаточкой обтянутой *камусом*. Бубен постепенно набирал голос – звучал всё громче и жёстче.

Настало время облачения шамана. Шаманский обряд одевания сложен. Каждая деталь шаманской одежды полна всяческого смысла. Каждая железка и медяшка призвана играть совершенно определённую роль. У всех шаманов штат этих металлических идолов одинаков. Только сами идолы делаются по разумению разных мастеров. Кроме мужского инструмента, на нагруднике имеется многократное изображение «семи богов» – главные семёрки духов: на месте пупка – *кин*, медный пуп с двумя головами, защитник шаманского живота, *денкусы* – железные лебеди, повелители трёх сфер, – земля, вода, воздух, которые помогают шаману в его многотрудных странствиях.

Духовная сила, содержащаяся в простом металле, как душа человеческая в брэнном теле.

А шаманскую парку, что-то вроде пиджака без ворота, можно изучать часами, путешествуя по ней, как по музею, если гид найдётся знающий. К парке пришита на спине цепь, которая не даёт шаману совсем упрыгать из этого мира в потусторонние страны.

Довершают форму рукавицы без пальцев и шапка – перекрещивающиеся на макушке ленты, соединённые налобной повязкой. На шапке – железные рога, на лбу – изображения глаз, а на глазах – густая бахрома. И бахрома, и искусственные глаза – элементы техники безопасности. Дело в том, что когда шаман становится медиумом, когда в него вселяется какой-то дух, то этот самый дух смотрит на людей глазами шамана. Если же простые люди заглянут в эти глаза духа, им не сдобровать. Взгляд ведь обладает могучей силой, и дух может убить взглядом нечаянно, если человек в него упрётся. Поэтому глаза и завешивают бахромой. А что касается глаз искусственных на лбу, то они используются душами покойных родственников. Когда шаман с ними разговаривает, то покойник может поглядеть на своих через вшитые глаза безо всякого вреда для собственных потомков и близких.

... Тубяку уселся за костром на шкуру и, совершенно игнорируя нетерпение зрителей, принялся облачаться, как это он делал всегда в родной тундре, - сапоги, нагрудник, парка, шапка, рукавицы... Всё...

Он огляделся, прежде чем брать бубен, и произнёс удовлетворённо:

- Теперь все пришли...
- Это означало, что его помощники – мелкие духи уже собрались.
- Давай, теперь речь говори, - обратился ко мне Тубяку.
- Что говорить?
- Говори, какой я человек, - утвердил Тубяку.

Народу уже собралось достаточно. Кого тут только не было! Но вся эта толпища говорила почему-то шёпотом, и этот шёпот совершенно не глушил тихие размеренные удары Тубяку по бубну.

Я много кое-чего рассказал из биографии Тубяку, умолчав о том, что его за шаманство два раза сажали в тюрьму в сороковые годы, что тьму несправедного валили на шаманов... Как только я произнёс последнее слово, шаман с помощниками затаили начальное «*Та-а-ма-а-ны-ы*», древний призыв, которым в Арктике аборигены оповещали духов о желании встретиться...

Борис, Толя, Надежда и сам Тубяку стали на одно лицо. Я часто замечал этот эффект у многих шаманов на Таймыре. Казалось, что на четыре головы натянута одна и та же маска.

Таманы ещё тянулись, когда Тубяку сказал мне вполголоса:

- Давай, говори, какую работу делать.

Поручения шаману даются следующим образом: берёшь маленькую палочку, бьёшь по ободу бубна и говоришь, что тебе нужно. Я так и сделал.

Постучал палочкой по бубну и изъявил желание, чтобы Тубяку попросил у духов благополучия для всех собравшихся. Шаман ответил бурной серией ударов по бубну – значит, понял и принял к исполнению. Затем вышел мой друг физик, страдающий от радикулита. Он согнулся, кряхтя, стукнул палочкой по бубну и попросил:

- Вылечи, пожалуйста!

Шаман ответил более энергичной серией ударов – видимо, эта задача показалась ему легче, хотя, на мой взгляд, пообещать благополучие для всего света куда проще, чем освободить поясницу моего приятеля от боли.

Камлание началось. Поначалу оно представляет собой занудливую картину, особенно, если не знаешь языка. Даже если и знаешь язык, то всё равно этого мало. Нужно знать мир своего шамана, характеры духов и все их прежние деяния. Тогда и будешь в курсе дела. Шаман выпевает слова, которые тут же подхватывает его помощник – «переводчик». Помощник ещё тянет предыдущую фразу, когда шаман выступает вновь. Звук не должен прерываться – в этом условии самого действия. Звук считается такой же твёрдой материей, как взгляд. Слово – это уже предмет, это материальное явление. Поэтому для шамана бросаться словами огромный грех. Слово шамана, как скальпель хирурга. Оно лечит и убивает, если им соответственным образом воспользоваться.

Так и будет тянуться это пение, покуда шаман не обсудит со своими помощниками, как ему лучше выполнить задание. Потом он будет *аргишит* – кочевать на то место, где лежит его знакомый дух. От него он перейдёт к другому, от другого – к третьему и так далее. Он обойдёт столько духов, сколько потребуется для того, чтобы удовлетворить человеческую нужду. Если первый не сможет помочь, то он не будет о том же просить других. Всё же вежливость потребует, чтобы он навестил всех.

Не знаю, как с процветанием всех присутствующих, а с радикулитом моего приятеля может покончить любой из Тубякиных духов. Им ничего не стоит пугануть трусливую болезнь.

Тубякины помощники вели себя, как всегда, буйно. Дети антиприроды. То один, то другой голос духа-помощника прорывался в мелодичном пении шамана. Голос у Тубяку довольно приятный: духи требуют толкового и чёткого изложения дела, да и сами высказываются довольно определённо, хотя и издают разные звериные звуки – на то они и духи.

... Пение шаманской команды становилось всё резче и резче. Движения шамана стали более порывистыми. Он поводил плечами, гремя всем своим металлом. Бубун стучал всё сильнее и сильнее – приближался переломный момент. Вот уже духи закричали: «Пошли! Пошли! Вперёд! Вперёд!»

В этот момент в толпу зрителей вплыла кавалькада важных людей.

- Замминистра, замминистра, - прошелестело в публике...

Прибыл заместитель министра культуры в сопровождении фотокорреспондентов и множества важных персон, говоривших

преимущественно по-английски. Один из самых представительных иностранцев и его переводчик остановились рядом со мной.

В камлании, между тем, настал волнующий момент. Шаман пошёл к духам. Внешне это выглядит весьма эффектно. Тубяку встал на ноги, Борис забросил конец цепи за шесты чума и повис на нём. Тубяку же стал рваться вперёд, прыгать на этой цепи, держа перед собой бубен и, с предельной силой стуча колотушкой, сопровождал ударом каждый прыжок. Он, словно фантастический олень, шёл галопом к цели, которую ему указывали невидимые помощники. Это они тащили его вперёд. Именно в этот момент идолы на одежде стремились тянуть и толкать шамана, сметая всё на его пути. Вот, наконец, он увидел «землю», где лежит знакомый, относящийся к нему с симпатией дух, его дух. Шаман достиг этой «земли».

- Здравствуй, я – дядюшка! – прокричал он духу.

- А-о-у! – прорычал Хенко-нгарка – Чёрный Дух-Медведь. – О-а-у! Антына, ман-ты-на, ха-ку-ай! Ан-ты-на, манн-ты-на, ха-ку-ай! – это он так на своём языке отметил приход шамана. Эти слова знают все от мала до велика в Авамской тундре. Все знают, что это слова из языка Чёрного Духа-Медведя. Но смысл их даже шаману не известен.

- Оу! – ревел Дух-Медведь, - садись говори!

- Что он делает? – спросил у переводчика англоязычный иностранец.

- Готовится впасть в экстаз, - важно пояснил переводчик. Тот, кого принимали за замминистра, уверенным кивком подтвердил сказанное.

- О, духи, духи, - пронеслось у меня в голове, - простите этим несведущим. Не знать – грех невелик, но прятать незнание – грех смертный...

Простите им.

Тубяку, тем временем, трижды обернулся на одном месте. Шаман должен осмотреться, прежде чем сесть. Он должен и сам разместиться, и свою буйную команду помощников рассадить так, чтобы не стеснить хозяина. Иначе тот вышвырнет всю команду вон.

- Вот, к тебе пришёл, дядюшка, - заискивающе говорил шаман, - тебе угощение принёс, - продолжал он, в то время как Борис наливал ему рюмку водки. Сейчас шаман станет этим духом. Сейчас этот дух вселится в шамана.

- Эбэй! Что тебе надо, говори...

- Когда же он в экстаз впадёт? – задумчиво спросил иностранец.

- Мы сейчас посмотрим на танцы, - успокоил его через переводчика тот, кого принимали за замминистра, - а на обратном пути увидим его в экстазе.

Видимо, этот человек, принимаемый за замминистра, считал шамана чем-то вроде самовара. По его мнению – он ещё не закипел, но обязательно дойдёт до нужной кондиции.

Вся кавалькада важных персон поплыла дальше через толпу, как корабль сквозь беспорядочные волны.

А в чумике тем временем шёл важный разговор о радикулите. Шаман попал в точку с первого раза. Чёрный Дух-Медведь в деликатных выражениях дал понять, что эта болезнь для него – плёвое дело. К слову сказать – духи совсем не пьяницы. Для них маленькая рюмочка – целая бадья. Единственно, они не принимают суррогатов: водка или спирт – вот достойные напитки. Всё остальное – для лукавых людей.

В камланиях есть одна привлекательная сторона: все действия производятся строго по шаблону, но исполнение никогда не бывает одинаковым. И я забыл на минуту о своём приятеле, вслушиваясь в песню духа, исполняемую шаманом.

Мой приятель вывел меня из этого состояния, по-мальчишески пихнув локтём в бок:

- Слушай, старина, - прошептал он возбуждённо, - отпустило! Не болит!

Тут настала моя пора изумляться. Столь быстрого исцеления я не ожидал.

Потом Тубяку покинул этого духа и побывал у других. Последним он посетил Николу Угодника и имел с ним дружественную беседу. У меня осталось впечатление, что заботу о всеобщем процветании Тубяку возложил на него...

Вечером, в гостинице, старик сидел совершенно свежим. Будто и не было многих часов тяжёлого выступления.

Тубяку с удовлетворением уселся на постели, поджав ноги калачиком, свита резала колбасу и хлеб. Я открывал бутылку, предназначенную уже не духам, а нам. Кто-кто, а Тубяку заслужил право разрядиться. За свой сеанс он перелил через себя бутылки полторы в духов. Справедливость требовала, чтобы ему перепало что-то и самому.

- Трудно работать стало, - пожаловался он.

- Не вижу, - возразил я. – Ты совсем как будто ничего и не делал.

- Я совсем другое дело думаю, - сказал кудесник, - голова худая стала.

Как шаманить, долго всё вспоминаю, что раньше говорил и что мне эти дьяволы говорили.

- Как все? – изумился я. – Всё? Всё? За всю жизнь, что ли?

- Конечно, - скромно подтвердил маэстро. – Если всё не вспомнишь, дьявол сердиться будет, прогонять будет... Он два раза одну и ту же говорку в ухо не кладёт...

- «Вот это да! – подумалось мне. – Но что же ещё может быть у бесписьменных людей? Только голова».

А наши стихи и песни, вся эта поэзия, все эти рифмы и размеры – это всё от тех времён, когда все знания нужно было держать в голове. Это всё – лишь способы запомнить. Самая простая мнемоника... Сравните речь нганасанских стариков и молодёжи. Разница такая же, как у Шекспира и современной газетной передовой...

- Совсем голова худая стала, - заключил Тубяку, пропустив рюмочку. –
Надо скоро работать кончать.

Мы задумались. Каждый про своё, глядя на телевизионный экран, где демонстрировали современное электронное чудо. Оператор набирал что-то на пульте, и дисплей мгновенно выдавал эту требуемую информацию.

- Чего этот человек делает? – заинтересовался Тубяку.

- Это – машина такая, компьютер, – пояснил я. – В неё можно что угодно передать, а потом она может рассказать, что нужно.

- Уга! – с оттенком некоей зависти сказал Тубяку. – Однако для шаманского дела совсем нужная машина. Если бы такая машина была, то ещё можно работать... – и посмотрел на меня с надеждой.